В. В. ГРИГОЛАВА

КОНТРАСТНАЯ ИЛЛЮЗИЯ, УСТАНОВКА И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

„МЕЦНИЕРЕБА"

СОДЕРЖАНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК ГССР
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ ИМ. Д. Н. УЗНАДЗЕ

В. В. ГРИГОЛАВА

КОНТРАСТНАЯ ИЛЛЮЗИЯ, УСТАНОВКА И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1987

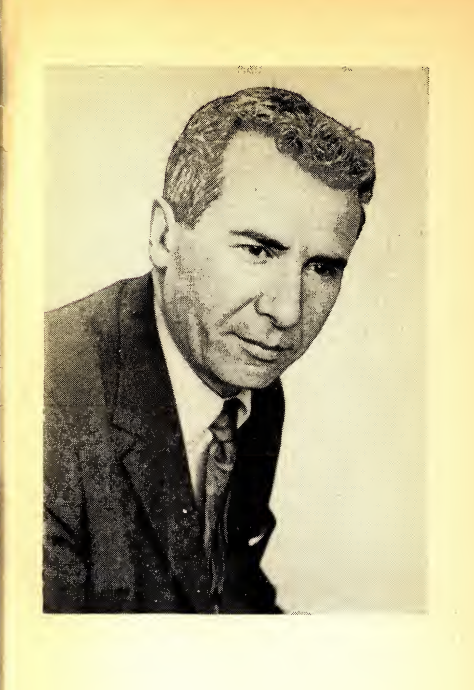
В книге рассмотрены экспериментальные основы психологии установки Д. Узнадзе и сделана попытка оценить с позиций Д. Узнадзе новые экспериментальные данные, полученные учениками Д. Узнадзе после его смерти (1950 г.). Ввиду того, что в последние годы некоторые исследователи отождествляют теорию установки Д. Узнадзе с «бессознательным» З. Фрейда, или же находят, вроде бы, существующие между этими теориями параллели, автор пытается доказать, что теория Узнадзе совершенно ничего общего не имеет с теорией З. Фрейда, кроме одного: у обоих авторов ни установка, ни «бессознательное» не является феноменами сознания.

Книга представляет собой обобщение результатов многолетней (с 1949 г.) работы, отдельные главы ее были опубликованы на английском, немецком, французском, чешском, японском и испанском языках и печатались в материалах XIX, XX, XXI, XXII и XXIII-го международных конгрессов психологов.

Представляет интерес для психологов, философов, физиологов, а также для круга читателей.

Редактор доктор философских наук В. Л. Какабадзе

Г $\frac{0304000000}{М 607 (06)—87}$ 227—87

ВСТУПЛЕНИЕ

Теория установки Д. Н. Узнадзе, опираясь на принципы диалектического материализма, считает, что любое объективное воздействие окружающей среды должно проходить не бесследно для организма, а вызывать в нем соответствующие объективным условиям изменения — установку. «... то специфическое состояние, которое возникает под воздействием объективной ситуации удовлетворения потребности, можно назвать установкой»[1]. Это означает, что после этого организм, как **измененный**, отвечает на воздействие окружающей среды. Но, с другой стороны, согласно теории установки Д. Н. Узнадзе объективный раздражитель не сможет оказать воздействия на живой организм, если последний не имеет потребности в соответствующих предметах объективной среды. Следовательно, установка — это возникающее на основе взаимодействия субъективного и объективного факторов целостное состояние организма.

Психология установки Д. Н. Узнадзе в основном экспериментальная психология. В связи с этим встает вопрос: можно ли все сказанное о природе установки подтвердить экспериментально?

Именно этой цели служит так называемый метод фиксированной установки Д. Н. Узнадзе.

Существует один экспериментальный факт, состоящий в следующем: если испытуемому **для сравнения** предложить в обе руки одновременно несколько (10—15) раз резко отличающиеся по весу тяжелый и легкий предметы и непосредственно вслед за этим два одинаковых по весу предмета с той же задачей, обнаруживается следующее интересное явление: в той руке, в которую в предварительных опытах давали легкий предмет, испытуемому предмет покажется более **тяжелым**, а в другой руке — более **легким**.

На этот факт в науке впервые обратили внимание Фехнер и его сотрудники (1860 г.), в результате чего отмеченный феномен стал известен в психологии под названием «иллюзии веса Фехнера». Главным образом этим фактом была заложена

---

[1] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Мецниереба, 1964, с. 47 (на груз. яз.).

основа так называемой психофизики, впоследствии получившей широкое признание в психологической науке.

В психологии существует несколько толкований данного факта, но наибольшую популярность вначале получила теория Мюллера. Обоснование своей концепции установки Д. Н. Узнадзе начинает именно с критики этой теории.

Мюллер и Шуман[2] дают следующее объяснение этому факту: на основе многократной подачи двух неравных грузов в нас вырабатывается соответствующая моторная направленность или мускульная установка, придающая каждому последующему акту сравнения своеобразный оттенок. Когда мы одной рукой поднимаем более тяжелый предмет, а другой более легкий, в это время для поднятия более тяжелого предмета в соответствующей конечности происходит мобилизация сильного мускульного импульса, а для поднятия легкого — мобилизация слабого импульса. Когда после многократного повторения этих опытов испытуемый получает разные по весу предметы, одна рука, благодаря мобилизованному в ней импульсу к поднятию более тяжелого предмета, быстрее и легче «отрывает» предмет с места, и этот предмет «летит вверх», а вторая рука поднимает тяжелый предмет со слабым мышечным импульсом, и этот тяжелый предмет как бы «прилипает к подставке». Именно эти впечатления «взлета вверх» и «прилипания к подставке» лежат в основе того переживания, что один предмет нам кажется более тяжелым, а другой более легким.

Если бы не было этих впечатлений («взлета вверх» и «прилипания к подставке»), то мы бы не получили иллюзии веса, но и этих впечатлений у нас не было бы, если бы предварительно не была выработана соответствующая им «моторная установка».

Согласно мнению Мюллера в данном случае начинают действовать ассоциативные механизмы испытуемого и именно это обуславливает иллюзию веса: испытуемый думает. что с одинаковым мускульным импульсом поднимает оба предмета (в действительности — наоборот), и поскольку один предмет легко «летит вверх», он должен быть легким, а второй тяжелым, так как он «прилипает к подставке».

Таким образом, согласно указанной теории получается, что факт иллюзии веса в сущности явление, возникающее на основе ошибки в суждении, приводящий в действие ассоциативные механизмы.

Так же объясняется известная иллюзия Шарпантье: если испытуемый сравнивает два разных по объему, но совершенно одинаковых во всех других отношениях (в том числе и по весу)

---

[2] Müller G. E. und Schumann Fr. Über die psychologishen Grundlagen der Vergleichung gehobener Gewichtl. Pflügers Arch., 45, 1889.

объекта, то малый объект кажется ему более тяжелым, чем большой, именно потому, что субъект знает: из двух предметов, сделанных из одного и того же материала, более тяжелым будет больший по объему, и поскольку в действительности субъект поднимает **равные** по весу предметы, один из них (малый) «взлетает вверх» по сравнению со вторым. Это происходит в результате того, что первый предмет субъект поднимает с более мощным импульсом, а второй с более слабым.

Таким образом, и в этом случае ассоциативные процессы мышления определяют ошибку суждения. Поэтому эту теорию совершенно справедливо мы можем считать интеллектуалистической.

Следовательно, согласно теории Мюллера, контрастную иллюзию обуславливает моторная установка путем возбуждения ассоциативных прецессов.

Далее мы увидим, что и так называемая «теория обманутого ожидания», хотя она пытается более логично объяснить этот факт, в целом неудовлетворительна.

С целью доказательства того, что для получения этой иллюзии переживания «взлет вверх» и «прилипания к подставке» не имеют значения, грузинские психологи под руководством Д. Н. Узнадзе установили ту же самую закономерность и в других модальностях (факт контрастной иллюзии), когда и речи не могло быть о «взлете вверх» или «прилипания к подставке».

В 1927 году было открыто явление, аналогичное иллюзии веса в сфере пассивного давления[3].

Опыт А. Т. Бочоришвили заключается в следующем: испытуемым на ладони обеих рук кладутся предметы, равные по весу и заметно отличающиеся по объему (большой и малый). Выясняется, что все испытуемые воспринимают эти предметы как обладающие разным весом, а именно; предмет большого объема воспринимается как более легкий, меньшего же объема — как более тяжелый.

Этим опытом был установлен аналог иллюзии Шарпантье в случае пассивного давления, когда о мышечном импульсе («взлета вверх» и «прилипания к подставке») не могло быть и речи.

Но этот опыт представлял собой непосредственный аналог иллюзии Шарпантье в условиях несколько иных, чем в случае иллюзии Фехнера. Как мы знаем, для получения иллюзии Шарпантье не требуется проведения предварительных (фиксационных) опытов, как это необходимо для получения иллюзии веса Фехнера; в опыте Шарпантье в основе иллюзии лежит зритель-

---

[3] Бочоришвили А. Т. Аналог иллюзии тяжести в сфере давления. Вестник Тбилисского университета, 1927, с 275—284 (на груз. яз.).

ное восприятие испытуемым ебъектов различной величины, в то время как в случае иллюзии веса Фехнера зрительное восприятие не играет никакой роли.

Поэтому необходимо было проведение аналогичных опытов в сфере давления, чтобы выявить недостаточность теории т. н. «моторной установки». Этот опыт проводился следующим образом: испытуемый получал посредством барестезиометра одно за другим два раздражения — сперва сильное, затем слабое (фиксационный опыт). После этого экспериментатор переходил к подаче **одинаковых** по силе раздражителей. Результаты полностью подтвердили, что в сфере пассивного давления получаем точно такой же аналог «моторной установки», как и в том случае, когда испытуемый сравнивает две тяжести, поднимая их, и когда один предмет как бы «летит вверх», а другой «прилипает к подставке» (опыт Д. Н. Узнадзе).

Такая же закономерность была установлена и в отношении слуховых впечатлений: если испытуемому посредством обычного фаллаппарата подадим слуховые раздражители, заметно отличающиеся друг от друга по интенсивности и в определенной последовательности —сначала слабый, затем сильный (10—15 раз) и непосредственно вслед за этим перейдем к подаче раздражителей одинаковой интенсивности, то и в этом случае проявляется явление такого характера, как и в моторной сфере.

Подобные иллюзии были установлены в сфере восприятия света, что и привело Д. Н. Узнадзе к выводу о том, что явление так называемой зрительной адаптации должно быть такого же порядка, как и вышеуказанные иллюзии веса, давления, слуха и т. п.

Такой же феномен (контраста) был установлен на количественном материале в оптической сфере: испытуемому предъявляется посредством тахистоскопа два круга, в которых помещены точки в разном количестве: в правом круге их много, в левом — мало. В том случае, когда в критическом опыте в кругах помещается одинаковое количество точек, проявляется контрастная иллюзия по отношению к количеству: испытуемому кажется, что в правом кругу гораздо меньшее число точек, чем в левом.

Явление, аналогичное иллюзии Шарпантье, было установлено в условиях, когда возможность «взлета вверх» или «прилипания к подставке» вообще была исключена в опыте. Испытуемому предлагалось **сравнить два одинаковых по объему,** но различных по весу шара. Несмотря на такие условия опыта, и в этом случае проявилось явление, аналогичное феномену Шарпантье: шар меньшего веса кажется испытуемому большим по объему, чем больший по весу шар (опыт Г. Хмаладзе).

В дальнейшем эта иллюзия веса-объема еще более упростилась и аналог иллюзии Фехнера был найден в гаптической сфере.

Эта иллюзия состоит в следующем. Испытуемому, у которого закрыты глаза, дают несколько раз (10—15) в руки заметно отличающиеся по объему, но совершенно одинаковые в остальном отношении шары: в одну руку — малый, в другую — большой (так называемые фиксационные опыты). После этого испытуемому дают в обе руки для сравнения одинаковые шары (так называемый «критический опыт»), и в этом случае проявляется обычная контрастная иллюзия.

Аналогичное положение мы имеем в оптической сфере: сравнение испытуемым неравных кругов несколько раз (посредством тахистоскопа) вызывает такие изменения в нем, что и одинаковые круги в критическом опыте воспринимаются им неравными (контрастно)[4].

Несколько позже аналогичный факт был установлен И. Т. Бжалава в отношении позитивного образа: в этом случае контрастная иллюзия проявляется по отношению к последовательному (позитивному) образу[5].

Таким образом, не осталось почти ни одной сферы психической активности человека, где бы не была установлена возможность проявления этого факта.

Из всего вышесказанного вытекает бесспорный, как указывает Д. Н. Узнадзе, вывод, а именно: иллюзия тяжести — всего лишь частный случай той общей иллюзии, которая по тем модальностям, в которых она проявляется, находит соответствующее внешнее выражение: в тактильной сфере она проявляется в виде иллюзии давления, в гаптической и оптической — иллюзии объема, в мышечной — иллюзии веса и т. д.

Отсюда следует, как полагает Д. Н. Узнадзе, что все эти иллюзии должны иметь одну общую основу и поэтому теория Мюллера неадекватно выражает положение дела. Рассмотреть эту общую основу, как отмечалось выше, пытается «теория обманутого ожидания». Согласно этой теории, многократное (10—15) сравнение в определенном порядке разных тяжестей (или разных объемов, звуков и др.) вызывает в испытуемом соответствующее ожидание: к каждой экспозиции он подходит с определенным ожиданием, например: в правую руку должен получить тяжелый (или больший по объему) предмет, а в ле-

---

[4] Узнадзе Д. Н. К психологии установки. — В сб.: «Материалы к психологии установки», Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).

[5] Бжалава И. Т. Последовательный образ и фиксированная установка. Сообщения Академии наук ГССР, т. 11, № 2, 1950.

вую — легкий; но в критическом опыте это **ожидание** испытуемого не оправдывается (он получает одинаковые тяжести) и иллюзию как раз и вызывает обман этого «ожидания».

Теория «обманутого ожидания», как етмечает Д. Н. Узнадзе, по сравнению с теорией Мюллера имеет определенное преимущество, поскольку пытается найти основу **всех** иллюзий, но и она неудовлетворительна, так как совершенно невозможно на ее основе объяснить некоторые экспериментальные факты.

Так, например, результаты опытов, проведенных Д. Н. Узнадзе на находящихся в гипнотическом состоянии субъектах, совершенно несовместимы с теорией обманутого ожидания.

Опыт заключается в следующем. Испытуемого погружают в состояние искусственного (гипнотического) сна, и в этом состоянии проводят обычные установочные опыты: в одну руку дают большой шар, в другую — малый (10—15 экспозиций) и посредством так называемого рапорта заставляют его сравнивать эти шары между собой по объему.

По окончании фиксационных опытов, не ограничиваясь фактом обычной постгипнотической амнезии (как правило, после пробуждения медиум ничего не помнит о том, что происходило с ним в гипнотическом сне), испытуемому специально внушают, что он должен забыть опыты, проведенные на нем в состоянии сна. Затем испытуемого переводят в другую комнату, будят и проводят над ним критические опыты.

Выяснилось, что и в этом случае проявляются обычные контрастные иллюзии, несмотря на то, что испытуемый совершенно ничего не помнит о предварительных опытах и, следовательно, у него не может быть никакого «ожидания». Таким образом, на основе этих опытов можно заключить, что в результате установочных опытов у субъекта вырабатывается какое-то целостное внутреннее состояние, которое, хотя и не представлено в его сознании, но все же оказывает большое влияние на течение процессов сознания и поэтому становится настолько важным фактором, что определяет поведение субъекта (Д. Н. Узнадзе)[6].

В этом опыте внимание должно быть привлечено к тому обстоятельству, что, по нашему мнению, в процессе выработки установки у медиума, участие сознания полностью не исключено, поскольку он (медиум), правда в гипнотическом сне, но все же **сам сравнивает** шары между собой по величине, и поэтому его активность в опыте полностью не исключена.

С другой стороны, нужно отметить, что в данном случае мы не имеем дело с обычным сознанием: поскольку испытуемый

---

[6] Узнадзе Д. Н. К теории постгипнотического внушения. — Труды Института функциональных нервных заболеваний. т. 1,1935 (на груз. языке).

находится в состоянии гипнотического сна, он имеет связь только с руководителем опыта посредством так называемого рапорта, и такие условия, без сомнения, будут препятствовать обычной, нормальной работе сознания.

Указанный опыт почти не оставляет сомнения в том, что теория «обманутого ожидания» не может удовлетворительно объяснить факт контрастной иллюзии.

У нас еще будет ниже идти речь о теории «обманутого ожидания», и мы постараемся еще более наглядно показать, почему эта теория не является адекватной для объяснения вышеописанных феноменов.

Посколько факт фиксированной установки был установлен в отношении почти всех модальностей, необходим был более детальный его анализ. Этой цели служила работа Б. И. Хачапуридзе[7], в которой он установил закон фазовой смены фиксированной установки, а затем такой же факт установлен З. И. Ходжава[8] в действии фиксированной установки, выработанной на качественном материале.

Выяснилось, что процесс угасания фиксированной установки имеет фазовый характер и что фазы в определенном порядке сменяют друг друга. Первую фазу (фаза контрастного действия установки) сменяет вторая фаза (в которой в основном выявляется тенденция двоякого восприятия — адекватного и неадекватного) и, наконец, третья фаза, в которой испытуемый окончательно утверждает равенство предъявляемых шаров (фаза адекватного восприятия).

Школа Мюллера (Мюллер, Ах, Стефенс) рассматривала установку как чисто локальное явление. Опыты, проведенные под руководством Д. Н. Узнадзе, подтвердили обратное: было установлено, что выработанная в правой руке установка может распространяться и на левую руку, а выработанная в левой руке установка — на правую (в условиях сукцессивных опытов). Аналогичное явление подтвердилось и в сфере зрения: установка, выработанная на одном глазу, распространяется и на второй глаз.

Все это вызвало новый вопрос: ограничивается ли иррадиация установки только корреспондными органами, или граница ее распространения значительно шире? В результате опытов выяснилось, что иррадиация установки касается таких различных органов, как оптическая и гаптическая сферы: установ-

---

[7] Хачапуридзе Б. И. К теории фазового действия установки. — Труды Тбилисского гос. университета им. И. В. Сталина, т. XI, 1940 (на груз. яз.).

[8] Ходжава З. И. Прочность установки и фазовый характер в действии навыка чтения. — «Психология». Труды Института психологии АН ГССР, т. III, Тбилиси, 1944 (на груз. яз.).

ка может переходить не только с одной руки на другую (т. е. на корреспондный орган), — выработанная в зрительной сфере установка может проявляться и в гаптической сфере (и наоборот).

Кроме того оказалось, что установку характеризует не только иррадиация, но и генерализация. Опытами З. И. Ходжава было установлено, что фиксированная установка, выработанная на кругах, треугольниках, эллипсах и др., проявляется и при восприятии четырехугольников (предъявленные в критическом опыте равные четырехугольники испытуемый воспринимает контрастно). Следует также отметить, что в этом случае чем больше отличается своей формой фиксированный объект от критического, тем слабее проявляется фиксированная установка. Поэтому и говорит З. И. Ходжава о прикованности установки к сенсорному материалу: «Установка — состояние целостной личности, но, по-видимому, в частных случаях своего действия она оказывается «прилипшей» к чувственному материалу и тем труднее ей освободиться от уз этого материала, чем более несоответствующим и резко отличающимся является раздражитель, действующий на нее из окружающего мира»[9].

Было установлено, что эффект фиксированной установки (контрастную иллюзию) можно получить не только в условиях воздействия актуальных раздражителей, но и в том случае, когда вместо реальных объектов на субъект действуют воображаемые объекты. Если предложить испытуемому несколько раз вообразить горизонтально расположенные большие и малые круги (или большие или малые шары в правой и левой руках) и после этого предъявить для сравнения равные круги (или равные шары), то и в этом случае мы получим эффект фиксированной установки: равные круги (шары) будут оценены испытуемым контрастно[10].

В заключении мы должны коснуться еще одного интересного эксперимента, который принадлежит З. И. Ходжава и в котором устанавливается факт выработки фиксированной установки на качественном материале. Этот опыт заключается в следующем: испытуемому в фиксационном опыте показывают 30 наборов (по пяти слов в каждом наборе) слов, написанных латинским шрифтом, а в критическом опыте предлагают слова, написанные такими буквами (так называемый «нейтральный»

---

[9] Ходжава З. И. Роль фигуры в действии установки. Труды Тбилисского гос. университета им. И. В. Сталина, т. IX, Тбилиси., 1939, с. 61 (на груз. яз.).

[10] Натадзе Р. Г. Уверенность в реальности предмета воображения как фактор стимуляции установки. — «Психология», Труды Института психологии АН ГССР, т. 7, Тбилиси, Издательство АН ГССР, 1950 (на груз. яз.).

шрифт), которые можно читать и по-русски, и по-латыни. Здесь же нужно отметить, что для прочтения этих слов по-русски имеются лучшие объективные условия, поскольку каждый из этих слов в русском языке обозначает какой-то предмет (почва, поток и т. д.), тогда как в латинской транскрипции они представляют собой всего лишь комплексы бессмысленных слогов. Несмотря на это, в результате многократного прочтения слов, написанных латинским шрифтом, испытуемые представленные им вслед за этим хорошо знакомые русские слова читают в латинской транскрипции; например, «почва» читается как «норба», «поток» как «номок» и т. д.[11]

Нет сомнения, что когда испытуемый читал по-латыни, в нем произошла фиксация соответствующего поведения (установки чтения по-латыни), и сейчас, в критическом опыте, он читает хорошо знакомые русские слова на основе этой фиксированной установки.

Следовательно, и в этом случае мы имеем дело с тем же самым состоянием, что и в опыте с фиксированной установкой, выработанной на количественном материале, хотя между ними и существует разница, вызванная особенностями того материала, с которым испытуемому приходится иметь дело.

Выше мы отмечали, что в случае фиксированной установки, выработанной на количественном материале, первая фаза проявляется в виде контрастной иллюзии. Иная картина в случае фиксированной установки, выработанной на качественном материале: здесь первая фаза проявляется в виде ассимилятивной иллюзии, последующие же ступени проявляются в ее ослаблении или усилении.

Легко можно заметить, что в случае фиксированной установки, выработанной на качественном материале, не существует даже возможности образования контрастной иллюзии, в то время как для количественного материала именно она и характерна.

«Нужно полагать — говорит Д. Н. Узнадзе,—что наша точка зрения на контрастную иллюзию ... в достаточной степени соответствует действительности: явление контраста — это явление, свойственное лишь категории интенсивности, качественная сфера действительности контраста не знает»[12].

Отсюда ясно, что явление контраста — это явление, обусловленное спецификой количественных отношений, и оно не является характерным свойством установки. Контраст не вы-

---

[11] Ходжава З. И. Проблема навыка в психологии. Тбилиси. Изд-во АН ГССР, 1960.

[12] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки, т. VI, Тбилиси. Мецниереба, 1977, с. 99 (на груз. яз).

текает из самой природы установки, а вызывается особенностями того материала, на котором он проявляется[13].

Например, яблоко, будь оно большим или маленьким, воспринимается как яблоко. Разница между ними носит лишь количественный характер.

То же самое мы можем сказать, например, об удовольствии и неудовольствии: последние в отношении друг к другу не контрастны, а, говоря словами В. Штерна, находятся в «асимметрично полярных» отношениях.

По Д. Н. Узнадзе, «разница между удовольствием-неудовольствием не только в том, чте одно отрицает другое, как думал, например, Шопенгауэр. Нет, эти чувства представляют собой качественно различные переживания и поэтому и в количественном отношении не соответствуют друг другу».[14]

Таковы вкратце экспериментальные результаты по фиксированной установке, накопленные грузинскими психологами на протяжении многих лет, главным образом под руководством Д. Н. Узнадзе.

Как известно, Д. Н. Узнадзе попытался все эти факты объяснить на основе теории установки.

В связи с тем, что было сказано выше, встает ряд вопросов, которым, в основном, и посвящена данная работа.

С одной стороны, согласно Д. Н. Узнадзе, А. Т. Бочоришвили, Б. И. Хачапуридзе, З. И. Ходжава и другим, для того чтобы **у человека** выработалась и зафиксировалась установка на количественные отношения, он должен **сравнить** подаваемые объекты по величине, т. е. осознать отношение между ними. «Установка, — пишет З. И. Ходжава, — ... у человека ... всегда формируется только под влиянием осознанных потребностей и также осмысленных ситуаций»[15].

С другой стороны, результаты опытов, проведенных Д. Н. Узнадзе над испытуемыми, находящимися в состоянии гипнотического сна, показывают нечто противоположное: в этих опытах сознание субъекта выключено, но, несмотря на это, эффект фиксированной установки налицо. Кроме того, известно и то, что у животных, несмотря на отсутствие у них сознания и, следовательно, ввиду того, что они не могут **сравнивать** предметы по их величине, все же в соответствующих условиях вырабатывается и фиксируется установка на количественное

---

[13] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI. Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 104 (на груз. яз.).

[14] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси. Мецниереба, 1964, с. 93 (на груз. яз.).

[15] Ходжава З. И. Роль установки в действии навыка. — «Психология». Труды Института психологии АН ГССР, т. I, Тбилиси, 1942, с. 309 (на груз. яз.).

отношение. Таким образом, необходимо разрешить противоречие, заключающееся в том, что у животных (и у человека — в плане поведения по установке) для выработки и фиксации установки нет необходимости в осознании потребности и отношении между предметами, а у человека (в плане поведения по объективации) подобное осознание считается обязательным.

Здесь же следует выяснить, какую роль играют «осознанные потребности» и «осмысленные ситуации» (З. И. Ходжава) в случае выработанной на количественные отношения фиксированной установки и в случае установки, выработанной в качественной сфере — одинакова ли эта роль в обоих случаях?

ГЛАВА I

ВОПРОСЫ КОНТРАСТНОЙ ИЛЛЮЗИИ

1. ПРОБЛЕМА КОНТРАСТНОЙ ИЛЛЮЗИИ

Установка, по мнению Д. Н. Узнадзе, целостно-личностное состояние, вызываемое теми или иными объективными обстоятельствами, в основе которого, как это было указано выше, лежит та или иная конкретная потребность.

Согласно теории Д. Н. Узнадзе, установка — это состояние, возникающее на основе единства субъективных и объективных факторов, которое ложится в основу поведения живого организма. По мнению Д. Н. Узнадзе, «Установка, следовательно, это не чисто субъективное явление (как это казалось Марбе и другим — В. Г.), а это — перенос в субъект объективного явления, она, так сказать, перешедшее в субъект объективное явление»[1].

Следовательно, установка — это отражение той объективной реальности, в которой находится субъект; говоря словами В. И. Ленина, это «субъективный образ объективного мира...»[2].

Метод фиксированной установки, выработанный Д. Н. Узнадзе в гаптической сфере, выглядит таким образом: испытуемому, у которого закрыты глаза, несколько раз (обычно 10—15 раз) дают в руки два резко отличающихся по объему, но совершенно одинаковых во всех других отношениях шара: в левую руку — большой, а в правую меленький (или наоборот), и предлагают сравнить их между собой по объему. Эту часть эксперимента Д. Н. Узнадзе назвал фиксационным опытом.

После этого испытуемому дают **равные** шары с тем же заданием (сравнить их), и, как правило, здесь проявляются уже упомянутые нами выше контрастные иллюзии (так называемые критические опыты): испытуемый оценивает равные шары

---

[1] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Мецниереба, 1964, с. 93 (на груз. яз.).

[2] Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр соч., т. 18, М., 1973, с. 120.

как большой шар в той руке, в которой в фиксационном опыте держал малый шар, а в другой наоборот.

Д. Н. Узнадзе, в отличие от традиционной психологии, так определяет факт контрастной иллюзии и его значение в экспериментальном изучении установки живых организмов: «Из наших опытов (речь идет об опытах по фиксированной установке — В. Г.) становится совершенно ясным, что в результате повторного представления этих явно отличающихся друг от друга по объему двух шаров у испытуемого создается некоторое внутреннее состояние, которое посредством ассимилятивного процесса определяет ближайшее содержание сознания. Это состояние, я повторяю, мы можем назвать **установкой.** Его активность проявляется в том, что в критических опытах два одинаковых по объему шара воспринимаются неадекватно, а именно, как неравные, и это продолжается, пока установка не угаснет»[3].

Таким образом, в вышеописанных опытах фиксированной установки даны все те обязательные условия, которые, согласно теории Д. Н. Узнадзе, необходимы для выработки установки: существует потребность (задачей субъекта является сравнение предъявляемых шаров по величине) и существуют также объективные условия для удовлетворения этой потребности в виде большого и малого шаров. Кроме того, эти раздражители по своей природе таковы, что мы можем сделать испытуемого объектом их систематического воздействия: можем подавать шары для сравнения по величине столько раз, сколько хотим, чтобы обеспечить фиксацию установки.

Основное содержание теории установки Д. Н. Узнадзе, как мы уже отмечали, состоит в следующем: когда у живого организма появляется та или иная потребность и когда объективная среда (ситуация) может удовлетворить эту потребность, в организме появляется некоторое состояние — установка, и последующее поведение субъекта будет определяться этой конкретной установкой. «То специфическое состояние, — говорит Д. Н. Узнадзе, — которое возникает в субъекте под влиянием объективной ситуации, удовлетворяющей потребность, мы можем назвать установкой»[4].

Здесь же следует указать, что объективная среда и ситуация с точки зрения психологии не являются понятиями одного и того же содержания, как это может нам показаться с первого взгляда. Отличие окружающей среды от ситуации давно известно. Объективная среда, согласно марксистской филосо-

---

[3] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 24 (на груз. яз.).

[4] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Мецниереба, 1964, с. 87 (на груз. яз.).

фии, существует независимо от сознания и вне сознания, и в то же время она может в соответствующих условиях оказать воздействие на наши органы чувств и вызвать в нас соответствующие ощущения и восприятия.

Именно в этом смысле интересно противопоставление в психологии установки Д. Н. Узнадзе ситуации и объективной среды. Для психологии установки объективная среда — все то, что существует вне нас и независимо от нас, включая и то, что в данный момент не является условием удовлетворения нашей потребности. Для объективной среды все равно, существует или нет овладевающий субъект — она существует независимо от него.

В таких индифферентных взаимоотношениях находятся, со своей стороны, живой организм и объективная среда до тех пор, пока у организма не возникнет какая-либо конкретная потребность, для удовлетворения которой будет необходима эта среда. Но с той минуты, когда объективная среда будет воспринята на основе потребности, она уже перестает быть просто средой и превращается в ситуацию, в которой станет возможным развертывание активности живого организма, имеющего ту или иную петребность.

Такое положение вещей давно известно, и оно отражено в понятии «ситуации» функциональной психологии. На подобное обстоятельство указывал и И. М. Сеченов, когда писал: «Всякий знает, что одно и то же внешнее влияние, действующее на те же самые чувствующие нервы, один раз дает человеку наслаждение, другой раз нет. Например, когда я голоден, запах кушания для меня приятен, при сытости я к нему равнодушен, а при пресыщении он мне чуть не противен»[5].

Из всего этого следует, что ситуация — это неразделимое единство организма и объективной среды, и она в этом отношении существенно отличается от той среды, которая существует вне нас и независимо от нас и остается индифферентной для нас. Осмысленное таким образом понятие ситуации всегда подразумевается в психологии установки, когда речь идет об объективных условиях удовлетворения потребности.

Следовательно, согласно теории Д. Н. Узнадзе, для возникновения установки необходимо существование субъекта, имеющего ту или иную потребность, и ситуации, могущей удовлетворить эту потребность.

Вопрос о сознательном или несознательном характере потребности — актуальная и сложная проблема в психологии. Однако можно утверждать, что определенность потребности психологически подразумевает ее представленность в сознании в виде переживания. Именно эту мысль отстаивает Д. Н. Уз-

---

5 Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М., 1952, с. 71.

надзе и пытается экспериментально ее обосновать. Согласно теории установки Д. Н. Узнадзе, именно такая осознанная потребность лежит в основе установки у человека, тем более, если эта потребность теоретического, а не витального характера. По Д. Н. Узнадзе, у человека в основном две категории потребностей: функциональные и субстанциональные. Что касается теоретической потребности, то она по существу возникает в условиях усложнения удовлетворения наших субстанциональных потребностей[6], и в условиях обычных опытов фиксированной установки мы имеем дело с такой потребностью. Вследствие этого, само собой разумеется, что та потребность, которая участвует в этом эксперименте (в эксперименте фиксированной установки), должна быть представлена у испытуемого в осознанном виде.

Таким образом, согласно основным положениям теории установки Д. Н. Узнадзе, никакая фиксированная установка не возникает в условиях установочного опыта, если у испытуемого нет определенной осознанной потребности и если нет соответствующей объективной ситуации*.

Метод выработки фиксированной установки был описан нами выше. По мнению Д. Н. Узнадзе, когда испытуемый серьезно принимает участие в фиксационном опыте, у него под влиянием инструкции («сравнить по объему предъявляемые шары») возникает потребность выполнения задания (субъективный фактор установки); подаваемые объекты оказывают влияние на имеющего эту потребность субъекта и вызывают специфический эффект (установку), на основе которой происходит правильная оценка их (объектов) соотношений.

Следовательно, при каждом предъявлении установочных предметов у испытуемого визникает своего рода установка (слева — большой, справа — малый). В результате многократного повторения данная установка становится настолько привычной, что в случае каждого отдельного опыта она актуальна еще до воздействия подаваемых объектов. Дадим теперь испытуемому не различные, а одинаковые по объему предметы. Что произойдет?

«Интересно, что возникающая на месте старой, новая установка не является соответствующей равным объектам, а противоположна выработанной в установочных опытах установке

---

[6] Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., Наука, 1966.

* Правда, реальная ситуация не всегда обязательна для выработки фиксированной установки, как это подтверждается в вышеуказанном эксперименте Р. Г. Натадзе (на стр. 10). и ее роль может выполнять воображаемая ситуация, но в этом случае это не меняет дела, так как воображаемая ситуация требует от испытуемого гораздо активного осознания, чем реально существующая.

(«слева — большой, справа — малый», а теперь «справа — большой, слева — малый»), т. е. выступает явление контраста»[7].

Вопрос о том, что для выработки фиксированной установки в экспериментальных условиях может быть необязательно переживание субъектом воздействующего раздражителя, не был оставлен без внимания в экспериментальной психологии установки, но не удавалось выработать фиксированную установку только в условиях воздействия раздражителей в определенном направлении, если субъект не принимал активного участия в опыте, если он не сравнивал взаимоотношения шаров по величине. Вот что говорит по этому поводу Д. Н. Узнадзе: «Повторение само по себе, повторение только как повторение, не имеет значения. Достаточно поставить простой опыт, чтобы сразу же убедиться в этом: в установочных опытах испытуемому подаются большой и малый шары для их сравнения **по тяжести**, а в критическом опыте он должен сравнить подаваемые равные шары по их **объемам**. Как правило, в таких случаях иллюзия **объема**, обычно, не наблюдается. Ясно, что в установочных опытах здесь не удалось создать установку. Несомненно, для этого недостаточно только повторение. Для этого необходимо **внутреннее участие личности, переживание личностью воздействия раздражителя**. А повторение имеет значение только в том случае, когда оно становится фактором этого основного условия»[8].

А. Т. Бочоришвили, рассматривая иллюзии установки в сфере давления, тоже коснулся этого вопроса и указал, что для выработки фиксированной установки имеет значение не физическое (направление глаз в сторону коробок), а психологическое зрение — осознание соотношений величин коробок[9].

Особенно настойчиво защищал эту мысль в свое время Б. И. Хачапуридзе. Результаты опытов, проведенных им, оказались такими же, как экспериментальные результаты Д. Н. Узнадзе и А. Т. Бочоришвили. На основе этого он заключает: Только повторение установочных экспозиций без направления внимания, как правило, не обеспечивает выработку установки[10].

---

7 Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Мецниереба, 1964, с. 100—101 (на груз. яз.).

8 Узнадзе Д. Н. К психологии установки. — Сб. Материалы к психологии установки, Тбилиси, 1939, с. 25 (на груз. яз.).

9 Бочоришвили А. Т. Аналог иллюзии тяжести в сфере давления. — Вестник Тбилисского университета, 1927 (на груз. яз.).

10 Хачапуридзе Б. И. Дидактические материалы и игры в связи с некоторыми задачами дошкольного воспитания. Тбилиси, 1939, с. 72 (на груз. яз.).

Для выяснения этого вопроса Б. И. Хачапуридзе в качестве материала для фиксационных опытов использовал два — один большой и один малый—круга, рядом с которыми в качестве «дополнительных раздражителей» (как их называет Б. И. Хачапуридзе) расположены цифры и буквы. Этот фиксационный материал дается испытуемому с такой инструкцией: смотреть в окно тахистоскопа и сказать, что он там увидит. После этого экспериментатор переходит к подаче равных кругов (критический опыт), которые подаются испытуемому без дополнительных раздражителей.

Как выясняется в результате опроса испытуемых, в установочных опытах, как правило, они не обращали внимание на сравнение большого и малого кругов по величине, хотя разницу между кругами иногда замечали. Например, один испытуемый дает такое показание: «Были цифры 5, 3, 8, а также два круга». Картина фиксированной установки этого испытуемого такова: ассимилятивная иллюзия — 22%, контрастная — 21%, а адекватная оценка — 57%. Следовательно, в действительности у этого испытуемого не обнаруживались иллюзии фиксированной установки. Такие же результаты у остальных 25 испытуемых. На основе этих экспериментов Б. И. Хачапуридзе делает следующий вывод: «Отсюда мы можем заключить, что повторение само по себе не обеспечивает образования установки и для последнего необходима целевая направленность на соответствующую задачу (сравнение величин). Это значит, что одного лишь повторения физического воздействия на сетчатку недостаточно для образования и фиксирования установки и установку нельзя отождествлять с изменениями чисто периферического характера»[11].

Аналогичный опыт был проведен Б. И. Хачапуридзе на детях дошкольного возраста только в несколько измененном виде: на картинке, использованной как фиксационный материал, вокруг большого и малого кругов, а также внутри них были помещены вместе с цифрами и буквами, картинки с животными и птицами, а также несколько геометрических фигур, которые Б. И. Хачапуридзе называет «дополнительными раздражителями». Этот фиксационный материал подается испытуемым 8 раз (посредством тахистоскопа). Задание, даваемое экспериментатором, простое: испытуемые должны увиденное отметить и в то же время обратить внимание на соотношение кругов. На основании этих опытов Б. И. Хачапуридзе заключает: «Результаты опытов говорят о том, что в этих условиях у дошкольников, как правило, установка (подразумевается: на

---

[11] Хачапуридзе Б. И. Основная проблема дошкольной педагогики в свете закономерностей установок. Тбилиси, 1948, с. 74.

соотношение величин кругов — В. Г.) не создается, хотя они часто и замечают кружки»[12].

В этом опыте следует обратить внимание на одно обстоятельство: на картинке, называемой Б. И. Хачапуридзе фиксационной, самыми нейтральными раздражителями являются круги, и поэтому именно их нужно рассматривать как **дополнительные** раздражители, а не картинки с животными и растениями. Тем более, что испытуемыми являются дети.

Таким образом, из опытов Д. Н. Узнадзе, А. Т. Бочоришвили и Б. И. Хачапуридзе вытекает, по крайней мере, три основных вывода:

1) если испытуемый не производит объективации соотношения фиксационных предметов, то у него не фиксируется установка на такие (иррелевантные) раздражители;

2) возможно, субъект и замечает соотношение фиксационных кругов, но фиксированная установка у него не обнаруживается, если одновременно с фиксационными предметами на него воздействуют факторы, рассеивающие внимание;

3) из опытов, проведенных на медиумах в постгипнотическом состоянии, выясняется, что для выявления фиксированной установки не имеет значения, знает (помнит) или нет испытуемый, что в фиксационном опыте ему давали неравные шары для сравнения их по величине (хотя в гипнотическом состоянии он сравнивал предъявляемые шары по величине).

В связи с этим главный вопрос нам представляется таким образом: какое значение имеет для выработки фиксированной установки объективация испытуемым взаимосоотношений объектов?

2. «МЕТОД ОПОЗНАВАНИЯ МАТЕРИАЛА» И ВОПРОС О ВОСПРИЯТИИ ИРРЕЛЕВАНТНОГО ПРИЗНАКА ОБЪЕКТА

Решить указанную проблему мы попытались «методом опознавания материала» в гаптической сфере. Мы думаем, что посредством этого метода лучше всего можно вникнуть в проблему: какое значение имеет для фиксации установки осознание субъектом взаимоотношений величин предъявляемых предметов (шары, круги и т. д.).

В опытах Б. И. Хачапуридзе, как мы видели это выше, внимание испытуемого специально не направлено на тот или иной раздражитель: испытуемому в одном случае дается задание отметить то, что он увидит, а во втором случае дается задание обратить внимание на круги и в то же время назвать другие раздражители, какие он увидит на экране. Мы видели, что ни в одном случае не происходит фиксация установки.

[12] Там же, с. 75.

Экспериментальному решению приблизительно того же вопроса, только другим путем, служит следующий опыт: испытуемому предлагают сравнить большой и малый шары **по весу**, а в критическом опыте предлагают сравнить равные шары **по объему**. Следовательно, психологическая активность испытуемого в этом случае (в фиксационном опыте) специально направлена на такие раздражители, эффект которых (в критическом опыте) руководителя эксперимента не интересует.

В этом случае не произошла фиксация установки на соотношение объемов, т. е. на такой (иррелевантный) признак, на который в фиксационном опыте не было специально направлено внимание испытуемого.

В чем состоит особенность «метода опознавания материала», в отличие от вышеприведенных опытов?

Мы постарались использовать такой метод, посредством которого оказалось бы возможным не только не направлять внимание испытуемого на раздражитель, на интересующий нас признак (объем), но специально направить активность его сознания совсем в другом направлении, как это было описано в опыте Д. Н. Узнадзе[13]. Точнее: нашей целью было отвлечь внимание испытуемого от **объема** предметов и перенести в другом направлении, причем так, чтобы мы имели возможность по своему желанию регулярно воздействовать на него этим определенным раздражителем (соотношение объемов).

С этой целью для опытов фиксации установки мы использовали шары **различных объемов и из различных материалов** (по паре шаров из каждого материала, отличающихся лишь по объему):

два металлических шара	диаметрами	2,6 см и 4,2 см,
два костяных шара	„ „	3,3 см и 6,6 см,
два резиновых шара	„ „	7,5 см и 5,5 см,
два деревянных шара с полосками	диаметрами	6,2 см и 4,8 см,
два деревянных шара с полосками	диаметрами	7,0 см и 4,0 см,
два деревянных шара с полосками	„ „	8,2 см и 5,5 см,
два шара из гладкого дерева	„ „	4,4 см и 4,2 см,
два шара из гладкого дерева	„ „	4,2 см и 4,2 см,
два шара стеклянных	„ „	4,2 см и 2,6 см,
два войлочных шара	„ „	4,4 см и 3,7 см,
два графитовых шара	„ „	3,2 см и 3,2 см,
два гипсовых шара	„ „	6,6 см и 6,6 см,
два целлулоидных шара	„ „	3,3 см и 3,3 см,

Таким образом мы использовали 13 пар шаров из различного материала и различного объема.

---

[13] Узнадзе Д. Н. К психологии установки. — Сб. Материалы к психологии установки, Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).

Установочные опыты (как основные, так и контрольные) мы провели следующим образом. Испытуемому завязывали глаза и давали следующую инструкцию: «В каждую руку в отдельности Вам будут давать шары из различных материалов: металлические, костяные, резиновые, войлочные, деревянные с полосками (разъясняли, что означает деревянный с полосками), из гладкого дерева, графитовые, гипсовые и целлулоидные. Вы должны узнать их ощупыванием и сказать, из какого материала сделан каждый шар. Постарайтесь определить это как можно быстрее и правильнее».

Вместе с этим в инструкции мы подчеркивали, что нас интересовало **опознавание материала** испытуемым. Под влиянием инструкции у испытуемого создается **потребность опознавания материала.**

После этого начинаем проводить опыты по фиксации установки. При проведении опытов мы строго соблюдали следующие правила:

1) в качестве испытуемых выбирали людей, которые не были знакомы с опытами по фиксированной установке. Соблюдение этого условия обязательно, поскольку испытуемый, знающий об опытах фиксированной установки, обязательно обратит внимание и на объем*;

2) в первых двух-трех экспозициях фиксационных опытов испытуемые получали незначительно отличавшиеся по объему шары из различных материалов, а к предъявлению заметно отличавшихся по объему шаров мы переходили после 3—4 экспозиций;

3) в каждой установочной экспозиции большой шар всегда давали с одной стороны, малый — с другой (с заданием узнать матерналы);

4) никогда не давали испытуемому шары из одинакового материала в обе руки одновременно. Это делалось с той целью, чтобы испытуемый из-за одинакового материала не обратил внимания на соотношение объемов;

5) опыты по фиксации установки для взрослых ограничивались 15-ью экспозициями, для детей — 10-ью, так как в предварительных опытах выяснилось, что в результате 15 экспозиций у детей вырабатывалась настолько прочная фиксиро-

---

* Укажем на одну интересную деталь.

Д. Н. Узнадзе поручнл мне провестн в его присутствин этн опыты. До того, как испытуемого привели в кабинет Д. Н. Узнадзе, он сказал мне: «Давай, проведем сначала опыт на мне; постараюсь на объем не обращать вннмания». Он сел передо мной на стул, закрыл глаза н протянул мне руку. Я начал подавать ему шары. После трех или четырех экспозицнй он встал н сказал: «Нет, на мне нельзя проводнть опыт, я уже обращаю внимание на объем».

ванная установка, что даже большое количество критических опытов оказывалось недостаточным для освобождения от иллюзии;

6) с целью исключения фактора естественной асимметрии* мы прибегли к следующему способу: если в фиксационных опытах один испытуемый получал в правую руку большой шар, а в левую — малый, то второй испытуемый получал фиксационные шары в обратном порядке: в правую руку ему давали малый шар, а в левую — большой;

7) по окончании фиксационных опытов испытуемых систематически опрашивали — заметили ли они в фиксационных опытах соотношение объемов шаров и, если да, то в какую руку они получали большой и в какую малый? Целью этого опроса было исключить из последующих опытов тех испытуемых, которые, несмотря на инструкцию, все же обращали внимание на соотношение объемов шаров в фиксационных опытах. Здесь же следует сказать, что мы не встречали ни одного испытуемого, который правильно вспомнил бы соотношение шаров в опытах фиксации установки**;

8) шары для фиксации установки в этих опытах никогда не отличались друг от друга так резко, как это обычно бывает в опытах по фиксированной установке, поскольку резкое различие предметов могло невольно вызвать к себе внимание испытуемого.

После проведения фиксационных опытов с каждым испытуемым переходили к критическим опытам.

Перед этим испытуемым давали такую инструкцию: «Теперь вам не нужно опознавать материал. Сейчас я буду давать вам шары каждую руку в отдельности, и вы должны сравнить их по объему».

В критических опытах испытуемым в обе руки давали одинаковые деревянные шары, диаметр которых равнялся 4,2 см.[14]

Какие особенности присущи опытам, проведенным этим методом, в отличие от обычных опытов фиксированной установки?:

1. В обычном эксперименте фиксированной установки используют шары, отличающиеся друг от друга только объема-

---

* Известно, что корреспондные органы человека (руки, ноги, глаза) часто анатомо-физиологически асимметричны в отношении друг к другу. Вследствие этого, например, поданный в правую руку шар кажется меньшим, чем шар такого же объема в левой руке (без фиксации установки).

** С этой целью мы провели специальные контрольные опыты, о чем будем говорить ниже.

14 Григолава В. В. К вопросу об участии субъективного и объективного факторов в опытах установки. — Психология. Труды Института психологии АН ГССР, т. X, Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).

ми, и это различие в течение всего фиксационного опыта остается всегда постоянным (неизменным). В опытах, проведенных методом «опознавания материала», как размер соотношения объемов, так и материал шаров все время меняются, что, как это уже указывалось в экспериментальной психологии установки (З. И. Ходжава, Б. И. Хачапуридзе и др), должно оказать некоторое отрицательное влияние на прочность фиксированной установки.

2. В обычных опытах фиксированной установки обязательно участие в сознательной форме определенной потребности сравнения (субъективный фактор установки), без которой как будто невозможна выработка установки у испытуемого. В наших же опытах у испытуемого **под влиянием инструкции** нет никакой потребности сравнивать предлагаемые шары по объему, поскольку у него есть другая, **более важная** в данный момент потребность: узнать, из какого материала сделан шар. Следовательно, в наших опытах, проведенных методом «опознавания материала», постижение соотношения объемов, во всяком случае потребность сознательного сравнения, у субъекта совершенно исключена.

Как видим, в отличие от обычного метода фиксированной установки, наш метод «опознавания материала» направлен по существенно отличающемуся пути и пытается уточнить роль так называемого субъективного фактора в формировании фиксированной установки.

Результаты опытов, проведенных методом «опознавания материала», должны были быть аналогичны результатам, полученным Д. Н. Узнадзе[15] и Б. И. Хачапуридзе[16], если вышеупомянутые выводы указанных авторов соответствовали бы истине.

В действительности же методом «опознавания материала» мы получили совершенно противоположные результаты: почти у 100% испытуемых обнаружились более или менее выраженные контрастные иллюзии[17].

По мнению Д. Н. Узнадзе, «когда на испытуемого повторно действуют два резко отличающихся объекта, понятно, у него вырабатывается соответствующая установка или готовность получить в руки именно резко отличающиеся объекты. Но вот он получает не разные по объему, а равные предметы. Это

[15] Узнадзе Д. Н. К психологии установки. — Сб. Материалы к психологии установки. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).

[16] Хачапуридзе Б. И. Дидактические материалы и игры в связи с некоторыми задачами дошкольного воспитания. Тбилиси, 1939 (на груз. яз.).

[17] Григолава В. В. Некоторые условия создания установки на количественное соотношение. — Сб. Экспериментальные исследования по психологии установки, т. 2, Тбилиси, Мецниереба, 1963, с. 79

состояние, надо думать, настолько четко отличается от ожидания* того, что он должен получить в руки, что он бессилен воспринять подаваемые объекты на основе этой установки»[18], и получаем контрастную иллюзию. Так объясняет этот факт сам Д. Н. Узнадзе.

Согласно теории установки Д. Н. Узнадзе, возникновение фиксированной установки (так же как и всякой установки вообще), как мы отмечали выше, основано на двух главных условиях. Этими условиями являются:

1) потребность (субъективный фактор установки), и
2) ситуация (объективный фактор установки).

Что подразумевается, согласно теории установки Д. Н. Узнадзе, под каждым из этих понятий, и какую роль выполняют они в выработке фиксированной установки?

Опыты, проведенные методом «опознавания материала», ставят целью ответить на эти вопросы.

3. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАБОТКИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА

Прежде чем мы рассмотрим результаты наших опытов, представляется необходимым остановиться на некоторых деталях обработки экспериментального материала.

Обычно, когда обрабатывают по фазам материалы опытов по фиксированной установке, для установления I и II фаз, как правило, считается достаточным повторение два раза подряд одинаковых ответов: «справа — большой, слева — малый», а для установления III фазы — констатацию равенства, четыре раза подряд.

Если анализ материала опытов по фиксированной установке по фазам дает картину **динамичности** фиксированной установки субъекта, этого еще недостаточно, чтобы охарактеризовать и **прочность** фиксированной установки. Нельзя сказать, например, какой силы трехфазная фиксированная установка — какой силы первая фаза, от которой главным образом зависит прочность фиксированной установки. Что касается однофазной установки, то в этом случае мы можем судить и о ее прочности, но такое случается редко и недостаточно для общего анализа материала. Поэтому мы сочли необходимым составить

---

* Здесь «ожидание», бесспорно, употреблено по ошибке вместо «установки»; это, конечно, не вызывает сомнения, поскольку Д. Н. Узнадзе именно в этой монографии опроверг теорию «обманутого ожидания» и для этого провел свои известные постгипностические опыты.

[18] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 29 (на груз. яз.).

отдельные таблицы для характеристики прочности фиксированной установки.

Для того, чтобы проанализировать данные испытуемых по прочности установки, необходимо установить среднее число контрастных иллюзий, полученных в первой фазе у всех испытуемых, и взять это число в качестве некоторого эталона для сравнения.

Мы сгруппировали испытуемых по этому принципу и выделили следующие группы: испытуемых, которые в первой фазе критических опытов проявили только единственную контрастную иллюзию (фактически не выработалась фиксированная установка), мы поместили в «слабейшую группу». В следующей группе («слабая») мы имеем тех испытуемых, которые дали от двух до десяти контрастных иллюзий в первой фазе; в последующую группу («средняя») мы объединили тех, кто показывал 11—20 контрастных иллюзий; далее, в следующую («сильную») тех, кто дал 21—29 контрастных иллюзий, и, наконец, в «сильнейшую» группу мы поместили тех испытуемых, которые в первой фазе дали 30 и больше контрастных иллюзий.

Установочные опыты ограничились 15-ью, а критические опыты с каждым испытуемым продолжались до тех пор, пока мы не получали какую-то определенную картину у него или пока он не давал 30 контрастных иллюзий подряд. Таким образом, таблицу мы составили по тем показателям, которые были получены у каждого испытуемого до полной ликвидации фиксированной установки, хотя мы имели и такие случаи, когда достижение этого становилось невозможным: субъект до конца (в течение 30 экспозиций) оставался под влиянием фиксированной установки и мы прекращали критический опыт.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ОСНОВНОГО ОПЫТА

(результаты опыта, проведенного методом «опознавания материала»)

Для выяснения поставленного нами вопроса было проведено пять серий опытов: два основных и три контрольных. В фиксационных опытах установки, проведенных методом «опознавания материала», нас, конечно, не интересовал процесс решения задачи испытуемыми: к каким «манипуляциям» прибегают они для опознавания материала, правильно ли решают задачу. Нас интересовал лишь один вопрос: вырабатывается или нет этим методом у испытуемых фиксированная установка?

Следует сказать, что результаты, полученные этим методом, превзошли наши ожидания: почти у всех испытуемых четко

проявилась фиксированная установка в виде контрастной иллюзии. В процессе экспериментов обнаружилось и такое парадоксальное явление: выяснилось, что некоторые испытуемые, у которых этим методом («методом опознавания материала») предварительно было получено довольно большое число контрастных иллюзий в первой фазе, при исследовании обычным методом фиксированной установки не показали иллюзии такой же прочности.

Нашлись и такие, у которых выработалась очень слабая установка методом «опознавания материала», однако обычным методом фиксированной установки у них получилось гораздо большее число контрастных иллюзий. Одним словом, были и те, и другие, хотя как первые, так и вторые составляли исключение и, вероятно, их данные не должны иметь существенного значения для ответа на наш основной вопрос.

Методом «опознавания материала» нами было проведены опыты на студентах и преподавателях Тбилисской консерватории (65 испытуемых). Конечно, ни один из наших испытуемых ничего не знал об опытах фиксированной установки.

Результаты этих опытов представлены в таблицах I и Ia, откуда видно, что иллюзии объема были получены у абсолютного большинства испытуемых (96,3%).

Таблица I

Проявление фиксированной установки по фазам*

Фазы	Количество испытуемых	%
I	4	6,2
II	1	1,5
I — II	8	12,3
I — II — III	34	52,4
I — III	16	24,6
II — III	1	1,5
III	1	1,5
Всего:	65	100,0

*Первым на фазовое протекание угасания фиксированной установки в критическом опыте указал Б. И. Хачапуридзе («Фазовый характер смены установок», в сборнике «Материалы к психологии установки», т. 1, Тбилиси, 1938, на груз. яз.), который считал, что оно выражало закономерность не **угасания установки**, а **смены установки.** На фазовый характер угасания фиксированной установки указали и другие авторы (Д. Н. Узнадзе, В. Г. Норакидзе, З. И. Ходжава, И. Т. Бжалава и др.). Мы здесь не будем рассматривать этот теоретический вопрос, только отметим, что подразумеваем под каждой фазой.

В критических опытах испытуемые вначале, как правило, показывают контрастные иллюзии (1 фаза), затем может наступить фаза ассимилятив-

Что касается прочности фиксированной установки, то она дает следующую картину (таблица Ia).

Таблица Ia

Прочность фиксированной установки

Количество контрастных иллюзий в первых экспозициях критического опыта	Количество испытуемых	%
0 или 1	4	7,6
от 2 до 10	13	18,6
от 11 до 20	32	49,3
от 21 до 30	12	18,3
Свыше 30	4	6,2
Всего:	65	100,0

На тех же самых 65 испытуемых, на которых мы проводили опыты методом «опознавания материала», позже мы провели вторую серию опытов обычным методом фиксированной установки, только **теми же шарами**, которые мы использовали при проведении с ними опытов методом «опознавания материала». Результаты этих опытов даны в таблицах 2 и 2а.

Таблица 2

Проявление фиксированной установки по фазам

Фазы	Количество испытуемых	%
I	6	9,2
II	—	—
I — II	7	10,8
I — II — III	37	56,9
I — III	14	21,6
II — III	—	—
III	1	1,5
Всего:	65	100,0

ных иллюзий (II фаза), и, наконец, испытуемые переходят на адекватное восприятие (III фаза). Если какая-нибудь фаза у испытуемого выявляется только в одной единственной экспозиции, то мы ее считаем сомнительной и в соответствующей таблице снабжаем вопросительным знаком («?»). Возможны и случаи, когда испытуемый из первой фазы (контрастных иллюзий) непосредственно переходит на адекватное восприятие (III фаза), или же с самого начала показывает ассимилятивные иллюзии (II фаза) или адекватную оценку (III фаза). Все это в наших таблицах выражено четко и наглядно. **Однофазовой** фиксированной установкой мы называем такую установку, при которой испытуемый в течение 30 критических экспозиций показывает только контрастные иллюзии (I фаза).

Таблица 2а

Прочность фиксированной установки

Количество контрастных иллюзий подряд в первых экспозициях критического опыта	Количество испытуемых	%
0 или 1	4	6,1
от 2 до 10	13	20,0
от 11 до 20	30	46,2
от 21 до 30	12	18,5
Свыше 30	6	9,2
Всего:	65	100,0

Для выяснения того, обращали ли внимание испытуемые, вопреки инструкции, в первой серии опытов на соотношение объемов, нами собран следующий материал самонаблюдений испытуемых. После окончания фиксационных опытов методом «опознавания материала», мы спрашивали у испытуемых: заметили ли они в какую руку им давали большой и малый шары?

В результате этого опроса выяснилось, что абсолютное большинство испытуемых не смогли правильно и уверенно вспомнить соотношение объемов шаров. Когда мы настойчиво требовали этого и испытуемый все же не мог дать уверенного ответа, ему задавали вопрос: «Разве все шары были одинакового объема?». На наш вопрос некоторые испытуемые отвечали примерно так: «Нет, некоторые шары, кажется, были большими, а некоторые малыми, но в какой руке я держал какой шар — не помню» и т. д.

По этим ответам мы распределили испытуемых на три группы.

В первую группу объединили тех испытуемых, которые так или иначе правильно вспоминали, что, например, справа чаще подавался большой, а слева малый шар (т. е. хотя и с сомнением, но правильно вспоминали существующее между шарами соотношение) — 8 испытуемых, но нам не встретился ни один испытуемый, который утверждал бы, что на протяжении всех установочных опытов соотношение предметов по объему не менялось.

Во вторую группу поместили испытуемых, которые почему-то давали противоположные фактическому соотношению фиксационных шаров ответы (24 испытуемых).

В третью группу объединили испытуемых, которые не могли высказать никакого мнения о том, в какую руку им давали большой и в какую руку — малый шар. Именно эти испытуемые представляют абсолютное большинство в наших опытах — 33 испытуемых (обычно они говорят — «не обратил внимания»).

Чтобы получить еще более достоверные сведения по этому вопросу, такое же наблюдение мы провели над детьми 8—10 лет, что убедило нас в правоте наших соображений по этому вопросу. Ребенка спрашивали сразу же после того, как у него отбирали шары, которые ему предъявляли для опознавания материала: в какой руке он держал большой, а в какой малый? Выяснилось, что большинство детей (50 из 60) опрошенных нами, даже непосредственно вслед за подачей шаров, не смогли правильно определить фактическое соотношение объемов подаваемых шаров.

Как это видно из соответствующих таблиц (1, 1а и 2, 2а), в обоих случаях испытуемые показали довольно сильные иллюзии фиксированной установки.

Методом «опознавания материала» (табл. 1 и 1а) четко выраженная фиксированная установка выработалась у 92,4% испытуемых и у тех же испытуемых обычным методом — 93,9% (табл. 2 и 2а)[19].

Что касается прочности фиксированной установки (т. е. беспрерывный ряд контрастных иллюзий), то она дает следующую картину: как в первой, так и во второй серии опытов среднее количество испытуемых составляют те, которые в первой фазе дали среднее число, т. е. от 11 до 20 контрастных иллюзий. Число этих испытуемых в первой серии (методом «опознавания материала») равно 32 (49,3%), а во второй серии 30 (46,2%). Количество испытуемых со слабой и слабейшей фиксированной установкой (до 10 контрастных иллюзий в первой фазе) как в первой, так и во второй серии опытов равнялось 17 (26,2%). Что касается тех испытуемых, у которых обнаружилась сильная и сильнейшая фиксированная установка (т. е. от 21 до 30 и более контрастных иллюзий в первой фазе), в первой серии их число было 16 (24,7%), а во второй—18 (27,7%).

Таковы результаты опытов, проведенных методом «опознавания материала» (первая серия), и результаты контрольных опытов, проведенных на тех же испытуемых обычным методом фиксированной установки (вторая серия).

Мы уже отмечали, что во время опытов, проводимых методом «опознавания материала», испытуемые не обращают внимания на соотношение объемов. Это мы заключили из того, что почти ни один испытуемый после окончания критических опытов не мог правильно назвать действительного соотношения шаров в фиксационных опытах. Однако может возникнуть и такое сомнение: возможно, каждый из этих испытуемых и обращает внимание в фиксационных опытах на соотношение

---

[19] Сравн., Веигер Л. Н. О механизмах возникновения иллюзии тяжести и величии. — Вопросы психологии, № 1, 1957.

объемов шаров, предлагаемых ему для опознавания их материала, но из-за большого числа фиксационных опытов (15 экспозиций) забывает об этом.

Чтобы свести до минимума эти сомнения, такие же фиксационные опыты методом «опознавания материала» мы провели (в количестве **пяти экспозиций** на каждом испытуемом) на 40 студентах второго курса Тбилисского политехнического института им. В. И. Ленина. Сразу же после пяти экспозиций, после того как у испытуемого отбирали шары из разного материала (опознать который от него требовалось), его спрашивали: заметил ли он, что шары были разного объема и в какую руку он получил большой и в какую малый шар?

Выяснилось, что даже в таких условиях опыта только шесть испытуемых так или иначе с уверенностью (полной уверенности и у них не было) правильно назвали действительное соотношение шаров, 12 — с сомнением («чаще слева давали мне большой шар»), шесть испытуемых дали сведения, противоположные действительному положению вещей, а 16 — вообще не заметили, что шары были неравные по объему.

Однако остается фактом, что из 40 испытуемых 18 правильно назвали соотношение шаров по объему. Встает вопрос: каким образом им удается это сделать, если их внимание совершенно не направлено на соотношение шаров?

Известен один факт, который состоит в следующем: человек сидит в рабочем кабинете, с увлечением читает или пишет, будучи направлен на это занятие. Если в это время часы позвонили три или четыре раза и мы его спросим примерно через 5—10 секунд, сколько раз звонили часы, он, как правило, ответит правильно, но ответит не мгновенно, не автоматически, а немного задержится, как будто считает сейчас, и только после этого отвечает. Но достаточно пройти 30 секундам — минуте после того, как часы позвонили, и он уже не сможет ответить на ваш вопрос. Этот факт, как мы знаем, в психологии известен (после Меймана) под названием непосредственной памяти, и никто не говорит здесь о каком-либо участии внимания. Говоря словами Д. Н. Узнадзе, «здесь даже нельзя ставить вопроса об акте внимания»[20].

По нашему мнению, в вышеописанных опытах мы должны иметь дело именно с таким положением: когда непосредственно после пяти фиксационных экспозиций спрашиваем испытуемого о соотношении шаров по величине, он дает ответ именно на основе своей непосредственной памяти. На это же ясно указывает и тот факт, что из тех 18 испытуемых, которые более или менее правильно определили существовавшее между шарами соотношение, пять испытуемых смогли дать свои соображе-

[20] Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., Наука, 1966, с. 112.

ния на основе последней экспозиции («в последней экспозиции слева был большой шар»).

На всякий случай, несмотря на то, что не сомневались в ожидаемых результатах, мы провели следующий опыт (на 20 испытуемых). На испытуемых провели обычные опыты фиксированной установки (пять экспозиций), и давали задание **сравнить шары** по объему. Когда после этого их спрашивали, в какую руку давали большой, а в какую — малый шары, все без исключения (и одинаково изумленные нашим вопросом) правильно и уверенно называли существовавшее соотношение между шарами по величине.

Следовательно, не может быть никакого сомнения в том, что, если внимание субъекта направлено на соотношение предъявляемых шаров, он ясно определяет соотношение, существующее между ними, но если внимание направлено на опознавание материала, то существующее между шарами соотношение по величине не достигает его сознания и его отражение происходит только на уровне установки (по Д. Н. Узнадзе).

5. О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ФИКСИРОВАННОЙ УСТАНОВКИ В ОПЫТАХ «ОПОЗНАВАНИЯ МАТЕРИАЛА»

Опираясь на наши опыты, мы можем сделать, по крайней мере, два достоверных вывода:

1. Можно с уверенностью сказать, что во время проведения опытов методом «опознавания материала» внимание испытуемого никогда не направлено на взаимосоотношение объемов.

2. Результаты опытов, проведенных методом «опознавания материала», и обычным методом фиксированной установки, существенно не отличаются друг от друга.

Как видно из результатов наших опытов, объем предмета оказывает влияние на субъект, является основой фиксации установки и на этой почве возникают контрастные иллюзии в критическом опыте, несмотря на то, что объективация испытуемого, его внимание никогда не направлены на соотношение объемов.

В опытах по «опознаванию материала» испытуемый пытается получить как можно больше сенсорных данных от раздражителя, чтобы, опираясь на них, опознать материал. Что он преимущественно выделяет, на какое сенсорное содержание обращает главным образом внимание? Таковы вес раздражителя, характер поверхности, плотность и др. Несмотря на то, что субъект совершенно индифферентен к соотношению объемов, что существующее между объектами соотношение объемов ни в каком виде не представлено в его сознании, контрастные иллюзии все же проявляются. Почему это происходит? Остается фактом, что когда испытуемому в обе руки давали для опознания материала большое и малое тела, то объем этих тел, хочет он того или нет, т. е. специально останавливает **на**

нем свое внимание или нет, все же отражается в психике этого субъекта и вызывает в нем соответствующий эффект, что подтверждается тем, что в критическом опыте обнаруживаются контрастные иллюзии.

Таким образом, ясно, что под влиянием предварительных (фиксационных) опытов в субъекте происходит определенное изменение, и то, что это изменение произошло именно под влиянием объемов, подтверждают без всякого сомнения иллюзии объема в критическом опыте.

Мы видели, что в наших опытах по «опознаванию материала» разговор о том, что испытуемый обращает внимание на соотношение объемов, лишен всякого основания, поскольку оно направлено в совершенно другую сторону, а именно, на опознание материала.

Но, с другой стороны, фиксация какого-нибудь раздражителя в психике субъекта невозможна, если этот раздражитель каким то образом не отразится в ней. Между тем контрастная иллюзия является несомненным доказательством того, что внешний раздражитель (в нашем случае, объем) был отражен в психике испытуемого.

В психологии и обыденной жизни замечен один важный факт: скажем, идешь по улице и встречаешь близкого знакомого, которого долгое время не видел. Может случиться, что, не останавливаясь, поздороваешься с ним и только через несколько шагов вернешься назад, остановишь его, завяжешь разговор, извинившись, что вначале «не узнал».

В пьесе Н. Погодина «Человек с ружьем» солдат случайно встречается в Смольном с В. И. Лениным. Ленин разговаривает с солдатом, но последний не знает, что это Ленин. Потом Ленин уходит, а солдату говорят, что он разговаривал с Лениным. Вначале солдат не обращает на это внимания, пробормотав: «Агаа...», как будто ему все ясно, но, пройдя несколько шагов, останавливается, будто сраженный выстрелом, и в восторге кричит, оповещая всех, что он разговаривал с В. И. Лениным.

В первом случае, когда вы прошли мимо знакомого, поздоровались, но не остановились, нельзя сказать, что вы не узнали его. В противном случае вы не должны были поздороваться. Значит, раз вы поздоровались, то узнали его. В то же время вы искренне говорите ему, что не узнали его.

Во втором случае солдат, сражавшийся с ружьем в руках за революцию, не мог не знать имени Ленина. Несмотря на это, первая реакция на слово «Ленин» была совершенно индифферентна: «Агаа...».

В психологической литературе, как мы уже говорили, эти факты не остались без внимания, но соответствующего объяснения они не имели. Иногда указывалось на «сужение сознания» или на «недостаточное осознание» и др. По нашему мне-

нию, лучше всего объясняет этот факт теория Д. Н. Узнадзе о двух планах работы психики.

Работу психики, согласно Д. Н. Узнадзе, характеризуют два плана. Один — установочный, второй — план объективации, или, другими словами, план «импульсивной» и «опосредствованной» активности.

Обычные повседневные действия человека дают нам представление о работе психики в плане установки или в импульсивном плане. В этом случае то или иное поведение субъекта протекает импульсивно (по установке) и необходимость вмешательства активного сознания в процессе осуществления этого поведения не ощущается: человеку захочется пить, он берет графин, наливает в стакан и пьет или, в другом случае, осуществляет более сложное поведение. В этом случае совершенный акт, по мнению Д. Н. Узнадзе, осуществляется в плане установки, возникшей на основе взаимодействия актуальной потребности и соответствующей объективной ситуации, которая ложится в основу целенаправленных актов поведения.

Но предположим, что для выполнения такого непосредственного «установочного» поведения объективного условия (ситуации) не существует и начавшееся поведение задерживается по какой-либо причине (предположим, вода из графина не выливается). Что тогда происходит?

Как известно, для человека (но не для животного) эта помеха еще не означает, что он окончательно прекратит свое действие. Напротив, в таких условиях сознание человека оживляет свою активность и посредством мышления начинает искать причину, вызвавшую эту помеху. В это время его сознание остановится непосредственно на этом моменте (на одном из «звеньев» поведения), и новое поведение начинается вопросом: «Что случилось?», т. е. субъект осуществляет объективацию момента, направляет на него всю свою психическую активность. Вследствие всего этого выясняется, что, например, вода замерзла в графине, и субъект вынужден сейчас иначе разворачивать свое поведение, чем это диктовалось его непосредственной установкой.

В тот момент, когда привычное действие субъекта задержалось по какой-то причине, внимание субъекта выделяет из всего поведения частичное содержание, вызвавшее эту помеху. «Следовательно, — говорит Д. Н. Узнадзе, — внимание, по существу, должно быть понято как процесс объективации, в котором из непрерывного круга наших восприятий, возникших на основе наших установок, оно выделяется в виде предмета познавательной активности, вследствие чего становится одним из наиболее ясных и актуальных содержаний сознания»[21].

---

[21] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI. Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 140 (на груз. яз).

Таким образом, по Д. Н. Узнадзе, в тот момент, когда субъект стоит перед какой-то определенной задачей, его установочное поведение прекращается и уступает место опосредствованному объективацией поведению, качественно отличающемуся от первого.

Мы считаем, что в случае фиксации методом «опознавания материала», очевидно, имеем дело именно с таким положением: в наших опытах вся психическая активность субъекта (в том числе объективация) целиком направлена на опознавание материала и развертыванию этой активности ничто не мешает. Но воздействуют или нет на психику субъекта в этом случае соотношения объемов? Как мы уже говорили, факт контрастных иллюзий в критических опытах — несомненное доказательство того, что соотношение объемов вызвало определенное изменение в субъекте и легло в основу его последующего поведения. В то же время понятно, что внимание субъекта, его объективация в наших опытах никогда не были направлены на соотношение объемов, что, по-видимому, не смогло задержать его активность, и стало возможным получение эффекта фиксированной установки на основе восприятия, протекающего в плане установки.

Таким образом, мы видим, что и установочный план работы психики оказался достаточным для того, чтобы получить фиксацию установки в условиях наших опытов. А это указывает на то, что и простые (установочные) формы психической активности человека вполне достаточны для осуществления поведения соответствующей объективной среды и для этого не обязательно участие объективации и процессов сознания. Вследствие этого не должен казаться странным тот факт, что фиксация установки на количественном материале осуществляется и в таких условиях, когда психическая активность субъекта, в процессе воздействия на него (субъекта) количественных раздражителей, направлена совсем в другую сторону (например, на опознавание материала).

Но мы уже указывали выше, что другие авторы не смогли выработать фиксированную установку на количественное соотношение, если испытуемый не прибегал к сознательному сравнению подаваемых предметов.

Так, например, в описанном Д. Н. Узнадзе опыте, когда он давал испытуемым задание в фиксационном опыте установки сравнивать шары по тяжести, а в критических опытах сравнивать равные шары по объему, у испытуемых контрастная иллюзия фиксированной установки не выявлялась.

Почему это произошло? Объем, как в опытах Д. Н. Узнадзе, так и в наших, как будто воздействовал на субъекта. Несмотря на это, в одном случае ясно обнаружился эффект фиксированной установки (контрастная иллюзия), в другом случае — нет. В то же время ни в опытах Д. Н. Узнадзе, ни в

наших опытах внимание испытуемого не было специально направлено на объем шаров.

Что вызвало радикально противоположные результаты этих опытов?

Для того, чтобы убедительно ответить на этот вопрос, мы повторили тот же самый опыт, который проводил Д. Н. Узнадзе и, основываясь на котором, было высказано мнение, что одно только повторение, без сознательного участия субъекта, не может дать эффекта фиксированной установки (контрастную иллюзию).

С этой целью испытуемому, у которого были завязаны глаза, мы давали в установочном опыте для сравнения по весу большой и малый шары, а в критическом опыте — равные шары по объему с той же целью. В таких условиях опыта обнаружилось, что иллюзии объема, действительно, не проявились, но и причина тут же стала нам ясной: когда мы давали испытуемым различные по объему шары и предлагали сравнить их по весу, они действительно сравнивали их по весу, но так, что в это время **объем никак не воздействовал на** них, т. е. как только мы клали шары на ладони испытуемого, он сразу поднимал обе руки вверх и так сравнивал шары по весу. Нельзя было указать ему, чтобы он крепко сжимал шары руками, поскольку тем самым мы вынудили бы его обратить внимание на объем, что противоречило цели нашего опыта. Таким образом, этот эксперимент оказался неадекватным для решения того вопроса, на который он был нацелен.

Как мы отмечали выше, и Б. И. Хачапуридзе не смог получить иллюзии фиксированной установки в том случае, когда внимание испытуемого не было специально направлено на величины кругов[22]. В опытах Б. И. Хачапуридзе было установлено большее: возможно, испытуемые и различают соотношение фиксационных кругов по величине, но фиксированная установка все равно не выявляется, если в этот момент на субъект действуют какие-то мешающие факторы (например, раздражители, рассеивающие внимание).

Как должен быть решен этот вопрос? Как нужно объяснить радикально противоположные результаты опытов, полученные методом «опознавания материала» и методом Б. И. Хачапуридзе?

По нашему мнению, главный фактор, лежащий в основе радикального различия наших опытов и опытов Б. И. Хачапуридзе, состоит в том, что Б. И. Хачапуридзе провел опыты в оптической сфере, а мы в гаптической.

Дело в том, что в опытах Б. И. Хачапуридзе не предусмо-

---

[22] Хачапуридзе Б. И. Дидактические материалы и игры в связи с некоторыми задачами дошкольного воспитания. Тбилиси, 1939 (на груз. яз.).

трены особенности, отличающие друг от друга гаптическую и оптическую сферы, и обобщение полученных в одной сфере результатов на все остальные модальности приводит к ошибочному выводу. С другой стороны, если мы разделяем вышеуказанное мнение, то получается, что установка субъекта в оптической сфере совсем другого характера, чем в гаптической сфере, и, следовательно, мы не можем говорить о целостно-личностном характере установки. Вместе с тем целый ряд экспериментальных фактов указывает на то, что фиксированная установка носит целостно-личностный характер, поэтому нельзя предположить такое положение, чтобы одна закономерность существовала для гаптической сферы, а другая — для оптической. Психологической школой Д. Н. Узнадзе экспериментально было доказано, что иллюзии фиксированной установки обусловливают изменение не локального характера, возникающее в каком либо органе, чувства, а общеличностную модификацию субъекта. Ошибкой Н. Аха, как и Г. Мюллера и Шумана, было то, что первый из них основу иллюзий видел в сенсорной установке, а Мюллер и Шуман пытались объяснить этот факт тем частичным содержанием сознания, которое как-будто обусловливает субъективные переживания «взлета вверх» и «прилипания к подставке».

Д. Н. Узнадзе и его сотрудники доказали, что установка — целостно-личностное состояние субъекта (это неопровержимо доказывают факты иррадиации и генерализации), в котором, конечно, и частичные содержания находят свое отражение.

Этому бесспорному факту противоречит, на первый взгляд, тот факт, что в одних и тех же условиях в оптической (в опытах Б. И. Хачапуридзе) сфере не удается выработать фиксированной установки, а в гаптической (в наших опытах) она возможна.

Но такое впечатление может сложиться у нас только на первый взгляд, а если мы специально понаблюдаем за положением дела, то обнаружится, что между теорией установки и этими фактами второго порядка не существует никакого противоречия.

Вначале попытаемся выяснить причины, обусловившие совершенно различные результаты наших опытов и опытов Б. И. Хачапуридзе. По нашему мнению, причина того, что Б. И. Хачапуридзе не смог получить в своих опытах эффект фиксированной установки, заключается, вероятно, в невозможности создания таких условий, когда зрение было бы направлено на один объект, и в то же самое время зрительное внимание на другой объект.

Как известно, с точки зрения традиционной психологии, посредством внимания субъект выделяет какой-либо предмет из числа воздействующих на него из окружающей среды предметов и концентрирует на нем свою психическую активность. Сле-

довательно, внимание не может функционировать независимо, и оно состоит в том, что направляет психическую активность субъекта в определенную сторону. Вот что говорит о зрительном внимании И. М. Сеченов: «Внимание выражается, в самом деле, ясностью ощущения от того образа, на который обращено внимание (на который смотрят, на который направлены зрительные оси глаза) и тупостью к окружающим, доходящей иногда до полного исчезания их из поля зрения... В сущности зрительное внимание есть не что иное, как сведение зрительных осей глаз на рассматриваемое тело»[23].

Согласимся ли мы с таким пониманием И. М. Сеченова о сущности самого внимания или нет*, другое дело, но то, что правильное, адекватное зрительное восприятие какого-либо объекта невозможно без направления осей глаз на этот объект не вызывает сомнения.

Следоватсльно, роль внимания, согласно И. М. Сеченову, исчерпывается улучшенным восприятием предмета. Если предмет не воспринят четко, внимательно, то в таком случае невозможно говорить и о зрительном внимании. О внимании как психической функции можно говорить лишь тогда, когда восприятие предмета дополняется осознанием этого последнего.

Следовательно, в оптической сфере невозможно такое положение, когда восприятие предмета беспрепятственно осуществлялось бы субъектом и в то же самое время зрительное внимание субъекта было бы направлено в другую сторону. В оптической сфере только тогда становится возможным воздействие объективных раздражителей на субъект, когда в это же самое время и внимание субъекта направлено именно на этот предмет. Опыт Б. И. Хачапуридзе предполагает, что объективное воздействие предмета на субъект, восприятие объективного раздражителя субъектом посредством зрительного анализатора, беспрепятственно осуществлялось, и в то же время его внимание не было направлено на объективный раздражитель. А это, повторяем, в оптической сфере невозможно.

Когда Б. И. Хачапуридзе дает испытуемым различные по содержанию раздражители (картинки с изображениями различных зверей и предметов и среди них большой и малый круги), зрительные оси («зрительное внимание», по И. М. Сеченову) испытуемого невольно направляются то в сторону одного, то в сторону другого предмета (тем более, что в опытах Б. И. Хачапуридзе инструкция в одном случае ничего определенного не задает испытуемому, а в другом случае

[23] Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М., 1952, с. 110—111.

* «То, что в сфере зрительных ощущений называется вниманием, есть, стало быть, акт невольный». Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М., 1952, с. 111.

ставит его перед решением двойной задачи: указать соотношение кругов и в то же время назвать все то, что покажется на экране). Поэтому хотя физическое воздействие одного и того же раздражителя всегда происходит на зрительный анализатор (на сетчатку глаз), однако не удается его локальная организация в каком либо одном поле. Это имеет решающее значение для фиксации установки в зрительной сфере, как это было доказано экспериментами З. И. Ходжава[24].

Если можно было бы создать такие условия в оптической сфере, когда зрительное внимание субъекта направлено на один объект, а психическая активность того же субъекта на другой предмет, то можно было бы получить достоверные сведения о значении каждого из них в опытах фиксированной установки. Но создание таких условий в оптической сфере, как это известно из литературы о распределении внимания, невозможно.

Методом «опознавания материала» мы установили совершенно другое положение вещей в гаптической сфере. Когда мы давали испытуемому для опознавания материала шары, то он сжимал шар пальцами руки, ощупывал, проверял, искал тот признак, по которому он мог бы решить задачу: если шар мягкий и эластичный, испытуемый заключает, что он резиновый, если шар пушистый и в то же время мягкий, значит войлочный и т. д. Но в это же время объем шаров, их форма и величина — это те свойства раздражителей, которые воздействуют на субъект **систематически и неизменно.** Другое дело, осознает или нет испытуемый эти признаки. Главное в том, что шар своим объемом воздействует на субъект беспрепятственно и последовательно на протяжении всех фиксационных опытов.

Но в то же время, если мы дадим испытуемому в одну руку большой шар, а в другую малый с заданием опознать материал, из которого они сделаны, то мы должны допустить, что вместе с объемом в его психике (но не в сознании) отразится соотношение этих шаров и возникающий на основе этого изменения эффект последующего действия мы обнаруживаем в критических опытах в виде контрастной иллюзии.

Как известно, согласно теории установки, возникновение установки в живом организме обусловливается не только потребностью, но и вместе с ней и соответствующей этой потребности ситуацией. Установку в живом организме вызывает «встреча потребности и соответствующей ей объективной ситуации»

---

[24] Ходжава З. И. О транспозиции «эффекта размера» в восприятии фигур в опытах В. Келера и Г. Валлаха. — Сб. Экспериментальные исследования по психологии установки, т. IV, Тбилиси, Мецниереба, 1971.

Между прочим на это положение мы указывали в нашей кандидатской диссертации (1956), когда не были еще знакомы с опытами В. Келера и З. И. Ходжава.

(Д. Н. Узнадзе). У человека эта потребность иногда осознана (переживаема), а у животного только импульсивна.

К. Маркс говорит, что «потребление создает потребность как его внутренний предмет»[25], который, в отличие от потребностей животных, осознан. Если животное устанавливает только биологические взаимоотношения с окружающей средой, то человек вместе с тем и отражает в сознании эти взаимоотношения.

К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «Та или иная организация материальной жизни зависит, конечно, каждый раз от развивающихся уже потребностей, а порождение этих потребностей, равно как и их удовлетворение, само есть исторический процесс, которого нет у овец и собак»[26].

Совершенно справедливо пишет Д. А. Кикнадзе: «Среда воздействует на индивида как целостный организм и порождает в нем активное отношение, потребность. Потребность, в свою очередь, будучи осознана и пройдя эти мотивации, порождает мотив действия»[27].

Некоторое преувеличение роли субъективного фактора в экспериментальной психологии установки в ряде случаев, по нашему мнению, основано на некоторой неясности, которая, со своей стороны, основывалась на неадекватных поставленному вопросу экспериментах. Известно, что фундаментальное значение окружающей среды в выработке установки особенно подчеркивал Д. Н. Узнадзе. Он писал: «Каждый период развития ребенка обусловливается его социально определенной возрастной средой»[28]. Следовательно, основу всякого поведения, активности живого организма составляет социальная (у человека) или биологическая (у животных) среда.

После всего сказанного должно быть понятно, почему происходит фиксация установки в таких условиях, когда субъект не осознает соотношения, существующего между шарами, когда в опыте участие субъективного фактора не представлено в таком виде, как это предусматривает экспериментальная психология установки (в виде сознания).

С точки зрения психологии установки, как мы не раз уже убедились, для того, чтобы у субъекта выработалась установка, совершенно не обязательно, чтобы он прибегал к акту объек-

---

[25] Маркс К. К критике политической экономии. М., Госполитиздат, 1951, с. 14.

[26] Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., Госполитиздат, 1947, с. 27.

[27] Кикнадзе Д. А. Потребности, поведение, воспитание. М., Мысль, 1968.

[28] Узнадзе Д. Н. Детская психология. Тбилиси, Изд-во Тбилисского гос. университета, 1947 (на груз. яз.).

тивации соотношений, существующих между шарами, и действительно, если «установка... перенесение в субъект обективного положения», если она «перешедшее в субъект объективное положение»[29], то в опытах, проведенных методом «опознавания материала», ничто не мешает тому, чтобы существующее между шарами взаимоотношение оказало воздействие на субъект и вызвало в нем соответствующую установку: ведь в опытах по «опознаванию материала» объективные обстоятельства — это существующее между шарами соотношение! Правда, субъект этого не осознает, но это не имеет значения, поскольку «сама установка остается за пределами сознания, но оказывает решающее влияние на его содержание и течение»[30].

По нашему мнению, этот вопрос и в том случае должен был быть решен так же, как его решили мы, если бы даже и не проводили опытов методом «опознавания материала».

Факт фиксации установки в гипнотическом состоянии и эффект фиксированной установки (контрастная иллюзия) в постгипнотическом состоянии — бесспорное тому доказательство. Но несоответствие некоторых экспериментальных результатов с общей теорией установки вызвало некоторые теоретические неточности.

Необходимо было установить, как следует осмыслить субъективный фактор в опытах фиксации установки — как объективацию существующего между шарами соотношения или как необъектированное (установочное) его отражение?

Мы пришли к выводу, что установка, фиксированная на количественном материале, не обязательно возникает на основе сознания и испытуемый не обязательно должен активно (сознательно) сравнивать подаваемые величины друг с другом, чтобы произошла фиксация установки. Можно считать доказанным в опытах, произведенных методом «опознавания материала», что контрастная иллюзия представляет собой результат воздействия объективного раздражителя на субъект без участия сознания последнего.

Отсюда вытекает и то, что роль фактора потребности должна быть по-другому осмыслена в экспериментальной психологии установки, а именно: для выработки и фиксации установки не обязательно участие осознанной потребности. Вследствие всего этого следует считать установленным, что субъективный фактор (потребность) участвует в фиксационных опытах не как объективированное отражение объективных раздра

---

29 Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Мецниереба, 1964, с. 79 (на груз. яз.).

30 Узнадзе Д. Н. К теории постгипнотического внушения. — Труды Института функциональных нервных заболеваний, т. I, 1935, с. 68 (на груз. яз.).

жителей, а как непосредственно (в плане установки) отраженная действительность.

Опыты по фиксации установки, проведенные на животных, доказывают, что постижение простых отношений, существующих в окружающей среде, доступно и таким существам, которые вообще не имеют сознания, и в этом отношении между установкой челевека и установкой животного не пропасть, а, напротив, почти полное соответствие*.

6. ТЕОРИЯ УСТАНОВКИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОНТРАСТНОЙ ИЛЛЮЗИИ

После того, как мы выяснили, что для выработки фиксированной установки (и вообще установки) на количественном материале не обязательно такое участие субъективного фактора (потребности), как это предусматривала экспериментальная психология установки (т. е. объективация соотношения между шарами), перед нами встал вопрос: что лежит в основе выработанной в количественной сфере фиксированной установки и является ли достаточным объяснение этого факта (фиксированной установки), которое дал Д. Н. Узнадзе?

Для выработки установки, по мнению Д. Н. Узнадзе, признано необходимым и вполне достаточным предъявление двух заметно отличающихся друг от друга объектов и осознанное постижение субъектом этого соотношения. «Существенно... только отношение, независимо от того, каковы его реляты», заключает Узнадзе[31].

На основе экспериментальных данных, о которых речь шла выше, этот вопрос, по крайнем мере, в том виде, в каком он дан в экспериментальной психологии установки, должен быть поставлен под сомнение. Как мы уже знаем, в опытах, проведенных методом «опознавания материала», испытуемые, как правило, не устанавливают соотношения между предметами, по крайней мере сознательно. Несмотря на это, эффект фиксированной установки и в этом случае проявляется в виде контрастной иллюзии.

Следовательно, фактор, имеющий решающее значение для возникновения контрастных иллюзий фиксированной установки, мы должны искать не в акте сознательного постижения соотношения, а в чем-то другом.

---

* Выработка установки на качественном материале, без сомнения, проходит с участием объективации; это указывает на то, что фиксированная установка, выработанная в обеих этих сферах, по-видимому, не будет явлением одной и той же природы. Более подробно об этом у нас будет разговор ниже.

31 Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба. 1977, с. 24 (на груз. яз.).

С этой точки зрения интересно соображение И. С. Бериташвили (1929 г.), опирающееся на целый ряд экспериментальных наблюдений. «Среди некоторых психологов, — говорит И. С. Бериташвили, — господствует убеждение, что комплексный раздражитель действует на стимул к определенному акту поведения не своими составными частями, а отношением их между собой... Если выработался какой-либо акт поведения на такой комплекс, то возбудителем этого акта является именно отношение между раздражителями, а не сами раздражения (Келер, Д. Н. Узнадзе)»[32]. И. С. Бериташвили специальными экспериментами проверил это предположение психологов и пришел к выводу, что «по методу индивидуальных рефлексов на собаке устанавливается, что индивидуальный рефлекс на чистое соотношение интенсивностей не образуется»[33].

Таким образом, опыты И. С. Бериташвили не подтвердили тех результатов, которые были получены психологами. Причиной этого И. С. Бериташвили считает следующее положение: «По-видимому, главным основанием для такого утверждения (т. е. что установка создается на чистое соотношение. — В. Г.) служило то, что психологи не смогли выяснить изучаемые явления физиологически»[34].

Позднее (1947 г.) сам И. С. Бериташвили постарался решить проблему контрастной иллюзии с физиологической точки зрения в своей работе «Основные формы нервных и психонервных действий», но и он не смог удовлетворительно решить ее. «В случае кожномышечной установки (подразумеваются опыты фиксированной установки — В. Г.), — пишет И. С. Бериташвили, — временные связи на большое различие сравниваемых объектов должны устанавливаться между участками коры, воспринимающими эти объекты. Вместе с тем степень развития временных связей с одного участка на другой не должна быть одинаковой... Согласно этому правилу, объект, подаваемый в критических опытах в стороне малого установочного объекта, вызывает непосредственно ответную репродукцию как малого предмета, так и большого, что достигается хорошо развитыми временными связями. Однако тот же критический объект в стороне большого установочного объекта вызывает репродукцию только соответствующего ему малого предмета. Вследствие это-

---

32 Бериташвили И. С. К физиологии поведения на сложный раздражитель. — Физиологический журнал им. И. М. Сеченова, вып. 6, 1929 (на груз. яз.).

33 Там же, с. 89.

34 Там же.

го, с одной стороны предмет нам кажется большим, чем с другой»[35].

Следовательно, мысль И. С. Бериташвили о механизме контрастной иллюзии мы смогли бы выразить, как это показано на схеме (рис. I).

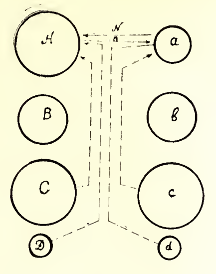

Рис. 1

В этой схеме Бериташвили объем критических объектов является средним объемом от объемов большого и малого фиксирующих объектов.

В схеме «А» и «а» — большой и малый шары (фиксационные), «В» и «b» — равные шары (критические), «N» представляет сильную временную связь, а «n» — слабую. Когда объект «b» попадает в воспринимающее поле «а», он вызывает как репродукцию «b», так и «А» в результате хорошо развитой временной связи («N»).

Объект «В», попадая на воспринимающее поле «А», вызывает репродукцию только «В», поскольку не может из-за слабых временных связей (n) вызвать репродукцию предмета «а». В результате такого физиологического процесса объект «b» кажется большим, а объект «В» малым.

Насколько удовлетворительно такое решение проблемы? Лучше всего ответить на этот вопрос экспериментом. Проведем такой опыт: дадим испытуемому с целью фиксации установки

---

[35] Бериташвили И. С. Основные формы нервной и психонервной деятельности. Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1947, с. 40 (на груз. яз.).

обычные «А» и «а» шары, а в критическом опыте дадим два шара «С» и «с», равные по объему «А» (схема № 1). Если верно представленное И. С. Бериташвили объяснение этого факта, тогда в критическом опыте мы не должны получить контрастные иллюзии, поскольку «С» вызывает репродукцию самого себя (который равен «А»), а «с» — репродукцию «А», в результате чего критические шары испытуемый должен оценить адекватно. В действительности же дело обстоит не так: в большинстве случаев в таких условиях опыта получаем контрастные иллюзии, правда в ослабленном виде[36].

Можно еще более упростить опыт, чтобы яснее показать неудовлетворительность такого объяснения контрастной иллюзии. В критическом опыте испытуемому дадим шары «D» и «d» (схема № 1), еще меньшие, чем фиксационный малый «а» шар. В этом случае, поскольку «d» вызывает репродукцию «А», а «D» только репродукцию самого себя, мы должны получить сильные контрастные иллюзии, так как «А» гораздо больше, чем «d» (гораздо больше, чем отношение «А» — «В»). В действительности же контрастная иллюзия в этом случае обнаруживается очень редко.

Каковы результаты, полученные в этих опытах (таблица 3)?

Таблица 3

Контрастные иллюзии в первой фазе	Количество испытуемых	%
0 — 1	34	68
2 — 5	8	16
6 — 10	3	6
11 — 14	5	10
15 — ···	0	0
Всего:	50	100

Как видим, в таких условиях опыта иллюзии фиксированной установки значительно отличаются по своей прочности от тех иллюзий, которые мы получаем с критическими шарами среднего размера. Примерно такие же результаты получены Н. Г. Адамашвили в оптической сфере[37].

Из всего этого ясно, что подразумевающийся И. С. Бериташвили механизм временных связей не подходит в качестве

36 Нониашвили Т. А. Некоторые особенности изменения эффекта установки «иллюзиометром». — Экспериментальные исследования по психологии установки, Тбилиси, Мецниереба, 1971. (Этот опыт был проведен нами в 1952 г. (кандидатская диссертация), а позднее (в 1971 г.) более подробно этот вопрос был изучен экспериментально Т. А. Нониашвили).

37 Адамашвили Н. Г. Некоторые факторы проявления фиксированной установки в оптическом восприятии. — Сообщения АН ГССР, т. XIV, Тбилиси, 1953, с. 212—218 (на груз. яз.).

объяснительного физиологического механизма контрастных иллюзий. Ценность теории И. С. Бериташвили в том, что он стимулирует научное мышление на поиски физиологических основ контрастных иллюзий.

Как мы уже говорили, основой контрастных иллюзий фиксированной установки Д. Н. Узнадзе считает целостно-личностную (в особом психологическом значении этого слова) модификацию индивида — установку. Однако всегда, когда речь идет о фиксированной установке, вызывает споры одно обстоятельство.

Фиксированная установка, как правило, проявляется в контрастных иллюзиях, в то время как, было бы более естественным, согласно теории установки, чтобы ее действие проявилось в ассимилятивных иллюзиях. Когда субъекту дают в одну руку (справа) большой, а в другую (слева) малый шар, у него вырабатывается соответствующая установка: «справа — большой, слева — малый». В результате многократного повторения эта установка, как говорит Д. Н. Узнадзе, фиксируется, и когда испытуемому дают равные шары (критический опыт), то, если он действительно настроился на отношение «справа — слева», шар должен показаться ему большим в той руке, в которую и в фиксационном опыте давали больший шар, а в другой — наоборот. В действительности происходит совершенно иное: на той стороне, в которой субъект настроился на восприятие большего, один из равных шаров кажется ему маленьким, а на другой стороне, где раньше он воспринимал маленький шар, тот же шар ему кажется большим.

Известно мнение Д. Н. Узнадзе по этому поводу. Он считает, что контрастную иллюзию вызывает несоответствие критических объектов (равные шары) уже выработанной фиксированной установке («справа — большой, слева — малый»). Но Д. Н. Узнадзе также считает, что «если испытуемому в предыдущих опытах (в установочных опытах — В. Г.) с целью выработки у него определенной установки давали объекты, не очень отличающиеся друг от друга, то тогда останется в силе привычная установка и оценка равных объектов произойдет на ее основе: испытуемому объект справа покажется меньше, чем слева. Но если в установочных опытах ему давали заметно отличающиеся по объему объекты, а в критическом опыте — равные, то старая установка из-за грубого несоответствия объективному фактору не может проявиться и взамен ее должна проявиться новая. Опыты доказывают, что это происходит действительно так. Интересно, что, когда на месте старой установки возникает новая, она не соответствует равным объектам, а противоположна установке, выработанной в установочных опытах («слева — большой, справа — малый»). Вопреки выработанной установке, из равных шаров испытуемому кажется боль-

шим правый, а малым — левый[38]. Следовательно, в результате такого несоответствия установочных и критических объектов получаем контрастную, а не ассимилятивную иллюзию. Именно поэтому, заключает Д. Н. Узнадзе, «факт контрастных иллюзий, так часто встречающийся в наших опытах, ставит под сомнение наше предположение, что в этих опытах изучается именно установка, а не что-либо другое»[39].

Изменение, вызванное фиксационными опытами, по мнению Д. Н. Узнадзе, мы «могли бы рассматривать без всякого сомнения как установку, если бы имели дело не с контрастной ей, а с согласованной с ней ассимилятивной иллюзией»[40].

И действительно, говорит Д. Н. Узнадзе, существуют экспериментальные факты, подтверждающие положение, что контраст — это продукт фиксированной установки, выработанной только на количественном материале, а не установки вообще. Поэтому, если мы перейдем из количественной сферы в качественную, то увидим, что в этом случае установка ложится в основу не контрастной иллюзии, а ассимилятивной. И в самом деле, в опытах З. И. Ходжава, посредством которых он изучал закономерности фиксированной установки, выработанной в качественной сфере, везде эффект фиксированной установки проявляется в виде ассимилятивной установки, а не контрастной. Конечно, в опытах З. И. Ходжава и не существует возможности иллюзий другого рода, поскольку контраст вообще чужд качественной сфере.

В то же время ясно, что как в первом, так и во втором случае (как в случае фиксированной установки, выработанной на качественном, так и на количественном материале) мы имеем дело с фактом фиксированной установки. Это дает нам основание заключить, что оба эти явления определяет одна и та же психологическая основа, а именно установка. «Следовательно... установка принадлежит к той категории действительности, которая находит возможность своего проявления в разных условиях — как количественно, так и в качественно отличающихся условиях»[41].

Совершенно бесспорно, что в вышеприведенных случаях, как в качественной, так и количественной сферах, мы имеем дело с фактом проявления фиксированной установки. Однако вызывает неясность следующее положение: для количественной сфе-

---

[38] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Мецниереба, 1964, с. 100—101 (на груз. яз.).

[39] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 27 (на груз. яз.).

[40] Там же, с. 27.

[41] Там же, с. 32.

ры характерно явление контраста, как на это указывает Д. Н. Узнадзе, но и ассимиляция не чужда ей. Поэтому встает совершенно справедливый, на наш взгляд, вопрос: почему все же фиксированная установка в количественной сфере проявляется в виде контраста, а не в виде ассимилятивной иллюзии?

По мнению Д. Н. Узнадзе, и в количественной сфере можно получить ассимилятивные иллюзии, но для этого необходимо соблюдение определенных условий. Например, если испытуемому дать для сравнения два немного отличающихся друг от друга шара и таким путем произвести фиксацию установки, в критическом опыте у этого испытуемого вместо контрастных иллюзий обнаружится ассимилятивные иллюзии[42].

Интересно отметить, что в целом ряде экспериментальных исследований эти экспериментальные данные Д. Н. Узнадзе не подтвердились, и сейчас не вызывает споров тот факт, что и установка, выработанная на небольшое различие, не порождает ассимилятивных иллюзий[43–45].

Исходя из всего этого, можно считать установленным, что установка, выработанная в количественной сфере, как правило, всегда проявляется в контрастных иллюзиях.

Для того чтобы еще более наглядной была истинность этого вывода, мы провели еще один опыт.

Согласно теории установки Д. Н. Узнадзе, как мы уже отмечали, фиксированная установка потому проявляется в контрастных, а не в ассимилятивных иллюзиях, что соотношение критических предметов (равные шары) резко не соответствует выработанной в субъекте фиксированной установке («справа большой, слева — малый»), разрушает ее (фиксированную установку) и заменяет новой установкой («слева большой, справа малый»), которая контрастна предварительно созданной фиксированной установке. И действительно, как мы видим, в классических экспериментах фиксированной установки различие в соотношении фиксационных и критических объектов значительное: между фиксационными объектами имеется отношение **больше — меньше,** а между критическими — **равенства.**

Посмотрим, действительно ли несоответствие такого рода фиксационных и критических объектов обусловливает контрас-

---

42 Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 32 (на груз. яз.).

43 Чхартишвили Ш. Н. Ассимилятивное действие установки и проблема контрастной иллюзии. — Сб. Экспериментальные исследования по психологии установки, т. IV, Тбилиси, Мецниереба, 1970.

44 Григолава В. В. Контрастная иллюзия и некоторые вопросы фиксированной установки. — Вопросы психологии, № 3, 1963.

45 Надирашвили Ш. А. Относительно одного варианта смены установки. — Маце, № 1, Тбилиси, Мецниереба, 1967, с. 293 (на груз. яз.).

тные иллюзии, или какой-то другой фактор лежит в их основе? Постараемся с помощью эксперимента ответить на этот вопрос. С этой целью мы провели фиксационные опыты с шарами имеющими диаметры 80 (большой) и 40 мм (малый), а критический опыт — диаметрами 75 (большой) и 65 мм (малый).

Эти шары даем испытуемому в следующем порядке:

1. Фиксационный опыт — справа большой (80 мм), слева— малый (40 мм).

2. Критический опыт — справа большой (75 мм), слева — малый (65 мм).

Следовательно, в критическом опыте мы дали испытуемым не резко несоответствующие фиксированной установке (справа большой, слева малый) критические раздражители, **а вполне соответствующие** (опять справа большой, слева малый)[46]. Между прочим аналогичные опыты проводились с целью измерения фиксированной установки, но указанное нами обстоятельство никто до нас не отмечал.

Если основу контрастной иллюзии представляет резкое несоответствие соотношении фиксационных и критических объектов, то сейчас соотношение критических объектов испытуемые должны оценить адекватно, тем более, что, по Д. Н. Узнадзе, «существенно... только отношение, независимо от того, каковы его реляты»[47]. А отношения в описанных нами здесь опытах совершенно одинаковые **как в фиксационных, так и в критических:** справа испытуемому дают большой предмет, слева — малый.

Следовательно, в этом случае не существует никакой объективной основы для того, чтобы ранее (в фиксационных опытах) выработанная установка разрушилась и вместо нее проявилась новая, противоположная ей установка, другими словами, в таких условиях опыта у испытуемого ни в коем случае не должна обнаружиться контрастная иллюзия, и неравные шары он должен оценить адекватно (справа большой, слева малый) в критическом опыте.

Эту очередную серию опытов мы провели на 50-ти испытуемых. Результаты опытов приведены в таблице 4. Следует сказать, что результаты, полученные в этих опытах, превзошли наши ожидания: почти у всех испытуемых выявилась контрастная иллюзия фиксированной установки. Как видно из этой таблицы, контрастные иллюзии получили у 88% испытуемых, что без сомнения указывает на то, что фиксированная установка, выработанная на этом материале, достаточно сильна.

---

46 Григолава В. В. Некоторые условия выработки установки на количественное отношение. — Автореферат канд. диссертации. Тбилиси, 1956.

47 Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 24 (на груз. яз.).

Таблица 4

Контрастная иллюзия в первой фазе	Количество испытуемых	%
0	3	6
1	9	18
1—5	6	12
6—10	10	20
11—15	6	12
16—20	4	8
21—25	6	12
26—29	4	8
30 и больше	2	4
Всего:	50	100

Ранее нами упоминался опыт, в котором хотя соотношение между шарами по величине (относительно направления правой и левой сторон) в критическом опыте остается таким же, как и в фиксационном, все же проявилась контрастная иллюзия. Согласно уже упомянутому нами соображению это случилось потому, что установка, фиксированная в обеих руках раздельно, была нарушена критическими шарами: в правую руку, в которую в фиксационном опыте испытуемому давался большой шар (диаметр 8 см), в критическом опыте дали малый (диаметр 7 см); в левую же, в которую в фиксационном опыте давали малый шар (диаметр 4 см), в критическом опыте положили большой (диаметр 6 см). В то же самое время фиксированная установка относительно правой — левой сторон осталась неприкосновенной: как в фиксационном, так и в критическом опытах испытуемому справа давался большой шар, слева — малый.

Почти все факты фиксированной установки, в том числе и наши эксперименты, указывают на то, что в опытах фиксированной установки у испытуемых создается установка не на «чистое соотношение» правой и левой сторон, а отдельно в каждой руке и независимо друг от друга. Во всяком случае, в отношении описанных нами экспериментов правильность этого положения не вызывает сомнений.

Создается ли фиксированная установка одновременно в обеих руках или только в одной, не имеет никакого принципиального значения (в смысле создания установки); но для того, чтобы выработанная установка проявилась, разумеется необходимо, чтобы и вторая рука принимала участие в критическом опыте. Без этого у испытуемого не было бы возможности **сравнить** и, таким образом, **выявить** возникшую установку. Поэтому участие обеих рук, несомненно, имеет существенное значение для фиксированной установки, созданной в гаптической сфере, но не с точки зрения выработки, а с точки зрения **выявления** уже выработанной фиксированной установки.

Какие выводы можно сделать на основе описанных фактов? Д. Н. Узнадзе считал, что в опытах фиксированной установки вырабатывается установка на количественное соотношение. Но если это соотношение принять за основу фиксированной установки, то неясно, почему в критических опытах испытуемый оценивает предложенные равные шары контрастно, а не ассимилятивно.

Сомнения Узнадзе по этому поводу видны из его же слов: «Откуда берется этот контраст, когда действие установки, по существу, выявляется в ее ассимиляционном воздействии?»[48].

То, что проблема иллюзии фиксированной установки была не совсем ясна из-за ее «контрастности», видно и из многих других соображений Узнадзе. Приведем две из них: 1. «Факт контрастных иллюзий, столь часто встречающийся в наших опытах, ставит под сомнение предположение, что здесь, в этих опытах, исследуется именно установка, а не что-либо другое»[49]. 2. Эффект фиксированной установки (контрастная иллюзия) можно было «совершенно несомненно рассматривать как установку, если бы имели дело с иллюзиями не контрастными..., а с ассимилятивными»[50].

Из этих выдержек ясно, что если бы иллюзия фиксированной установки была ассимилятивной, она не вызывала бы стольких сомнений. С другой стороны, если допустить, что установка в этих опытах создается не на отношении правого — левого направления, а в каждой руке в отдельности (а наши опыты доказывают именно это), тогда эту иллюзию можно считать «ассимилятивной».

Теперь посмотрим — насколько возможно подобное разрешение этого вопроса.

Опыты показали, что эффект фиксированной установки получается и в том случае, если в фиксационном опыте не создавать установку на отношение правого—левого, а давать испытуемому шар несколько раз в одну руку. Но это не все. Главное в том, что если в критическом опыте предлагаются шары **большого** размера по сравнению с шаром фиксационного опыта (в одной руке), тогда испытуемый эти равные шары оценит «ассимилятивно»; если же в критическом опыте даются равные шары **меньшего** размера по сравнению с шаром, данным в фиксационном опыте, тогда испытуемый оценивает эти равные шары «контрастно».

---

[48] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 29 (на груз. яз.).

[49] **Там же, с. 27.**

[50] Там же.

Это само по себе вызывает недоумение. Однако, если допустить, что установка испытуемого вырабатывается в каждой руке в отдельности, тогда выходит, что иллюзия в обоих случаях ассимилятивная и на самом деле вызывается на основе нарушения фиксированной установки, как это предполагал Д. Н. Узнадзе. Если согласиться этим соображением, можно утверждать, что в случае фиксированной установки, начиная с критических опытов, мы имеем дело не с контрастом, а с явлением ассимиляции: как только установка нарушается, она уподобляет себе все, что встретится на пути — если предмет меньше того предмета, которым была произведена предварительная фиксация установки, то она еще более его уменьшит, а если предмет больше, то эта нарушенная установка еще более его увеличит.

Если согласиться с этим соображением относительно эффекта фиксированной установки, тогда станет понятным целый ряд фактов. Во всяком случае одно ясно теперь: наше объяснение этих иллюзий устраняет целый ряд трудностей и неясностей и дает возможность лучше понять иллюзии фиксированной установки, «контрастность» которых порождает столько сомнений[51].

Таким образом, когда мы в экспериментальной психологии установки говорим о «чистом соотношении», то должны указать, что это чистое соотношение всегда есть отношение между теми или другими предметами. Невозможно установить соотношение между такими предметами, которые не существуют (хотя бы только в воображении). Иногда говорят, что для выработки фиксированной установки сами предметы не имеют значения без соотношения, существующего между ними. Это — одностороннее решение вопроса. Мы не создаем соотношение, не производим его в объективной среде, а отражаем существующее между предметами соотношение.

Выше мы видели, что у испытуемых Б. И. Хачапуридзе, несмотря на то, что они так или иначе обращали внимание на соотношение, существующее между большими и малыми кругами (по величине), фиксация установки на это соотношение не произошло[52]. Причиной этого Б. И. Хачапуридзе считает тот факт, что в опыте на субъект действовали и другие факторы, рассеивающие его внимание, что помешало концентрации внимания испытуемого на раздражителях.

Для уточнения роли внимания в опытах фиксации установки, которому Б. И. Хачапуридзе приписывает независимое значение, мы провели такой опыт.

---

[51] Григолава В. В. Контрастная иллюзия и некоторые вопросы фиксированной установки. — Вопросы психологии, № 3, 1963, с. 55—63.

[52] Хачапуридзе Б. И. Дидактические материалы и игры в связи с некоторыми задачами дошкольного воспитания. Тбилиси, 1939 (на груз. яз.).

Испытуемому с повязкой на глазах дается задание легким прикосновением пальцев руки взять со стола и сравнить по объему большой и малый шары (в этом ему помогает экспериментатор, поддерживающий испытуемого за запястья рук и помогающий ему найти лежащие на столе шары): левой — большой, правой — малый (или наоборот). После проведенных таким путем опытов по фиксации (15 экспозиций) переходим к подаче равных шаров (критический опыт). Что выясняется? Выясняется, что прочность фиксированной установки, выработанной таким путем, чрезвычайно слаба: после нескольких иллюзорных восприятий большинство испытуемых уже адекватно воспринимает равные объекты, у некоторых же вообще не фиксируется установка (таблица 5).

Таблица 5

Фиксированная установка в первой фазе	Количество испытуемых	%
0	27	54
1	13	26
2—5	4	8
6—10	3	6
11—15	1	2
16—20	2	4
21 ···	0	0
Всего:	50	100

Как видно из приведенной таблицы, у 54% испытуемых вообще не были обнаружены контрастные иллюзии (из них 24% в первой фазе выявили ассимилятивные иллюзии); у 26% нали-

Таблица 6

Контрастные иллюзии в первой фазе	Количество испытуемых	%
0	—	—
1	2	4
2—5	1	2
6—10	3	6
11—15	16	32
16—20	10	20
21—25	5	10
26—29	5	10
30 ···	8	16
	50	100

чие в первой фазе фиксированной установки вызывает сомнение, а то количество испытуемых, у которых более или менее четко обнаружилась контрастная иллюзия, составляло лишь 20%.

Сейчас посмотрим, какую картину дают опыты, проведенные на этих же испытуемых обычным классическим методом фиксации установки (таблица 6).

Как видно из таблицы 6, эффект фиксированной установки у тех же самых испытуемых в обычных условиях принял свой нормальный вид: у 100% были обнаружены контрастные иллюзии фиксированной установки.

Почему это произошло?

В первой серии эксперимент поставлен так, что испытуемый активно сравнивает шары по объему. Более того, в этом опыте психическая (сознательная) активность испытуемого, его внимание больше заострены на сравнении величин друг с другом, чем в обычном опыте фиксированной установки, поскольку ему приходится сравнивать шары друг с другом по объему только легким прикосновением пальцев рук, что вызывает определенные усилия, максимальное напряжение его внимания, усиление его концентрации на сравниваемых объектах. В то же время в процессе сравнения не участвуют никакие факторы, рассеивающие внимание, как это происходит в вышеуказанных опытах Б. И. Хачапуридзе. Если бы концентрация внимания имела бы такое решающее значение для фиксации установки, как это предполагает Б. И. Хачапуридзе, тогда в наших опытах мы должны были бы получить более сильные иллюзии объема, чем в обычных опытах. Результаты же получились противоположные. Надо думать, причина в том, что воздействие объективных факторов на субъект встречает помехи, несмотря на оживленную активность внимания, и объект не может действовать интенсивно на субъект.

Если удастся провести такой же опыт в оптической сфере, наверное и тогда получим такой же эффект, однако из-за своеобразия зрительного анализатора это неосуществимо: в оптической сфере внимание выявляется в интенсивном восприятии тех объектов, на которые наше внимание (скрещивание зрительных осей) будет направлено.

Следует еще раз коснуться роли т. н. чистого отношения в возникновении фиксированной установки. Д. Н. Узнадзе пишет: «Вопрос не в том, что является большим или малым, а в том, каков один член по сравнению с другим — больше он или меньше»[53].

Как известно, для проверки этого предположения Д. Н. Узнадзе провел специальные опыты. «Мы подавали испытуемым обыкновенные установочные шары... как это делается обычно... Новый момент мы внесли только в критические опыты. Обычно в критических опытах нашим испытуемым подаются два равных шара, равные меньшему установочному шару. В этой же

---

[53] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 24 (на груз. яз.).

серии опытов в качестве критических объектов мы применяли шары, которые по объему были больше, чем большой установочный шар... Испытуемыми эти критические объекты воспринимались неравными... Несомненно, сам материал в наших опытах не имеет значения, и установка вырабатывается только на отношения, т. е. на то, что всегда остается неизменным, как бы ни изменялся материал и к какому бы чувственному материалу он ни относился»[54].

Следовательно, по мнению Д. Н. Узнадзе, фиксацию установки в субъекте обусловливает данность в переживании соотношения большого и малого объектов.

Нами уже отмечалось, что внимательное восприятие испытуемым существующего соотношения между объемами объектов не является основанием для возникновения и фиксации установки, так как, как было показано, при опознавании материала наши испытуемые не сравнивают объекты по их величине, и, несмотря на это, они так же отчетливо выявляют иллюзии объема, характерные для опытов по фиксированной установке, как это бывает в обыкновенных опытах. Поэтому надо полагать, что главный фактор, обусловливающий возникновение контрастной иллюзии, следует искать не в сознательном акте постижения отношения, а в чем-то другом.

Для подтверждения нашего предположения мы сочли необходимым провести еще следующий опыт по вышеописанному «методу опознавания материала». Этот опыт, по существу, протекает так же, как это было описано выше, однако в последнем опыте мы внесли следующее изменение: для опознавания материала испытуемому подаются фиксационные объекты (шары) не одновременно в обе руки, а последовательно — сперва в одну, а затем в другую, только в одну руку всегда сравнительно большой, в другую — всегда меньший шар.

Субъект и без вмешательства мышления может между одновременно данными в пространстве объектами установить отношение с помощью той психической функции, о которой речь шла выше (постижение простых отношений на основе установки), однако, когда субъект для **опознавания материала** получает шары то в одну, то в другую руку, он не в состоянии установить какое-либо отношение между подаваемыми в левую и правую руки шарами даже на основе установки, поскольку все его внимание поглощено опознаванием материала.

Опыт протекает следующим образом: вначале испытуемому в одну и ту же руку два-три раза подаем шары из разных материалов, и он старается догадаться из какого материала они сделаны. Затем та же процедура повторяется в отношении

---

[54] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 24 (на груз. яз.).

другой руки, после чего шары подаются то в одну, то в другую руку. Общее число подачи в каждую руку составляет 15. Подаваемые для опознавания материала шары в одной руке всегда большие, в другой — малые.

Опыты проводились над 50 испытуемыми, из которых 86%, как видно из таблицы 7, показали более или менее ясно выраженные иллюзии фиксированной установки.

Таблица 7

Количество контрастных иллюзий подряд в первых экспозициях критического опыта	Количество испытуемых	%
0 или 1	7	14,0
от 2 до 10	22	44,0
от 11 до 20	16	32,0
от 21 до 30	3	6,0
Свыше 30	2	4,0
Всего:	50	100

Как видим, результаты этих опытов не очень отличаются от результатов, получаемых в обыкновенных опытах по фиксации установки.

Наши испытуемые не могли сравнить по объему шары, подаваемые в левую и правую руки. Дело в том, что испытуемому лишь мгновенно дается шар в одну из рук для опознавания, и он еле успевает даже выполнить задание, для другого рода психической активности у него нет времени, да и нет потребности выполнить его. К тому же, шары подаются в руки неодновременно, т. е. сперва в одну, затем в другую руку.

Анализ полученных результатов показывает, что фиксированная установка возникает не только на основе объективации отношения между фиксационными объектами и необходимо найти и другие факторы.

7. НЕСКОЛЬКО ЭКСПЕРИМЕНТОВ ДЛЯ УТОЧНЕНИЯ ОСНОВЫ КОНТРАСТНОЙ ИЛЛЮЗИИ

Мы уже знаем, что для получения эффекта фиксированной установки — контрастных иллюзий — нет необходимости в участии субъективного фактора — потребности — в том виде, как это предусмотрено в экспериментальной психологии установки. Нет необходимости в том, чтобы испытуемый сознательно сравнивал шары по объемам.

Мы знаем также, что фиксированная в гипнотическом состоянии установка продолжает действовать и после пробуждения субъекта от гипнотического сна, несмотря на то, что он ничего не помнит об опытах, проведенных в гипнозе.

Согласно теории установки Д. Н. Узнадзе, контрастная иллюзия возникает, когда у испытумого уже имеется определенная фиксированная установка (например, на отношение «справа — большой, слева — малый»), и в это время мы подаем объекты, грубо отличающиеся от отношения, на которое фиксирована установка. Такими являются равные шары в критическом опыте.

Таким образом, по мнению Д. Н. Узнадзе, контрастную иллюзию вызывает грубое несоответствие объективного фактора с фиксированной установкой. Обычно в критических опытах применяют шары, располагающиеся по своей величине между установочными большими и малыми шарами, или же шары, величины которых равны величине малого установочного шара. Например, в установочных опытах применяются шары диаметрами 80 и 40 мм, в критических же — шары диаметром 60 мм.

Такое соотношение между фиксационными и критическими шарами, как это известно всякому, кто знаком с экспериментами по фиксированной установке в гаптической сфере, создает оптимальное условие для выработки сильной фиксированной установки (обнаруживающейся в виде контрастных иллюзий в критическом опыте).

В опытах, проведенных в оптической сфере, Н. Г. Адамашвили показала, что чем больше расходятся величины критических кругов со средней величиной фиксационных кругов, тем слабее становится эффект фиксированной установки (контрастная иллюзия). Н. Г. Адамашвили пишет: «Чем больше несоответствия между величинами установочных и критических кругов*, тем больше количество испытуемых, у которых не возникает контрастных иллюзий установки и наоборот»[56].

Мы постарались внести некоторую ясность в решение этого вопроса на основе нескольких вариантов опытов, проведенных в гаптической и оптической сферах.

Первая серия опытов в гаптической сфере. В этих опытах, по сравнению с обычными опытами по фиксированной установке, мы внесли следующее изменение: в критических опытах испытуемым подавали такие равные шары, которые на 6 мм были больше фиксационного большого шара. Какую цель мы преследовали, внося эти изменения, будет указано ниже. Теперь же выясним, оказывает ли влияние это обстоятельство на обычное протекание фиксированной установки?

В этой серии опытов для фиксации установки мы применяли два деревянных шара, диаметр большого из которых равня-

* т. е. чем грубее соответствие между фиксационными и критическими объектами.

56 Адамашвили Н. Г. О некоторых факторах проявления фиксированной установки в зрительном восприятии. — Сообщения АН ГССР, т. XV, № 7, Тбилиси, 1957, с. 436 (на груз яз.).

лся 74 мм, а малого — 40 мм (разница 34 мм). В критическом опыте применялись два равных шара (диаметром по 80 мм каждый). В опытах участвовали 148 лиц. Результаты этих опытов, проведенных по обыкновенной методике исследования фиксированой установки, представлены в таблице 8.

Таблица 8

Количество контрастных иллюзий подряд в первых экспозициях критического опыта	Количество испытуемых	%
0 или 1	109	73,7
от 2 до 10	28	18,9
от 11 до 20	8	5,4
от 21 до 30	3	2,0
свыше 30	—	—
Всего:	148	100,0

Вторая серия опытов в гаптической сфере. В этой серии опытов в качестве фиксационного материала мы применяли шары диаметром 80 и 40 мм, а критические опыты проводились равными шарами диаметром 60 мм. Как мы видим, критические шары на 20 мм меньше большого фиксационного шара и также на 20 мм больше малого.

Количество фиксационных опытов, согласно принятому правилу, равнялось 15 экспозициям.

Вторая серия опытов была проведена над теми же 148 испытуемыми, которые участвовали в первой серии*.

Статистические данные этих опытов представлены в таблице 9.

Таблица 9

Количество контрастных иллюзий подряд в первых экспозициях критического опыта	Количество испытуемых	%
0 или 1	—	—
от 2 до 10	23	15,5
от 11 до 20	42	28,4
от 21 до 30	56	37,8
свыше 30	27	18,3
Всего:	148	100

Опыты мы провели над такими испытуемыми, которые вообще ничего не знали об опытах по методике фиксированной

* В первой серии опытов участвовали 170 испытуемых, однако на двадцати двух из них не удалось провести опыты второй серии. Поэтому мы учитываем результаты 148 испытуемых, участвующих в обеих сериях.

установки*. Возрастной состав испытуемых неодинаковый. Одну часть испытуемых составляли учащиеся от 14 до 17 лет, опыты над которыми проводились во Дворце пионеров и пионерских лагерях. Остальную часть составляли взрослые люди разных возрастов и профессий, среди которых были музыканты (из Тбилисской консерватории), художники, врачи, инженеры и др.

Каковы результаты первой серии?

Результаты фиксированной в таких условиях установки характеризуются некоторыми особенностями, существенно отличающими их от результатов, полученных в опытах, проведенных с применением обычных фиксационных и критических материалов. Эта разница будет отчетливо видна, если сопоставить результаты опытов первой серии с результатами второй серии.

Как видно из соответствующей таблицы, фиксированная в первой серии установка очень слаба. У 73,6% испытуемых контрастные иллюзии или не наблюдались вообще, или возникали лишь один раз; нормальные же контрастные иллюзии фиксированной установки показали лишь 26,4% испытуемых.

Картина по существу меняется во второй серии опытов. Как видно из соответствующей таблицы, фиксированная установка заметно усилилась у тех же испытуемых, которые в первой серии опытов показали слабые иллюзии фиксированной установки. 96,6% испытуемых показали четко выраженную фиксированную установку и лишь 3,4% — сомнительную (одинарную контрастную иллюзию в первой фазе) или нулевую. О том, что во второй серии опытов установка более сильна, говорит и тот факт, что 27 испытуемых (18,3%) показали однофазовую фиксированную установку, тогда как в предыдущей серии не было ни одного испытуемого с такой установкой. Сравнивая результаты этих двух серий опытов, следует отметить, что если во второй серии 81,1% испытуемых показали от 11 до 30 контрастных иллюзий, то в первой такие длительные иллюзии наблюдались лишь у 7,4% испытуемых.

Здесь же необходимо указать, что в первой серии испытуемые отмечают разницу между критическими шарами, но в этом они почти всегда сомневаются (в первой серии от испытуемых мы часто слышали, что один шар «чуть больше» другого или что «возможно, они и равные»; или же получали симптоматичный ответ: «равны, хотя правый все же больше» и т. д.). Во второй же серии опытов подобные ответы от испытуемых мы могли услышать лишь на окончательной стадии опытов.

---

* По нашему мнению, подобные психологические опыты, вообще, не должны проводиться над испытуемыми, знакомыми с целью опытов. Это гарантирует получение наиболее объективных показателей.

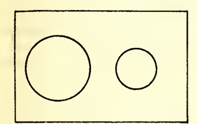
Словом, фиксированная в первой серии опытов установка слаба во всех отношениях, слаба и тогда, когда ее эффект — количество контрастных иллюзий — довольно высок.

Пока мы перейдем к нашей оценке этих опытов, следует ознакомиться с результатами наших, проведенных еще в 1950—52 гг., опытов в оптической сфере.

Первая серия опытов в оптической сфере. Наши опыты в оптической сфере состояли из четырех серий. Разница между сериями заключалась лишь в материале опытов, во всех других отношениях эти серии совершенно одинаковы.

Если в опытах, проведенных в гаптической сфере, количество фиксационных экспозиций определялось числом 15, то для оптической сферы это число мы увеличили до 20. В других отношениях опыты, проведенные в оптической сфере, существенно не отличались от опытов в гаптической сфере.

В первой серии опытов в качестве фиксационного материала мы применяли два круга, копия которых представлена здесь на рисунке 2. Круги помещены в четырехугольную рамку, повторяющую размеры окна тахитоскопа Нечаева (откуда подается фиксационный и критический материалы). Здесь же приведена копия критических кругов (см. рис. 2).

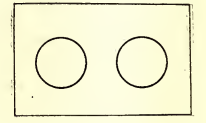

Рис. 2

Диаметр большого фиксационного круга равняется 26 мм, малого — 12 мм. Диаметр каждого критического круга составляет 19 мм.

Интервалы между экспозициями почти одинаковы даже тогда, когда фиксационный материал заменяется критическим. Это, по нашему мнению, имело важное значение для получения точных результатов, а достигалось тем, что на экране за фиксационными кругами с самого начала опытов был помещен критический материал — равные круги, изображенный на картоне, и, стоило удалить фиксационный материал, как критические круги были готовы для экспозиции. Обычно же (при опытах тахитоскопом Нечаева) этот интервал заметно увеличивается в момент перехода от фиксационных опытов на крити-

ческие, так как экспериментатор прерывает опыт, чтобы произвести замену фиксационного материала критическим. Помимо увеличения интервала между фиксационными и критическими опытами, следует еще отметить и тот факт, что испытуемый заранее догадывается, что экспериментатор подменил материал и сейчас на экране появится нечто другое. А это обстоятельство не может не повлиять отрицательно на точность результатов опыта.

Первую серию опытов в оптической сфере мы провели над 128 испытуемыми. Как видно из соответствующей таблицы (табл. 10), фиксированная в оптической сфере установка, выявленная в виде контрастных иллюзий, заметно слабее фиксированной в гаптической сфере установки.

Таблица 10

Фазы	Количество испытуемых	%
I	2	1,6
II	1	0,8
I — II	2	1,6
I(?) — II	6	4,7
I — II — III	42	32,8
I(?) — II — III	3	2,3
I — II(?) — III	9	7,0
I — III	37	28,9
I(?) — III	7	5,5
II — III	3	2,3
II(?) — III	—	—
III	16	12,5
III — II	—	—
Всего:	128	100

Данные тех же испытуемых о прочности установки дают следующую картину (табл. 11).

Таблица 11

Количество контрастных иллюзий подряд в первых экспозициях критического опыта	Количество испытуемых	%
0	19	14,9
1—2	18	14,0
3—8	34	26,6
9—14	28	21,9
15—20	18	14,0
21—25	6	4,6
26—29	3	2,3
30	2	1,7
Всего:	128	100

Как видно из таблицы, выработанная в оптической сфере установка заметно слабее установки, выработанной в гаптической сфере.

Вторая серия опытов в оптической сфере. Эти опыты проводились так же, как и опыты первой серии, однако были изменены фиксационные и критические материалы (рис. 3).

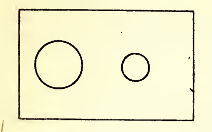
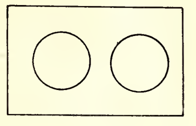

Рис. 3

В этой серии в качестве фиксационного материала применялись большой круг диаметром 20 мм и малый диаметром 11 мм; в качестве критического материала — два равных круга, диаметром 23 мм каждый.

Как показано на рисунке, площади критических кругов заметно превышают площади фиксационных кругов. Остальные условия опыта такие же, как и в первой серии опытов. Вторую серию опытов мы провели над 128 испытуемыми.

Как видно, и в этом случае незатронутыми оставлены объективные условия, необходимые для фиксации установки: круги, составляющие фиксационную пару, резко отличаются друг от друга по величине, а в критических опытах испытуемым дается пара равных шаров.

Несмотря на это, здесь получены результаты, заметно отличающиеся от результатов опытов первой серии (см. табл. 12).

В этой таблице прежде всего бросается в глаза большое число испытуемых (76 испыт.), не показавших в критических опытах контрастных иллюзий (т. е. у которых не выработалась фиксированная установка). Контрастные иллюзии, характерные для фиксированной установки (среди них и одинарные), показала лишь малая часть испытуемых — 52 из 128 (40%).

В этой серии опытов ни один из испытуемых не проявил первофазовой фиксированной установки, а количество испытуемых, показавших фиксированную установку выше средней проч-

ности, равняется лишь четырем (тогда как в первой серии их было 29).

Таблица 12

Фазы	Количество испытуемых	%
I	—	—
II	2	1,6
I — II	6	4,6
I(?) — II	4	3,1
I — II — III	8	6,2
I(?) — II — III	2	1,6
I — II(?) — III	3	2,3
I — III	7	5,5
I(?) — III	12	9,4
II — III	8	6,3
II(?) — III	12	3,3
III	60	47,0
III — II	4	3,1
Всего:	128	100

Если рассмотрим таблицу, отражающую прочность фиксированной установки (см. табл. 13), то увидим, что иллюзии, характерные для фиксированной установки средней прочности, дают лишь 25 испытуемых (20%), тогда как в первой серии соответствующее число составляло 62 (48,8%).

Таблица 13

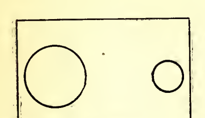
Количество контрастных иллюзий подряд в первых экспозициях критического опыта	Количество испытуемых	%
0	76	59,4
1 — 2	18	14,0
3 — 4	10	7,8
5 — 8	7	5,5
9 — 14	8	6,6
15 — 20	4	3,0
21 — 25	1	0,7
26 — 29	3	2,3
30	1	0,7
Всего:	128	100

У большого числа участвующих в опыте испытуемых (59,4%) контрастные иллюзии, характерные для фиксированной установки, вообще не наблюдались, тогда как в первой серии опытов число таких испытуемых было невелико (14,5%). Во второй серии сильные и очень сильные иллюзии показывают 9 испытуемых, а в первой серии таких испытуемых было го-

раздо больше (29 испыт.). Отметим здесь же, что приблизительно такие же результаты получила Н. Г. Адамашвили[59].

Несомненно, такая разница в результатах двух серий опытов, проведенных в оптической сфере, обусловлена только своеобразием фиксационных и критических материалов, использованных в этих опытах.

Третья серия опытов в оптической сфере. В этой серии фиксационный и критический материалы меняются. На рис. 4 изображены эти материалы.

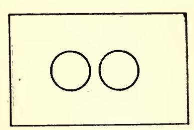

Рис. 4

Для фиксации установки использованы круги — большой диаметром 25 мм и малый диаметром 11 мм. Расстояние между ближайшими точками этих кругов составляло 28 мм, а между критическими кругами — 1 мм.

И в данном случае без изменения оставались известные условия, необходимые для фиксации установки: фиксационные круги резко отличаются друг от друга по величине, в критических же опытах даются равные круги.

Посмотрим повлияло ли подобное изменение материала на выработку фиксированной установки (см. табл. 14).

Как видно из таблицы 14, в этих опытах контрастные иллюзии установки выявляются слабее, чем во второй серии.

Во второй серии опытов контрастные иллюзии показали лишь 52 испытуемых, в данной третьей серии их число стало еще меньше (31 испыт.). К тому же в это число входят и те, которые показали одну или две контрастных иллюзий в первой фазе (18 испытуемых).

Таблица, показывающая прочноcь фиксированной установки (табл. 15), дает следующую картину.

---

59 Адамашвили Н. Г. О некоторых факторах проявления фиксированной установки в зрительном восприятии. — Сообщения АН ГССР, т. XV, № 7, Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).

Таблица 14

Фазы	Количество испытуемых	%
I	—	—
II	6	4,7
I — II	3	2,3
I(?) — II	1	0,7
I — II — III	5	3,9
I(?) — II — III	1	0,7
I — II(?) — III	3	2,3
I — III	4	3,1
I(?) — III	12	9,4
II — III	7	5,6
II(?) — III	8	6,3
III	66	51,6
III — II	12	9,4
Всего:	128	100

Таблица 15

Количество контрастных иллюзий подряд в первых экспозициях критического опыта	Количество испытуемых	%
0	79	61,7
1 — 2	18	14,0
3 — 4	20	15,6
5 — 14	6	4,7
15 — 25	3	2,3
26 — 29	2	1,7
30	0	—
Всего:	128	100

Можно заключить, что прочность фиксированной установки в третьей серии опытов выражена еще слабее, чем в первой и во второй сериях, что, повторяем, обусловлено лишь своеобразием фиксационного и критического материалов.

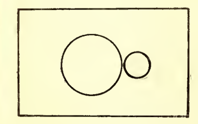
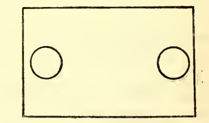

Рис. 5

Чертвертая серия опытов в оптической сфере. Как видно из приведенного рисунка (рис. 5), изменения фиксационного и критического материалов выражается, с одной стороны, в уменьшении расстояния между большим и малым фиксационными кругами (это расстояние равнялось 2 мм) и, с другой стороны, в увеличении расстояния между критическими кругами (оно равнялось 40 мм). Диаметр большого фиксационного круга равняется 25 мм, малого — 11 мм. Диаметр каждого критического круга составляет 14 мм.

Результаты четвертой серии опытов представлены в таблицах 16 и 17.

Таблица 16

Фазы	Количество испытуемых	%
I	—	—
II	4	4,8
I — II	3	3,6
I(?) — II	—	—
I — II — III	3	3,6
I(?) — II — III	4	4,7
I — II(?) — III	—	—
I — III	3	3,6
I(?) — III	10	11,8
II — III	12	14,3
II(?) — III	7	8,3
III	35	41,7
III — II	3	3,6
Всего:	84	100

Что касается прочности фиксированной установки, то мы получили такую картину (табл. 17):

Таблица 17

Количество контрастных иллюзий подряд в первых экспозициях критического опыта	Количество испытуемых	%
0	54	64,3
1--2	14	16,7
3—14	12	14,3
15—25	4	4,7
26—29	—	—
30	—	—
Всего:	84	100

Как явствует из этих данных, фиксированная установка в данном случае представлена еще бледнее, чем в предыдущих сериях: из 84 испытуемых только 30 (35,7%) показали контрас-

тные иллюзии и 14 из них лишь в одной или двух экспозициях в первой фазе. В этой серии опытов 12 испытуемых сначала равными (адекватно) воспринимали предъявленные шары, а затем показывали ассимилятивные иллюзии.

В остальном результаты четвертой серии опытов, по существу, не отличались от результатов II и III серий. Как здесь, так и в случае II и III серий обнаруживается общая тенденция: ослабевает фиксированная установка.

И если все же имеется разница, она касается не результатов, а, в основном, своеобразной реакции испытуемых в последней серии. Дело в том, что в данном случае испытуемым труднее дается решение задачи — в критическом опыте сравнить по величине равные круги, расстояние между которыми большое. Это обстоятельство выявлялось и в том, что часто испытуемые с опозданием давали ответы, даже тогда, когда были уверены в правильности своих ответов. Для этой серии опытов характерны такие ответы: «Правая... нет, левая... нет, равны...», или «Почти равны... нет, равны» и т. д.

Из всех этих опытов явствует, что для фиксации установки решающими, кроме субъективных факторов (потребность сравнить шары или круги по величинам), являются и объективные факторы. Конечно, в теории установки четко учтен этот фактор: «Необходимым условием для выявления установки в определенном направлении, кроме потребности, является и существование соответствующей ей ситуации»[60]. Однако, когда дело касалось экспериментальных результатов, почему-то иногда объективный фактор недооценивался, а субъективный переоценивался.

Из вышеприведенных опытов ясно, что для фиксации установки объективный фактор всегда имеет решающее значение. Эти опыты указывают и на то, что для получения контрастных иллюзий, являющихся показателями фиксированной установки, необходимо определенное воздействие объективного раздражителя на субъект.

Таковы результаты, учитывание которых, по нашему мнению, необходимо для правильного понимания экспериментальной психологии установки.

8. О ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ ФИКСИРОВАННОЙ УСТАНОВКИ, ВЫРАБОТАННОЙ НА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СООТНОШЕНИЯХ

Когда мы проводили вышеуказанные опыты, грузинские психологи еще не были осведомлены о «последействии фигуры»

---

[60] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 58 (на груз. яз.).

В. Келера и Г. Воллаха[61]. Изучение этого эффекта в дальнейшем продолжил З. И. Ходжава, получивший несколько интересных экспериментальных результатов.

З. И. Ходжава в качестве физиологической основы установки признал динамический стереотип, открытый и интерпретированный И. П. Павловым. По мнению З. И. Ходжава, И. П. Павлов «потому и обратился к психологам, что он в физиологической закономерности, как факте деятельности коры, усматривал психологически важное явление, т. е. факт, который в первую очередь должен был быть использован психологией»[62].

Установка, по мнению З. И. Ходжава, является некоторой готовностью, определяющей действие, а динамический стереотип представляет собой тот физиологический механизм, который является физиологическим условием для осуществления этого действия. «Когда в коре формируется определенный динамический стереотип, это означает, что у субъекта возникает установка к определенному действию и фиксация последней фактически является фиксацией этого стереотипа»[63].

По мнению З. И. Ходжава, динамический стереотип не есть ни чисто физиологическое, ни чисто психологическое явление. Раз кора является органом психики, и она с самого начала должна была развиваться в качестве именно этого органа, любое ее действие, следовательно и динамический стереотип, должен означать определенный психический факт[64].

Однако, динамический стереотип не является единственным психофизиологическим явлением, протекающим в коре головного мозга. Что можно сказать о протекающих там других психофизиологических явлениях? Можно ли утверждать, что другие психофизиологические явления, происходящие в коре головного мозга, не имеют прямого отношения к психическим явлениям и, в частности, к экспериментальным фактам психологии установки?

На этот вопрос Ходжава отвечает положительно: «Возбуждение и торможение, — пишет З. И. Ходжава, — конечно, имеют место, они являются реальными нервными процессами, однако,

---

[61] Kohler W. and Wallach H. Figural After Effects. An Investigation of Visual Process. Procedings American Philosophical Society, vol. 88, № 4, 1944.

[62] Ходжава З. И. Навык и установка в свете учения акад. И. Павлова о высшей нервной деятельности. — Психология, Труды Института психологии АН ГССР, т. VIII, 1953, с. 173 (на груз. яз.).

[63] Там же, с. 182.

[64] Там же.

думается, неправомерно положение, будто установка является лишь усиленным возбуждением центров коры»[65].

Следовательно, ошибочно полное сведение сложных психических явлений к таким нервным процессам, какими являются, например, возбуждение и торможение, однако неоспоримо и то, что они имеют определенное значение для образования психических явлений.

И. Т. Бжалава придерживался более радикального взгляда. По его мнению, возбуждение и торможение представляют собой именно те нервные процессы, на основе которых возникает и фиксируется установка на количественные отношения. «Основные физиологические механизмы — возбуждение и торможение, — говорит И. Т. Бжалава, — принимают непосредственное участие в возникновении и реализации установки. Это касается не только фиксированной установки, выработанной на последовательном оптическом образе, но и всех установок другого вида, сформировавшихся в результате воздействия раздражителей на рецепторы»[66].

На основе анализа ряда своих экспериментальных материалов И. Т. Бжалава пришел к выводу, что «...фиксация установки на последовательном оптическом образе (следе) показывает, что физиологической основой установки является след, оставленный раздражителями в нервной системе»[67].

По нашему мнению, вышеизложенное, высказанное И. Т. Бжалава, имеет серьезное научное значение для выяснения психофизиологических основ фиксированной установки, выработанной на количественные отношения, если, конечно, вместе с тем будут учтены и другие данные, добытые в психофизиологии рецепторов.

Г. П. Зеленый[68] и Н. П. Тихомиров[69] еще в 1910 году обнаружили, что из одинаковых раздражителей более сильный эффект в виде секреции слюны дает физически более сильный раздражитель, чем более слабый. Тот же факт подтвердили и Н. А.

---

65 Х о д ж а в а З. И. Навык и установка в свете учения акад. И Павлова о высшей нервной деятельности. — Психология, Труды Института психологии АН ГССР, т. VIII, 1953, с. 173 (на груз. яз.).

66 Б ж а л а в а И. Т. Фиксированная установка и механизм временных связей. Сообщения АН ГССР, т. XIV, № 6, с. 230 (на груз.яз.).

67 Б ж а л а в а И. Т. Последовательный оптический образ, сочетавшийся с условным раздражителем. Сообщения АН ГССР, т. XIV, № 2,1959, с. 243.

68 З е л е н ы й Г. П. Способность нервной системы собаки отмечать количество повторных звуковых раздражителей. — Труды Общества русских врачей в СПБ, т. 77, апрель-май, СПБ., 1910.

69 Т и х о м и р о в Н. П. Сила раздражителя в качестве особого условного раздражителя. — Труды Общества русских врачей в СПБ, т. 77, апрель-май, СПб., 1910.

Кашериникова[70] в сфере механического раздражителя кожи и Л. А. Орбели[71] в условиях раздражения зрительного анализатора светом.

Скажем, условным раздажителем является звук определенной интенсивности, а слюнная секреция на раздражитель равняется 40 каплям; если мы увеличим интенсивность звука в таких условиях опыта, то соответственно возрастет и слюнная секреция на этот раздражитель (в известных пределах: при очень сильном увеличении интенсивности звука секреция слюны более уже не возрастает). Таким образом, в данном случае условный раздражитель является не только сигналом, но и объектом отражения.

Отражение предмета в случае зрительного восприятия происходит приблизительно так: на дне глаза, напротив зрачка, помещена самая чувствительная часть сетчатки (желтое пятно). На ней, как на фотопленке, отражается предмет, находящийся в пределах зрительного поля. Существование подобного отображения является необходимым условием для возникновения зрительного восприятия предмета в нормальных условиях[72, 73].

Но для возникновения восприятия недостаточно только этого процесса, как это неоднократно доказано в психофизиологии. Восприятие — процесс более сложный, чем ощущение, и только один анализатор, даже такой совершенный, как зрительный анализатор, не способен исчерпывающе познать предмет. Восприятие не является и простой суммой ощущений. Оно является более глубоким и полным отражением объективной действительности. Поэтому и решение проблемы восприятия имеет громадное общетеоретическое значение для решения вопроса о диалектическом переходе ощущения в восприятие. «В ходе эволюции, в ходе приспособления, — говорит С. В. Кравков, — наши органы чувств стали нередко функционировать связно, совместно, наиболее адекватным образом отражая познаваемые нами окружающие предметы»[74].

Раз в восприятии свойства предмета даются связанными в одном целостном акте, а основу всякого познания предмета составляют анализаторы, то сами эти анализаторы должны находиться в тесной взаимосвязи друг с другом. И. П. Павлов отстаивает именно такой взгляд и считает, что основу подобной

---

70 Кашериникова Н. А. О механическом раздражении как раздражителе слюнных желез. — Труды Общества русских врачей в СПБ, т. 73, март-май, СПб., 1906.

71 Орбели Л. А. Условные рефлексы с глаза у собаки. — Избранные труды, т. III, М., 1964, с. 183.

72 Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга, М., 1952.

73 Кравков С. В. Глаз и его работа. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950.

74 Там же, с. 107.

взаимосвязи составляет системное (стереотипное) действие головного мозга. «...Кора представляет грандиозную мозаику, на которой в данный момент располагается огромное множество пунктов приложения внешних разражителей... но так как эти пункты находятся в определенном взаимном функциональном отношении, большие полушария в каждый данный момент вместе с тем есть и система, которую можно было бы назвать стереотипом»[75].

Характерным для восприятия является то, что оно позволяет познать окружающее в его целостности, взаимообусловленности, представляя собой важную ступень познания.

С другой стороны, известно и то, что, несмотря на то, что восприятие нельзя сводить к простой сумме ощущений, тем не менее оно представляет собой явление, возникшее на основе этих ощущений, объединяемых в одно целое системным действием головного мозга.

Каждый анализатор, как это известно из физиологии, состоит из трех основных частей: 1) рецептора (который обладает высокой чувствительностью и превращает раздражение в возбуждение); 2) проводящих путей и 3) центральной части, состоящей из сложной системы нервных клеток коры головного мозга (где осуществляется субъективное отражение).

Выше мы говорили, что предмет отражается в зрительном анализаторе как на фотопленке. Однако, как мы знаем, фотографическое отражение не дает полноценного отражения глубины, объема предмета. Экспериментально доказано, что для восприятия глубины, объема необходимо двойное, согласованное действие зрительного анализатора — единая работа сетчатки и конвергентных мышц глаз. В результате подобных действий на основе механизма временных связей (сетчатка — мышечный аппарат) отражаются (познаются, воспринимаются) эти свойства предмета, которые невозможно было бы отразить без этих связей.

Вместе с тем, из психофизиологии анализаторов известно и то, что где эти связи (зрительные и двигательные) не проверены и не подтверждены анализатором осязания, там зрительная оценка весьма неоднозначна и неточна, и, наоборот, если данные анализатора осязания не котролированы зрительным анализатором, то и такое восприятие далеко от совершенства*.

---

[75] Павлов И. П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга — В книге: И. М. Сеченов, И. П. Павлов, Н. Е. Введенский. Физиология нервной системы, т. IV, М., 1952, с. 619.

* Известно, например, что с помощью одного только ощущения трудно обнаружить дефекты сферичности шара, однако, прибегнув к помощи зрения, сразу можно обнаружить все подобные дефекты; бывает и наоборот, когда зрению помогает осязание.

Однако, очевидно и то, что в каждом акте восприятия один из анлизаторов играет ведущую роль: при зрительном восприятии — глаз, при слухе — ухо, при осязательном восприятии — кожный анализатор и т. д. Поэтому для выяснения общей природы восприятия, несомненно решающее значение должно принадлежать основному образу в каждом частном случае.

Следует учитывать также и личностный фактор, сопутствующий восприятию, на что давно было указано психологами (Марбе, Фрейд, Узнадзе, Рубинштейн, Леонтьев и др.).

С. Л. Рубинштейн подчеркивает то обстоятельство, что «в восприятии отражается вся многообразная жизнь личности»[77].

Еще более решающее значение придает личностному фактору И. Т. Бжалава. Он утверждает: «Как будет протекать восприятие, зависит не от самого раздражителя, а от состояния индивида, заинтересованного в том, чтобы направить течение восприятия в свою пользу»[78].

В действительности же, по нашему мнению, всякое восприятие все-таки в основном определяется раздражителем, и ни одна личность, как бы она ни была заинтересована, не воспринимает, например, льва в виде стола.

В этом отношении более умеренного взгляда придерживается Б. В. Зейгарник: «В любом процессе переработки информации, при любом перцептивном действии выступает личностное отношение человека»[79].

Если с этой точки зрения рассмотрим вышеприведенные экспериментальные факты и не будем стараться искусственно осложнять природу их психофизиологического механизма, то можно признать правомерность того положения, что психофизиологическую основу фиксированной установки, на самом деле, составляет «след, оставленный в нервной системе раздражителем»[80], однако такой след, который вместе с тем содержит в себе и временные связи, способствующие более полному восприятию предмета. Системное (стереотипное) действие мозга выявляется именно в этом последнем акте, как это представлялось И. П. Павлову.

На самом деле в чем состоят основные особенности вышеописанных фактов фиксированной установки?

---

77 Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии, М., Учпедгиз, 1946, с. 208.

78 Бжалава И. Т. К психопатологии фиксированной установки при эпилепсии и шизофрении — В сб. Материалы совещания по психологии. М., АПН РСФСР. 1957, с. 11.

79 Зейгарник Б. В. Личность и патология деятельности. М., Изд-во Московского университета, 1971, с. 85.

80 Бжалава И. Т. Последовательный оптический образ, сочетавшийся с условным раздражителем. — Сообщения АН Груз. ССР, т. 14, № 2, 1953, с. 243.

Если на субъект воздействуют определенные раздражители (неравные шары, круги или тяжести), то в нем фиксируется установка, соответствующая этим раздражителям даже тогда, когда внимание субъекта не направлено на эти раздражители.

Следовательно, что является основным, главным фактором в процессе возникновения фиксированной установки — непосредственное восприятие предметов и существующих между ними взаимоотношений или восприятие, опосредствованное актом объективации? Выше мы видели, что главным является первое из них: если под влиянием какого-либо обстоятельства затруднено восприятие взаимоотношений, существующих между объективными раздражителями, то никакая объективация не в силах возместить это. Но известны, как мы уже знаем, и опыты фиксированной установки, выработанной на качественном материале. Мы имеем в виду «метод нейтрального шрифта» З. И. Ходжава. Возникает вопрос: если для выработки фиксированной на количественном материале установки необязательно, чтобы субъект осознавал взаимоотношения подаваемых объектов по величине, тяжести или объему, то так ли обстоит дело в случае выработки установки, фиксированной на качественном материале?

Из самонаблюдения каждому известно, что, иногда, прочитав целую страницу книги, мы обнаруживаем, что за этот период времени наше сознание было направлено на совершенно другие вещи: мы слушали музыку или думали о злободневном вопросе, всплывшем на поверхность сознания и занявшем все наше мышление и т. д. Словом, неоспоримым фактом является, что порой наше сознание отворачивается от действия того или иного анализатора и функционирует самостоятельно: водитель или летчик на полной скорости ведет машину, и в это время его сознание почти полностью занято конфликтом, разразившимся с руководством или в семье. Вместе с тем, он машиной управляет безукоризненно и совершенно точно, как это бывает, когда все его внимание обращено только на управление машиной.

Возможно ли, чтобы в таких экспериментальных условиях, когда внимание субъекта обращено на что-то другое, у субъекта выработалась фиксированная установка на нечто другое, на что не будет направлена его психическая активность?

Но этот вопрос, по нашему мнению, верный ответ дает З. И. Ходжава. Согласно его взгляду, «условия выработки установки у животных и человека по существу разные: у первых она возникает под влиянием непосредственного импульса витально-телесных потребностей и действующей в этот данный момент ситуации. А у человека... под влиянием только осознанных потребностей и так же осознанных ситуаций, т. е. здесь она воз-

никает на основе мотивации действия, его учитывания, усмотрения»[81].

Мы думаем, что З. И. Ходжава имеет в виду именно тот экспериментальный факт фиксированной установки, который получен на качественном материале методом, автором которого он сам является. К такому убеждению нас приводит то обстоятельство, что выработка установки на количественные отношения и ее фиксация путем повторений вовсе не требуют ни «осознанных потребностей», ни «мотивации действия», ни «усмотрения» или «осознания ситуации» и т. д.

Вместе с тем следует учесть и то, что на количественные отношения и у животных фиксируется установка, которая не обусловлена ни «осознанной ситуацией», ни мотивацией или другим каким-нибудь фактором. Этим мы, разумеется, не хотим сказать, что у животного и человека совершенно одинакова фиксированная установка на количественные отношения. Однако между ними нет пропасти, согласно теории Д. Н. Узнадзе, установка характерна не только для человека, но и для всей области живого.

Известны экспериментальные исследования, доказывающие, что эффект фиксированной установки (контрастные иллюзии) можно получить не только с помощью реально действующих раздражителей, но и посредством воображения раздражителей*.

В этой связи возникает вопрос: как объяснить факт установки, фиксированной на основе воображения, если мы отстаиваем мнение, что фиксированная на количественные отношения установка может выработаться только на основе непосредственно действующих раздражителей?

По-видимому, несмотря на то, что в опытах Б. И. Хачапуридзе и Р. Г. Натадзе раздражители объективно не воздействуют на субъект и этот последний не может непосредственно воспринять их взаимоотношения, тем не менее и здесь действует та же закономерность, что и в случае опытов с реально действующими раздражителями.

Известно, что Мейер (также и Штумпф) посредством напряжения внимания достигал такого наглядного и интенсивного

---

[81] Ходжава З. И. Навык и установка в свете учения акад. И. Павлова о высшей нервной деятельности. — Психология. Труды Института психологии АН ГССР, т. VIII, 1953, с. 173 (на груз. яз.).

* Этого вопроса коснулся еще Б. И. Хачапуридзе («Дидактические материалы и игры в связи с некоторыми задачами дошкольного воспитания», Тбилиси, 1939), а затем его систематически исследовал Р. Г. Натадзе (Уверенность в реальности предмета воображения как фактор стимуляции установки. — Психология, труды Института психологии АН ГССР, т. VII, 1950 (на груз. яз.); Проблема психологических основ сценического перевоплощения, Тбилиси, 1970 (на груз. яз.) и др.).

представления какого-либо предмета, что это последнее после себя оставляло оптический последовательный след. Отсюда ясно, что с помощью напряжения внимания интенсивность представления иногда может подняться даже до уровня интенсивности восприятия.

В этом отношении интересен факт, описанный И. М. Сеченовым: он знал человека, который даже в теплой комнате мог вызвать в себе ощущение «гусиной кожи», и этого он достигал посредством интенсивного представления холода. Этот и подобные факты И. М. Сеченов объясняет действием физиологических механизмов и заключает, что с точки зрения процессов, вызванных в нервных аппаратах, по существу безразлично, видим мы предмет перед собой или только представляем его[83].

Интересен и результат, полученный американским психологом Эд. Джекобсоном по т. н. психогальваническому методу. На основе анализа данных экспериментов он делает следующий вывод: «Электрические изменения в нервно-мышечной сфере, возникшие в результате представления и воспоминания любого действия (акта) таковы как и тогда, когда эти действия не представляются или вспоминаются, а происходят в действительности»[84].

Д. Н. Узнадзе, касаясь характера фиксированной установки, выработанной на основе представления, отмечал: «Без всякого сомнения, прочность установки, созданной в таких условиях, гораздо ниже, чем в тех условиях, когда фиксация происходила посредством актуального воздействия»[85]. Однако это объясняется тем, что не все и не всегда могут поднять интенсивность представления до интенсивности, характерной для восприятия, как это было в случаях, приведенных Сеченовым, Мейером и Штумпфом. Для чрезмерного повышения интенсивности представления требуются особые условия, среди которых следует отметить особенности нервной системы субъекта.

Как правильно отмечает Р. Г. Натадзе, в этом (в фиксации установки на основе представления) определенное значение имеют как особая способность индивида, так и его профессиональная деятельность[86]. Р. Г. Натадзе показал, что у актеров сравнительно легко выработывается фиксированная установка на основе представления, чем у остальных. Это и понятно: у акте-

---

[83] Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга, М., 1952.

[84] Jakobson Ed., Electrical Measurements of Neuromuscofar States during Mental Activities. Amer. J. Physiology, vol. 94, 1931.

[85] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 145 (на груз. яз.).

[86] Натадзе Р. Г. Воображение как фактор поведения, Тбилиси, Мецниереба, 1972.

ра по сравнению с другими больше развита способность воображать ситуацию.

Из вышерассмотренных экспериментов можно сделать следующий вывод: установки, выработанные на количественные отношения, имеют, по существу, единую природу независимо от того, какой модальности они касаются — кинестетических ощущений, слуха или зрения (Д. Н. Узнадзе).

В чем выражается эта единая природа установки?

Рассмотрение вышеуказанных экспериментов (в оптической сфере) убедило нас в том, что для возникновения фиксированной установки имеет значение не только соотношение фиксационных шаров (кругов) с критическими, но и те локальные очаги, на которые мы воздействовали в фиксационных опытах. В качестве иллюстрации рассмотрим один из опытов: если критические круги расположим в пространстве не так, как это было в фиксационных опытах (т. е. если они не попадут в то же самое локальное поле, куда попадали фиксационные круги), то контрастные иллюзии фиксированной установки вовсе не возникают или очень слабо выражены. Как было отмечено и выше, по мнению Д. Н. Узнадзе, факт разрушения фиксированной установки в критическом опыте объясняется грубым несоответствием между фиксационными и критическими объектами. В только что описанном опыте это несоответствие грубее, чем в обычных опытах фиксированной установки: здесь в критическом опыте изменено не только соотношение величин кругов (равные круги вместо неравных), но и пространственное расположение объектов. Следовательно, здесь эффект разрушения фиксированной установки — контрастная иллюзия — должен был не только не ослабевать, но, наоборот, и усиливаться. В действительности получен противоположный эффект. Почему? Наверное, для возникновения контрастной иллюзии существенное значение имеет наличие локально возбужденных очагов, как это утверждал в своих исследованиях И. Т. Бжалава. Говоря точнее, фиксированная установка сильнее проявляется тогда, когда критические объекты (равные круги) попадают в те участки глаза, где раньше, в фиксационных опытах, были расположены установочные объекты — неравные круги. Этому явлению, по-видимому, соответствует в физиологии хорошо известное явление т. н. индукционного взаимодействия положительного и отрицательного раздражителей.

В лаборатории И. П. Павлова, например, был установлен такой факт. Для собаки некоторые тона фисгармонии являлись положительными раздражителями, некоторые же — отрицательными. Если после подачи отрицательного раздражителя ми-бемоль животному подавали механический положительный раздражитель, то секреция слюны уменьшалась наполовину, а если тот же механический раздражитель подавали после ре-тона, то

секреция не претерпевала изменения. «Следовательно, — заключает И. П. Павлов, — полутон ми-бемоль, бесспорно, находился в районе отрицательного ми, тон же ре или был совершенно индифферентный, или заторможен в гораздо меньшей степени»[87].

Там же И. П. Павлов говорит: «Каждому элементу рецепторного аппарата отвечает свое афферентное нервное волокно и своя нервная клетка в коре полушарий и каждой большей или меньшей группе их — свои группы волокон и клеток»[88].

Что возбуждение и торможение являются теми основными нервными процессами, которые лежат в основе выработки фиксированной установки, это, мы полагаем, ясно показал в своих многочисленных экспериментах И. Т. Бжалава. Однако достаточно ли этих двух одновременно протекающих процессов для того, чтобы пролить свет на все многообразие фиксированной установки?

По-видимому, следует думать, что в случае опытов по фиксированной установке существенную роль играют нижеследующие физиологические факторы.

Для примера возьмем опыт в оптической модальности. Как мы знаем, в этих опытах в поле зрения испытуемому несколько раз подают неравные круги (фиксационные опыты). Какие психофизиологические процессы протекают в это время в нервной системе? Следует полагать, что эти круги своей реальной формой отражаются в коре головного мозга и создают возбужденные очаги в ее нервных клетках. Это обстоятельство обусловлено тем, что «каждому элементу рецепторного аппарата отвечает своя... клетка в коре полушарий»[89].

Такого же взгляда придерживался и И. М. Сеченов. Как это происходит, — ставит вопрос он, — что раздражение сохраняется именно в своей реальной форме? И отвечает: ощущение круга, треугольника вытекает из того, что разные точки треугольника и круга одновременно возбуждают отдельные нервные волокна, что обусловливает их восприятие[90].

Поскольку, например, восприятие кругов возбуждает в коре соответствующие нервные клетки, повторение этих восприятий, согласно физиологической закономерности, постепенно будет повышать возбудимость этих очагов, и каждый новый раздражитель, попавший в это возбужденное поле, субъектом будет воспринят иначе, чем при его первоначальном восприятии.

Давно известно в физиологии, что в зрительном аппарате, как и во всех других органах чувств, возбуждение и связанное

---

87 Павлов И. П. Лекции по физиологии, 1912—1913 гг., М., 1952, с. 155.

88 Там же.

89 Там же.

90 Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М., 1952, с. 81.

с ним ощущение прекращается не сразу вместе с прекращением воздействия раздражителя, а продолжается еще некоторое время. Известно, что над изучением этого явления работали многие видные физиологи и психологи (Гельмгольц, Босша, Пуркинье, Ауберт, Гамакер, Геринг, Гесс, Крис и др.).

Таким образом, эффект последействия, т. е. существование следа, представляет собой общеизвестное явление. Как известно, последнее время над его изучением в связи с проблемой фиксированной установки работал И. Т. Бжалава.

Вообще следует сказать, что для объяснения того или иного психического явления учитывание физиологических процессов не только полезно, но и необходимо. В этой связи следует принять во внимание мнение Д. Н. Узнадзе, высказанное им в его «Общей психологии».

«Для психологии большое значение имеет вопрос, какое отношение существует между психическим и физическим в самом организме, или иначе: каково отношение между психическими и физиологическими процессами? Для диалектического материализма решение этой проблемы — т. н. психофизического вопроса — не представляет никакой трудности. Для него и психическое и физиологическое являются формами движения материи и, следовательно, между ними нет никакой пропасти»[91].

Однако это не означает, что они не отличаются друг от друга, что необходимо признать их идентичными. Отождествление психических и физиологических процессов по мнению Д. Н. Узнадзе является такой же ошибкой, какой следует считать попытку полностью оторвать их друг от друга. В действительности психика характеризуется определенными специфическими свойствами и, несмотря на то, что она является «продуктом» мозга и, следовательно, опирается на определенные физиологические процессы, она этими процессами ни в коем случае не исчерпывается: «Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?» — спрашивает Энгельс.

Таким образом, между психическим и физиологическим, психикой и телом, нет пропасти, но и нет тождества: между ними следует полагать диалектическое единство[92].

Следовательно, согласно мнению Д. Н. Узнадзе, нельзя отрывать друг от друга физиологические и психологические процессы, поскольку психические явления основываются на определенных физиологических процессах и между ними существует диалектическая взаимосвязь.

---

[91] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды т. III—IV, Тбилиси, Мецниерсба, 1964. с. 16 (на груз. яз.).

[92] Там же, 16—17.

Что это так, на наш взгляд, подтверждает и то, что Д. Н. Узнадзе в своей последней монографии (1949 г.) не считает предсознательное психическое (установку) только физиологическим явлением. Это означает именно то, что для Д. Н. Узнадзе оно (установка) хотя и психическое, но такое психическое, которое имеет и свои физиологические корреляты. Вышесказанное определенно подтверждает следующее положение Д. Н. Узнадзе, которое сам автор считает основным: «Первое основное положение таково: возникновению сознательных психических процессов несомненно предшествует состояние, которое ни в коем случае нельзя считать непсихическим, только физиологическим явлением»[93].

В связи с этим следует подчеркнуть еще одно обстоятельство. Для характеристики различных особенностей фиксированной установки Д. Н. Узнадзе широко применял терминологию, взятую им именно из физиологии, ни разу не прибегнув даже к кавычкам. Таковы термины: «иррадиация», «генерализация», «возбудимость», «диффузность», «статичность», «динамичность», «стабильность», «пластичность», «вариабильность», «лабильность» и др. что нельзя считать случайным явлением. А если учтем и то, что он говорит о физиологических процессах в своей «Общей психологии», то не остается сомнения в том, что во всех вышеописанных опытах по изучению фиксированной установки всегда предполагаются физиологические корреляты.

По мнению Б. М. Теплова, «материальной основой всей познавательной и творчески преобладающей деятельности человека является работа его мозга. Психика человека по своему содержанию насквозь общественна, но «механизмы» психических процессов — это законы высшей нервной деятельности человеческого мозга»[94].

По нашему мнению, в связи с этим следует принимать во внимание и взгляд И. С. Бериташвили на природу установки. И. С. Бериташвили писал: «Установка как явление, движущее поведением, несомненно имеет место в определенных актах поведения человека и животных. Однако ее объяснение следует искать, прежде всего, в психофизиологической природе организма. В конце концов, ведь бесспорно, что объективная ситуация влияет на целостный организм посредством рецепторов, а рецепторы активизируют нервную систему и так вызывается в организме то или другое изменение. Отсюда вытекает, что если объективная ситуация создает в целостном организме или в лич-

---

93 Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 107 (на груз. яз.).

94 Теплов Б. М. Выступление. — Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. М., Изд-во АН СССР, 1950, с. 157.

ности определенную установку, то она это, прежде всего, осуществляет путем модификации состояния самой нервной системы. Поэтому установку организма на определенное действие мы должны рассматривать как чисто нервное или психонервное явление. Отсюда ясно, что мы можем понять природу установки на основе изучения одного только нервного и психонервного действия»[95].

В этом взгляде И. С. Бериташвили следует считать бесспорным, по крайней мере, один момент: фиксированная установка имеет свои физиологические механизмы и без их изучения объяснение этого факта совершенно невозможно.

Однако, там же И. С. Бериташвили развивает положение, полностью противоречащее вышеуказанному взгляду, когда говорит: «Физиология коры большого мозга не только не может заменить психологию, но она не пригодна даже в качестве основы понимания психических закономерностей. Поэтому обречена попытка проникнуть в динамику психических явлений с точки зрения физиологических закономерностей»[96]. Как известно, этот взгляд И. С. Бериташвили в свое время подвергся острой критике в советской психологии и физиологии и не без основания: что изучение физиологических механизмов и процессов имеет существенное значение для изучения, во всяком случае, некоторых психических явлений, это сегодня является общепризнанным в науке.

Как же тогда следует понять такое резкое изменение взгляда И. С. Бериташвили по вопросу о взаимоотношении физиологических и психических процессов?

Подобное изменение, наверное, можно понять, если будем считать, что И. С. Бериташвили не считает установку (точнее — фиксированную установку) чисто психическим феноменом. В противном случае он не сказал бы, что ее природу нельзя понять «на основе изучения одного только нервного и психонервного действия», так как, по его мнению, чисто психологические явления имеют совершенно другую природу и попытка их изучения всегда обречена «с точки зрения физиологических закономерностей»[97].

Что И. С. Бериташвили понимает установку не как чисто психический феномен, это подтверждают его вышеприведенные слова: «...установку... мы должны рассматривать как чисто нервное или (по крайней мере — В. Г.) психонервное явление». Поэтому раз установка, по мнению И. С. Бериташвили, есть

---

[95] Бериташвили И. С. Основные формы нервной и психонервной деятельности, Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1947, с. 40—41 (на груз. яз.).

[96] Там же. с. 43.

[97] Там же, с. 40—41.

явление нервное (а не чисто психическое), изучение ее закономерностей возможно «на основе изучения одного только нервного и психонервного действия».

Теперь снова вернемся к опытам З. И. Ходжава. Выше мы коротко упомянули об исследовании «послеэффекта», проведенного В. Келером и Воллахом[98]. З. И. Ходжава аналогично этим авторам провел несколько опытов.

Факт «послеэффекта» В. Келера и Г. Воллаха состоит в следующем[99]. На белой бумаге начерчена фигура — прямоугольник с фиксационным крестом с одной его стороны. Сидящему испытуемому на расстоянии двух ярдов предлагают смотреть только на крест, не двигая глазами. После пятиминутной, а

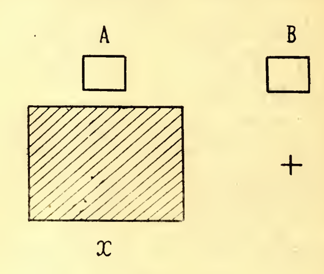

Рис. 6

иногда гораздо менее продолжительной экспозиции ему показывают пару равных по величине прямоугольников или кругов с фиксационным крестом между ними и дают задание, смотря на крест, сообщить — отличаются ли друг от друга наблюдаемые фигуры и если отличаются, чем именно.

---

[98] Kohler W. and Wallach H. Figural After Affects. An Investigation of Visual Processes.—Proceedings American Philosophical Society. Vol. 88, № 4, 1944.

[99] Ходжава З. И. О транспозиции «эффекта размера» в восприятии фигур в опытах В. Келера и Г. Воллаха. — Сб. «Экспериментальные исследования по психологии установки», т. V, Тбилиси, Мецниереба, 1971, с. 190.

Получены следующие результаты:

1. Под влиянием длительного рассмотрения большой «X» фигуры (рис. 6)* «А» фигура, воздействующая на ретину в области воздействия этой «X» фигуры, воспринималась испытуемым как более бледная (послеэффект цвета), более удаленная вглубь (послеэффект глубины) и как по размеру меньшая, чем другая, объективно тождественная по величине «В» фигура (послеэффект размера).

2. Послеэффекты были обнаружены и в опытах с различным расположением отражения фигур на сетчатке: «А» фигура, попадающая на ретину в непосредственной близости или на некотором расстоянии от места большой «X» фигуры, также воспринималась более бледной и меньшей по размеру, чем «В» фигура. Это «влияние на расстояние» было специально измерено, и выяснилось, что большая «X» фигура влияет на «А» фигуру (т. е. вызывает «послеэффект уменьшения») даже тогда, когда расстояние между «X» и «А» фигурами равно 2,54 сантиметра.

3. На основе анализа результатов, полученных в опытах с различным расположением «X» и «А» фигур, эти авторы установили и «эффект перемещения».

Опыт проходил следующим образом. В качестве инспекционной фигуры («X»), например, брался прямоугольник, а «А» и «В» фигуры представляли собой два одинаковых маленьких и симметрично расположенных квадрата. Фиксационный знак (+) был общим, но так как он был расположен на неодинаковом расстоянии от фигур, последние, разумеется, могли действовать на различные, соответственно отстоящие друг от друга, места сетчатки. По этой причине после длительной фиксации креста и восприятия «X» прямоугольника периферийной частью сетчатки левый «А» квадрат, действующий на соседнюю часть сетчатки, казался не только меньшим, чем далеко отстоящий от нее правый квадрат, но и смещенным в пространстве: он как бы отступал, удалялся от ранее показанной «X» фигуры и поэтому воспринимался как расположенная выше «В» фигура. Таким образом, наряду с иллюзорным изменением «А» фигуры наблюдается и нарушение симметричности расположения «А» и «В» фигур друг к другу, перемещение «А» фигуры в пространстве дальше от «X» фигуры.

З. И. Ходжава провел опыты по методу В. Келера и Г. Воллаха с той разницей, что расстояние между инспекционной «X» фигурой и критическим «А» квадратом он увеличивал в пределах 7—16 сантиметров (В. Келер и Г. Воллах указывали, что действие «после эффекта» не наблюдается, если это расстояние превышает 2,54 см). З. И. Ходжава указывает, что «X» фигура

* В целях простоты изложения для обозначения фигур в отличие от В. Келера и Г. Воллаха мы применяем буквы «А», «В» и «X»

влияет на восприятие «А» фигуры на гораздо больших дистанциях между ними и порождаемый ею послеэффект бывает не только контрастным, но и ассимилятивным (причем на маленьких дистанциях только контрастным, а на некоторых больших — преимущественно ассимилятивным)»[101].

З. И. Ходжава заключает: «Х» фигура действует на сетчатку и через нее на зрительную кору мозга не как просто механический раздражитель, вызывающий в них определенные химические изменения, а как раздражитель, связанный и с восприятием фигуры как предмета, т. е. влияние «Х» фигуры на «А» фигуру фактически есть влияние одного зрительного восприятия на другое. Но имея дело с таким влиянием — с влиянием восприятия на восприятие, разумеется, определяющей должна быть степень четкости «Х» фигуры»[102].

Что несомненно доказывают опыты З. И. Ходжава, это то, что длительное восприятие инспекционного четырехугольника оказывает влияние на восприятие последующего раздражителя не только в пределах 2,54 см, как это доказывали В. Келер и Г. Воллах, но в гораздо более широком диапазоне.

Исходя их своих экспериментов, З. И. Ходжава делает следующие выводы:

«а) с увеличением расстояния между «Х» и «А» фигурами уменьшаются и случаи контрастных послеэффектов, а на больших дистанциях (16 см и выше) они и вовсе не наблюдаются. С точки зрения нашего анализа это означает следующее: в случае предельно большой дистанции, где периферическое восприятие величины «Х» фигуры теряет надлежащую четкость, установка вовсе не фиксируется, и все испытуемые констатируют равенство «А» и «В» фигур. Но в пределах сравнительно малых дистанций положение иное: так как здесь четкость восприятия величины фигуры постоянно уменьшается, то, разумеется, соответственно этому и установка на восприятие фигуры должна оказаться все более и более слабой, и процент испытуемых, показывающих ее действие, должен закономерно уменьшаться, что действительно и происходит;

б) наличие слабой установки не значит, что она должна быть непременно инактивной. Опытами фиксированной установки доказано, что в ситуации количественно отличающихся друг от друга раздражителей установка действует не исключительно контрастно, но и ассимилятивно: слабая и диффузная по своему содержанию установка, прежде чем ликвидироваться, порож-

---

101 Ходжава З. И. О транспозиции «эффекта размера» в восприятии фигур в опытах В. Келера и Г. Воллаха. — Сб. Экспериментальные исследования по психологии установки, т. V, Тбилиси, Мецниереба, 1971, с. 195.

102 Там же.

дает ассимилятивную иллюзию восприятия величин раздражителей, а наш факт — возникновение «ассимилятивных послеэффектов» на сравнительно больших дистанциях (9—12 см от места «X» фигуры) есть проявление именно этой закономерности действия фиксированной установки»[103].

Среди исследователей психологии установки З. И. Ходжава является одним из немногих экспериментаторов-психологов, отстаивающих мнение, что эффект фиксированной установки в количественной сфере выявляется не только в контрастных, но и в ассимилятивных иллюзиях. Как мы видим, и в указанном здесь исследовании он ставит вопрос о природе ассимилятивного действия установки и пытается экспериментально обосновать свое мнение.

Выше мы отметили, что выработанная на количественное отношение фиксированная установка выявляется только в контрастных, а не в ассимилятивных иллюзиях (Б. И. Хачапуридзе, Ш. Н. Чхартишвили, В. В. Григолава и др.). З. И. Ходжава ни в вышеуказанном труде, ни в специально этому вопросу посвященной своей монографии[104] не соглашается с этим пониманием и пытается новыми экспериментальными данными подтвердить свое соображение по этому вопросу.

Во вступлении к своей монографии цель своего исследования З. И. Ходжава определяет следующим образом: «Мы полагаем, что факт, на который опирается научная теория вообще, делает ей «честь и уважение». Теория может развиваться, изменяться или вообще отпадать, как бывает и в действительности, однако факты, на которых она основывалась, для новой, лучшей теории должны остаться фактами, понятыми и истолкованными по-новому; в этом и состоит честь и заслуга «отпавших теорий» перед наукой. Однако очень плохо, когда это происходит не так и основанием для снятия теории служит «недействительность», «фальшивость», «нефактичность» действительности, которую сама она считала фактом; тогда теория ничего не оставляет в науке и бесследно исчезает».

Прежде всего, незаконно допускать такую фетишизацию эксперимента по отношению к теории: возможно и то, что тот или иной факт не согласуется с теорией и возникает необходимость добывать новые факты для подтверждения все той же теории. Не исключено и то, что теория правильна, а эксперименты, на которых она основана, не доставляет фактов для подтверждения этой теории.

---

[103] Ходжава З. И. О транспозиции «эффекта размера» в восприятии фигур в опытах В. Келера и Г. Воллаха. — Сб. Экспериментальные исследования по психологии установки, т. V, Тбилиси, Мецниереба, 1971, с. 198.

[104] Ходжава З. И. Основной закон смены установки в теории установки Д. Н. Узнадзе. Тбилиси, Мецниереба, 1964 (на груз. яз.).

Словом, все может быть, только с одним условием: теория никогда не была рабом эксперимента и безусловно прав был Леонардо да Винчи, когда говорил, что именно «теория является генералом, а эксперименты — лишь солдаты».

Сущность же теории Д. Н. Узнадзе состоит в следующем: воздействие того или иного раздражителя исчезает не бесследно, а после себя в живом организме оставляет такое состояние, которое влияет на его последующее поведение. «...Предварительные опыты, называемые нами установочными, совершенно необходимы для возникновения иллюзий в условиях этих опытов: без достаточного количества установочных опытов иллюзия никогда не возникает»[105]. Вот в этом заключается основная идея установки, а не в том, ассимилятивные или контрастные иллюзии показывает испытуемый в каждом конкретном случае.

Как читатель узнает из вышеуказанной книги З. И. Ходжава, один из основоположников экспериментальной психологии В. Вундт имел свой взгляд на контрастные и ассимилятивные впечатления. Вундт говорит: «Данное впечатление вообще ассимилятивно действует на каждое последующее, сходное по качеству или количеству впечатление, если этому не препятствуют действующие в противоположном направлении ассимилятивные апперцептивные влияния. Вместе с тем, последние влияния становятся причиной того, что действие ассимиляции ограничено узкими рамками и, таким образом, имеют силу лишь там, где разница между сравниваемыми величинами очень мала ...Когда разница между сравниваемыми величинами меньше величины, лежащей ближе к порогу едва заметного различия, тогда вместо контраста может возникнуть ассимиляция. Но когда эта разница достигает вполне заметного размера, случаи контраста возрастают до максимума, а затем опять быстро снижаются и падают до нуля» (см. Ходжава З. И.)[106].

Мы не знаем точно, каким методом исследовал В. Вундт ассимилятивные и контрастные иллюзии, однако одно обстоятельство ясно из только что приведенной цитаты: когда разница между величинами объектов находится в зоне величины порога различия, только тогда может возникнуть ассимиляция, в остальных же случаях возникают контрастные иллюзии.

Что касается опытов З. И. Ходжава, то если испытуемые в них несколько раз не подтверждали существующей между фиксируемыми кругами малой разницы, то они считались непригодными испытуемыми для эксперимента и опыты над ними прекращались. Более того: «Затем мы приступали к установочным

105 Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 23 (на груз. яз.).

106 Ходжава З. И. Основной закон смены установки в теории установки Д. Н. Узнадзе. Тбилиси, Мецниереба, 1964, с. 60 (на груз яз.).

опытам, однако отбор (испытуемых — В. Г.) все еще продолжался, так как мы не продолжали установочных опытов над теми испытуемыми, которые хоть в одной экспозиции давали ошибочный ответ. Словом, опыты по изучению установки, выработанной и фиксированной на малые разницы, мы провели только над пригодными для этой цели лицами, — такими, которые оценивали круги, разница между которыми составляла 1 мм, правильно с самого начала при подаче их в руки в обоих пространственных положениях (м-б; б-м), а затем и в установочных тахистоскопических опытах, где их экспозиция производилась только в одном пространственном положении»[107].

Несмотря на то, что испытуемые так тщательно отобраны, результат, полученный З. И. Ходжава, ни в коей мере не подтверждает взгляда, что фиксированная на малые разницы (25—26 мм) установка выявляется в ассимилятивных иллюзиях. Достаточно беглого взгляда на протокол № 1[107], чтобы убедиться, что приведенные в нем данные тридцати испытуемых не подтверждают наличия у них ассимилятивных иллюзий: 135 ассимилятивных иллюзий (45%), 108 контрастов (37%), 48 равенств (16%) и 9 неопределенных ответов (3%) нельзя считать достаточным основанием для утверждения того, что установка, выработанная на малую разницу, вызывает ассимилятивные иллюзии.

Как известно, существуют экспериментальные данные (Б. И. Хачапуридзе[108], Ш. Н. Чхартишвили[109] и др.), указывающие на обратное. Во всяком случае, нет сомнения в том, что подобные опыты должны проводиться вновь, точнее — на большем количестве испытуемых, и экспериментаторы, по возможности максимально, должны быть свободными от ранее сформировавшихся собственных концепций, невольно, без ведома экспериментатора, отражающихся на течении экспериментов и на их результатах.

Любой эксперимент требует осторожного подхода и многократной тщательной проверки. Особенно это относится к психологическому эксперименту, который наблюдаемому (испытуемому) предоставляет широкое поприще для фантазии, а наблюдатель (экспериментатор) не обладает почти никакими средствами для учета этого обстоятельства.

Как неоднократно отмечалось, субъективный фактор часто вмешивается в результаты психологических экспериментов и со

---

107 Ходжава З. И. Основной закон установки в теории установки Д. Н. Узнадзе. Тбилиси, Мецниереба, 1964, с. 69—70 (на груз. яз.).

108 Хачапуридзе Б. И. Проблемы и закономерности действия фиксированной установки, часть I, Тбилиси, Ганатлеба, 1976.

109 Чхартишвили Ш. Н. Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси, Мецниереба, 1971.

стороны не только исследуемого субъекта, но и самого экспериментатора. Что касается стоящего перед нами вопроса, то множество экспериментов более убедительно показывает, что действие фиксированной на количественном материале установки выражается, в основном, в контрастных, а не ассимилятивных иллюзиях.

Словом, в случае фиксированной установки, возникшей на количественное соотношение, перед нами один факт, не вызывающий никакого сомнения: в той руке, в которую в фиксированном опыте подавался тяжелый (или больший по объему) предмет, теперь легкий предмет испытуемому кажется более легким, а во второй руке, в которую раньше подавали легкий предмет, тяжелый предмет кажется более тяжелым, чем он есть в действительности.

Аналогично положение вещей и в опытах по исследованию фиксированной установки в оптической сфере: если в установочных опытах испытуемому справа подавался большой круг, а слева — малый, то в критическом опыте из двух объективно равных кругов правый он оценивает как меньший, а левый — как больший.

То же самое наблюдается и в том случае, когда в опыте участвует только один из корреспондних органов (например, рука) испытуемого: если после подачи в одну руку фиксационного большого шара испытуемому в обе руки подаем равные шары, которые меньше фиксационного шара, то испытуемому меньшим кажется шар в той руке, в которой в фиксационном опыте он получал шар большой величины. То же самое подтверждается и в оптической сфере опытами В. Келера и Г. Воллаха и З. И. Ходжава: из двух равных квадратов испытуемый оценивает как меньший квадрат находящийся на той стороне, где давался фиксационный большой четырехугольник.

Может быть высказано и следующее соображение: когда предполагается, что у испытуемого создается установка на соотношение, то выявляющаяся при этом иллюзия именуется нами «контрастной». Но если предположить, что установка создается не на соотношение, а в каждой руке по-отдельности, тогда будем иметь дело не с контрастом, а с ассимиляцией: после предложения несколько раз большего предмета (фиксационный опыт), маленький предмет (критический опыт) представляется более маленьким чем он есть в действительности и наоборот. После маленького предмета большой предмет субъектом переживается более большим.

Между прочим, с этим соображением наряду с другими фактами полностью согласуются полученные Р. Г. Натадзе результаты.

Р. Г. Натадзе создает у испытуемого фиксированную установку в таких условиях, когда руки у того перекрещены, а критический опыт проводится в обычных условиях (паралельно вы-

тянутые вперед руки). Оказалось, что фиксированная установка выявляется не на соотношение правой-левой руки, а в каждой руке по отдельности[110, 111].

Надо полагать, что физиологической основой для этого и всех вышеописанных экспериментальных фактов, как на это указывает И. Т. Бжалава, является тот возбужденный очаг или след, который фиксационные объекты оставляют в центральной нервной системе. Что касается самого психологического факта— контрастной иллюзии, он является результатом состояния целостно-личностного индивида, его фиксированной установки и как таковой отражается в сознании субъекта. Мы имеем дело с вполне несложным обстоятельством: когда критический раздражитель попадает в то поле того или иного анализатора субъекта, куда до этого попадал фиксационный объект, то этот критический раздражитель кажется или большим или меньшим. Вместе с тем здесь всегда наблюдается одна закономерность: если в поле фиксационного раздражителя попадает более маленький раздражитель, **то он оценивается как более маленький, чем он есть в действительности, и наоборот — если критический раздражитель больше, чем фиксационный, он оценивается большим, чем он есть на самом деле.**

Что это так, ясно подтверждают опыты по изучению фиксированной установки, проведенные на одном из корреспондных органов. Единственный недостаток подобного объяснения механизма фиксированной установки можно усмотреть в том, что оно слишком просто. Вместе с тем, по нашему мнению, это составляет и его достоинство[112].

Этот взгляд, возможно, был бы более или менее приемлем, если бы не факты иррадиации и генерализации фиксированной установки, на которые мы указывали выше.

На самом деле, как следует понимать, например, иррадиацию фиксированной установки? Допущение возбужденного очага означает, что он локально расположен или в зрительном поле коры головного мозга или в поле осязания и т. д.

Между прочим, вышеописанные эксперименты З. И. Ходжава преследуют именно эту цель, — показать, что эффект фиксированной установки есть явление не локальное, а целостноличностное, и что явление контраста возникает и тогда, когда

---

110 Натадзе Р. Г. К вопросу о факторах непосредственного восприятия правого и левого направления пространства. — Сообщения АН ГССР, т. 12, № 3, 1951 (на груз. яз.).

111 Натадзе Р. Г. К вопросу о роли фактора руки при непосредственном восприятии правого и левого направления пространства. — Сообщения АН ГССР, т. 12, № 4, 1951 (на груз. яз.).

112 Григолава В. В. Контрастная иллюзия и некоторые вопросы фиксированной установки. — Вопросы психологии, № 3, 1963, с. 55—64.

фиксационные и критические объекты на сетчатке глаза заметно отдалены друг от друга.

По нашему мнению, решения проблемы иррадиации и генерализации установки можно достичь, если учтем природу восприятия, на что мы указывали выше. Как мы знаем, восприятие не является результатом действия какого-нибудь отдельного анализатора, — в его возникновении участвуют и другие анализаторы, объединенные системной работой коры головного мозга.

Для И. П. Павлова восприятие является не чем иным, как условным рефлексом, однако этот рефлекс сложен, является результатом совместной работы разных рецепторных аппаратов. По мнению И. П. Павлова, «связь кинестетического раздражения в клетке с другими всякими раздражениями» является тем, что называют восприятием (перцепцией). «Что такое перцепция? Это — восприятие... ощущение — это более чистое раздра́жение, так сказать физиологическое данное каким-то внешним агентам органам чувства, а восприятие — это есть то, что у меня получается в мозге, когда это самое раздражение оказывается не одним, а связанным с другим раздражением и с бывшими следами... этот факт совершенно повседневный и всякий его знает»[113].

Если разделить это мнение, можем полагать, что в основе факта иррадиации установки лежит именно этот психофизиологический процесс: выработанная фиксированная установка в гаптической сфере, ввиду того, что вместе с ней функционирует и соответствующее поле оптической сферы, выявляется и в этом последнем.

Или же можно согласиться с мнением И. С. Бериташвили[114] по этому вопросу: когда мы у испытуемого вырабатываем фиксированную установку в гаптической сфере, он эти шары представляет и оптически. А это достаточно для того, чтобы эффект фиксированной установки был получен в этой последней сфере, как это экспериментально было доказано Р. Г. Натадзе и др.

В опытах по исследованию фиксированной установки особое значение имеет следующий факт: в результате воздействия фиксационных объектов у субъекта создается такое состояние, что соотношения по объему (тяжести, величине и т. д.) в критических опытах он воспринимает неадекватно. Тот факт, что изменение восприятия у субъекта происходит после какого-то воздействия, указывает только на то, что изменилось состояние (установка) самого субъекта.

В заключении можно сказать, что психологический механизм вышеописанных иллюзии, в виде установки. в основном был

---

113 Павловские среды, т. III, М.—Л., Издательство АН СССР, 1949.

114 Бериташвили И. С. Основные формы нервной и психонервной деятельности. Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1947 (на груз. яз.).

изучен Д. Н. Узнадзе, а открытие их физиологического механизма — дело будущего.

9. ОБ ОБМАНУТОМ ОЖИДАНИИ

Выше мы указывали, что теория «обманутого ожидания» имеет определенные преимущества перед теорией Мюллера, но и ее нельзя считать удовлетворительной, так как она не может объяснить, например, факт фиксированной установки, полученный в состоянии гипнотического сна.

Как было указано выше, эти эксперименты проводились следующим образом. У испытуемого вызывают состояние гипнотического сна и над ним проводят обычные установочные опыты: в одну руку подают большой шар, в другую — малый (10—15 экспозиций) и при посредстве «рапорта» дают задание сравнить их. Затем экспериментатор, не удовлетворяясь известным эффектом обычной постгипнотической амнезии (заключающимся в том, что после пробуждения испытуемый ничего не помнит о том, что произошло во время гипнотического сна), специально внушает испытуемому, что он должен забыть обо всем, происходящем во время сна. После этого его переводят в другую комнату, будят от гипнотического сна и проводят над ним т. н. критический опыт.

Выясняется, что, несмотря на то что субъект ничего не помнит о происшедшем во время гипнотического сна и, следовательно, не имеет никаких ожиданий, у него появляются контрастные иллюзии.

При анализе этих факторов следует обратить внимание на одно обстоятельство. Согласно концепции З. Фрейда, бессознательное психическое может быть изучено именно в условиях постгипнотического состояния. З. Фрейд обращает внимание на тот факт, что **в гипнотическом состоянии индивид задание воспринимает и выполняет сознательно, и, следовательно, цель, поставленная перед ним во время его гипнотического сна, отражается в его сознании.** После же пробуждения, по мнению З. Фрейда, эта цель переходит в бессознательное и до самого своего осуществления продолжает существовать в виде бессознательного психического (бессознательные намерения, цели, ожидания и т. п.). Таким образом, по Фрейду, здесь психическое явление сначала (во время гипнотического сна) сознательно и лишь впоследствии переходит в бессознательное.

Если с этой точки зрения рассмотреть опыты, проведенные Д. Н. Узнадзе в условиях, когда испытуемый находился сперва в гипнотическом, а потом постгипнотическом состоянии, то окажется, что они недостаточны для того, чтобы полностью опровергнуть теорию «обманутого ожидания». Испытуемые Д. Н. Узнадзе, находясь в состоянии гипнотического сна, все же **сравнивают** шары друг с другом, и у них, согласно теории Фрейда,

после нескольких экспозиций может возникнуть сознание того, что в правой руке ожидается опять большой шар, а в левой — вновь малый. Именно это **ожидание,** хотя оно после пробуждения переходит в бессознательное ожидание, может обусловливать возникновение иллюзий в критическом опыте.

Таким образом, вышеописанные эксперименты Д. Н. Узнадзе, правда, доказывают, что в иллюзиях Фехнера полностью исключено участие сознательного ожидания, однако не исключают возможности его участия в бессознательной форме.

Мы попытались провести экспериментальное исследование по вышеописанному методу «опознавания материала», представляющее полную аналогию экспериментов Д. Н. Узнадзе в условиях гипнотического и постгипнотического состояния испытуемого, однако в наших экспериментах перед испытуемым, находящимся в состоянии бодрствования, не ставилась задача **сравнить** объекты по их величине, и тем самым исключалась возможность возникновения в субъекте состояния как сознательного, так и бессознательного **ожидания**[115]. Достигалось это тем, что мы отвлекали сознание испытуемого от отношения величин (объемов) и направляли его в другую сторону.

Как мы видели, и в этих условиях возникли контрастные иллюзии фиксированной установки. Следовательно, контрастные иллюзии, как показатели наличия фиксированной установки, возникают без участия фактора ожидания, сознательного или бессознательного: в наших опытах вся активность испытуемого направлена на опознавание материала, и у него нет никакого ожидания получать объекты, отличающиеся друг от друга по объемам.

10. К ВОПРОСУ О ПОТРЕБНОСТИ

И, наконец, при анализе результатов, полученных в экспериментах по методу «опознавания материала», закономерно возникает вопрос: если для возникновения установки необходимы потребность, с одной стороны, и наличие ситуации, соответствующей этой потребности с другой, то как же в наших опытах, где у субъекта нет потребности сравнивать подаваемые объекты по тяжести, объему или плотности, может возникнуть установка?

Приводим такой пример: когда мы переходим мелководную речку, то стараемся наступить ногами на как можно подходящие камни в ней, однако, если бы мы оценивали в отдельности все камни, которые видны в воде, и лишь после этого заключали на который из них ступить ногой, то мы через два-три шага

---

[115] Григолава В. В. Контрастная иллюзия, бессознательное и установка. — Журн. Вопросы психологии, № 3, 1977, с. 24—32.

обязательно упали бы в воду. В действительности же, нам и здесь на основе восприятия, направленного соответствующей установкой, удается установить отношения между наблюдаемыми в воде камнями и благополучно переправиться на другой берег.

Именно это и происходит в наших опытах, проведенных по методу «опознавания материала». Применяемые в них шары отличаются друг от друга по объему, тяжести и плотности, и испытуемый без помощи сознания (на уровне установки) тут же схватывает отношения, существующие между шарами по вышеуказанным характеристикам. В противном случае, т. е. при отсутствии отражения этих отношений хотя бы на уровне установки, мы не смогли бы получить эффекты установки — контрастных иллюзий.

Следовательно, в опытах по методу «опознавания материала» участие потребности (субъективный фактор установки) несомненно, однако она представлена не на уровне объективации, а на уровне установки.

Таким образом, в психике человека потребность может быть представлена как на уровне объективации, так и на уровне установки, т. е. без осознания.

Тот факт, что установки имеются и у животных, указывает, что для возникновения установки нет необходимости в том, чтобы потребность было осознана. Следовательно, между установками человека и животного, составляющими психологическую основу их целесообразного поведения, имеется не пропасть, а соответствие.

Основная идея теории установки Д. Н. Узнадзе, как уже было сказано, состоит в следующем: под влиянием объективной ситуации у живого существа формируется та или иная конкретная потребность, и, когда объективная среда становится условием удовлетворения этой потребности, в организме возникает своеобразное состояние — установка, после чего всякое поведение этого живого организма обуславливается этой установкой. «То специфическое состояние, — пишет Д. Н. Узнадзе, — которое возникает в субъекте под влиянием потребности и объективной ситуации, можно назвать установкой»[116].

Следует еще раз подчеркнуть, что объективная среда и ситуация в психологии установки Д. Н. Узнадзе не являются тождественными понятиями. Объективной средой является все, существующее вокруг нас и независимо от нас, — предметы, которые в соответствующих условиях способны оказать воздействие на наши органы чувств. Однако с того момента, как произойдет «ассимилирование» объективной среды на основе потребности, она перестает быть обычной средой и превращает-

---

[116] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, 1964, с. 87 (на груз. яз.).

ся в ситуацию, в которой можно будет развертывать ту или иную активность организма. Следовательно, ситуация является нераздельным единством живого организма (субъекта) и объективной среды, и она в этом отношении существенно отличается от той материи, той среды, которая существует вне нас и независимо от нас.

Как уже было сказано, для возникновения установки необходимо наличие не только потребности, но и среды, соответствующей этой потребности — ситуации. Установку в живом организме вызывает «встреча потребности и соответствующей ей объективной ситуации»[117]. К. Маркс указывал, что «потребление создает потребность как свой внутренний предмет, которая, в отличие от потребности животного, является сознательной. Если животное только устанавливает отношения со средой как с условием удовлетворения актуальной потребности, то человек в соответствующих условиях отражает это отношение в своем сознании. Та или иная организация материальной жизни зависит, конечно, каждый раз от развившихся уже потребностей, а порождение этих потребностей, равно как и их удовлетворение, само есть исторический процесс, которого нет у овец и собак»[118].

Положение К. Маркса о том, что «потребление создает потребность», прежде всего, указывает на то, что без потребления у человека (и у животного) не могла бы возникнуть ни одна потребность.

Если иногда в теории установки значение субъективного фактора (потребности) несколько переоценивается, то в этом повинна не сама теория установки, а тот эксперимент, который неточно отражает объективное положение вещей.

Фундаментальное значение ситуации в возникновении установки всегда особенно подчеркивал Д. Н. Узнадзе. Он писал: «Развитие ребенка в каждом периоде определяется его социально обусловленной возрастной средой»[119]. Таким образом, основой поведения любого живого организма являются социальная или биологическая среда.

По этому вопросу заслуживает внимания взгляд И. П. Павлова. Он пишет: «Факт совершенно очевиден — это есть общепризнанное основное свойство живого вещества — приспособляться или, как я предпочитаю выражаться, постоянно уравновешиваться с окружающим миром, т. е. в интересах целости и благосостояния данной системы живого существа вступать

---

[117] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, 1964, с. 87 (на груз. яз.).

[118] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология, М., 1947, с. 61.

[119] Узнадзе Д. Н. Детская психология, Тбилиси, 1947, с. 26 (на груз. яз.).

в связь с новыми условиями, иначе говоря, на ранее индифферентные агенты отвечать определенной деятельностью»[120].

Таким образом, согласно взгляду И. П. Павлова, у живого организма прирожденным свойством является сохранение уравновешенного состояния по отношению к среде, а какие из него будут формироваться потребности, посредством которых он сумеет уравновешиваться по отношению к среде, это всецело зависит от среды. Ни один организм не рождается с готовой потребностью поедать хлеб или клевать зерно. Единственное, что является прирожденным у живого организма, это те механизмы, посредством которых он должен установить свое отношение со средой: новорожденное млекопитающее осуществляет движения сосания, а птица, например цыпленок, начинает клевать и т. д. Но как только ребенок получит молоко, а цыпленок — зерно, у них возникают потребности именно в молоке и пшеничном зерне.

«Возьмем цыпленка, — говорит И. П. Павлов, — который проделывает движение (сейчас же после того, как вышел из скорлупы) на всякое раздражение, попадающее ему в глаза,— от маленького предмета до пятна на плоскости, на которой ходит»[121].

На такое же положение вещей указывает и И. С. Бериташвили[122].

И. Цитович в течение 8 месяцев кормил щенков только молоком. После этого они совершенно не реагировали на мясо или на другой корм, и только молоко вызывало в них как безусловный, так и условный рефлексы.

Учитывая эти экспериментальные данные, И. П. Павлов высказывает следующее положение: «Безусловный рефлекс — до известной степени слепой — становится как бы зрящим благодаря тому, что сигнализируется массой внешних раздражений, не имевших ранее к нему никакого отношения»[123].

Следовательно, та или иная потребность живого организма формируется под непосредственным воздействием среды и в зависимости от того, какова среда, формируются и потребности у живого организма. Для импульсивного поведения характерно то, что, во-первых, оно вытекает из источника актуальной потребности и, во-вторых, его определяет та установка, которую создает ситуация[124].

---

120 Павловские среды, т. I, М., 1949, с. 102.

121 Там же, с. 24.

122 Бериташвили И. С. К физиологии поведения на сложный раздражитель. — Физиологический журнал им. Сеченова, вып. 6, 1929, с. 38.

123 Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных. М., 1951, с. 387.

124 Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Мецниереба, 1964, с. 174 (на груз. яз.).

Следовательно, та или иная часть объективной среды — продукты питания или другие предметы потребления — постепенно превращаются в ситуацию и остаются ею для живого существа до конца его жизни. Чем выше организм стоит на ступенях развития, тем разнообразнее продукты питания, способные удовлетворить его биологические потребности: амеба может усваивать только определенные биологические клетки, а человек — множество продуктов, порою и таких, какие не были знакомы его предкам в глубоком филогенезе.

Можно заключить, что установка является таким свойством организма, которое дает ему возможность и без осознания осуществлять целесообразное поведение, т. е. сохранить уравновешенное положение по отношению к среде.

Что касается потребности, она в дело формирования установки включается не самостоятельно, а вместе с ситуацией (точнее в виде ситуации), так как в самой ситуации даны всякие предметы потребности живых организмов.

«Концепция Узнадзе — пишет А. С. Прангишвили — исходит из постулата, лежащего в основе трехчленной схемы анализа деятельности, согласно которой всякое поведение, как бы и где бы оно ни возникло, определяется воздействием окружающей действительности не непосредственно, а прежде всего опосредованно, через целостное отражение этой последней в субъекте деятельности. Значит, психология должна приступить к своим исследованиям с изучения субъекта деятельности. В активные отношения с действительностью вступает субъект, а не отдельные акты его психической деятельности, являющиеся лишь модификациями субъекта деятельности»[125].

---

[125] Прангишвили А. С. Проблема бессознательного в психологической концепции установки. — Психологический журнал, т. I, № 6, 1980.

ГЛАВА II

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ, НЕОСОЗНАННОЕ И УСТАНОВКА

1. ПРОБЛЕМА ВЫРАБОТКИ ФИКСИРОВАННОЙ УСТАНОВКИ НА НЕОСОЗНАННЫХ И НЕВОСПРИНЯТЫХ РАЗДРАЖИТЕЛЯХ

Проблема воздействия невоспринятого раздражителя на психику субъекта, выявляемого в эксперименте по выработке фиксированной установки и подтвержденного впервые Б. И. Хачапуридзе, несомненно актуальна и нуждается в дальнейшем экспериментальном изучении. Однако следует отметить, что постановка этой проблемы в психологии установки имеет свою предысторию, связанную также с многолетней научно-исследовательской деятельностью Б. И. Хачапуридзе.

Как известно, (об этом говорилось и выше), Б. И. Хачапуридзе провел специальные эксперименты для доказательства положения, что у испытуемого не вырабатывается фиксированная установка, если он не обращает особое внимание на фиксационные предметы (большой и малый круги), если внимательно не воспринимает их взаиморасположение в пространстве[1].

Такого взгляда придерживался и Д. Н. Узнадзе, особенно до 1949 года, и считал, что если испытуемый сознательно не сравнивает друг с другом шары в фиксационном опыте, то у него не вырабатывается фиксированная установка.

Когда выработка фиксированной установки происходит на качественном материале, мы полагаем, что необходимо, чтобы субъект не только переживал, но и осознавал отношение воздействующих раздражителей*.

Известные опыты З. Н. Ходжава, проведенные методом т. н. «нейтрального шрифта», выявляют необходимость осознания раздражителей для выработки установки: если испытуемый не

[1] Хачапуридзе Б. И. Дидактнческие материалы и игры в связи с иекоторымн задачамн дошкольного воспнтания. Тбилиси, 1939 (на груз. яз.).

* Явиым подтверждением этого является хотя бы известный феиомен Радославича, когда испытуемый, несмотря иа многократные повтореиия, ие смог запомнить ряд бессмысленных материалов, ибо он не ставил целью их запомннаиие (см. Узнадзе Д. Н. Общая психология, Тбилисн, 1964 (на груз. яз.).

читает фиксационные слова или как латинские или как русские, то и установка не может у него возникнуть[2]. То же подтверждалось и в наших опытах, когда мы старались выработать у субъекта фиксированную установку чтения на латинском языке без осознавания раздражителей (латинские буквы) в фиксационных опытах. Несмотря на то, что в наших экспериментах были созданы все **объективные** условия для беспрепятственного восприятия испытуемыми латинских и русских букв, **субъективный** фактор оказался настолько сильным, что мы не могли обнаружить и следа восприятия латинских букв у испытуемых (подробно об этом речь пойдет ниже).

За опытами Д. Н. Узнадзе и Б. И. Хачапуридзе последовали наши эксперименты, фактически подтвердившие положение, выдвинутое Д. Н. Узнадзе в результате экспериментов, проведенных над испытуемыми, находящимися в гипнотическом и постгипнотическом состоянии[3]. В частности, нами было экспериментально доказано, что и в случае неосознания субъектом отношений существующих между объектами, эти отношения, если они систематически и с определенной последовательностью воздействуют на субъект, все же вызывают в нем соответствующую установку[4].

Об этом подробно мы говорили выше и здесь ограничимся сказанным. Отметим только, что Б. И. Хачапуридзе существенно изменил свою точку зрения, когда впоследствии доказывал возможность создания фиксированной установки у человека на невоспринимаемых раздражителях[5].

Что невоспринимаемые раздражители в соответствующих условиях воздействуют на человека и обусловливают его поведение — это общеизвестно и не вызывает спора: на нас действует воздух, которым мы дышим, температура воздуха, воспринимаемая кожей, притяжение земли и т. д. Мы не воспринимаем воздействие воздуха, а просто дышим им, не воспринимаем притяжение земли, а свободно ходим по земле и т. д. Но если воздуха не стало хватать или изменилось притяжение земли (например, в космосе), только тогда мы чувствуем изменение, происшедшее в объективной среде, и только в таких случаях воспринимаем его. Это — истина, о которой в науке никто не спорит.

---

[2] Ходжава З. И. Проблема навыка в психологии. Тбилиси, Мецниереба, 1960

[3] Узнадзе Д. Н. К теории постгипнотического внушения. — Труды Института функциональных нервных заболеваний, т. I, 1935 (на груз. яз.).

[4] Григолава В. В. Некоторые условия выработки установки на количественное отношение. — Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. кандидата психологических наук, Тбилиси, 1956.

[5] Хачапуридзе Б. И. Проблемы и закономерности действия фиксированной установки. Тбилиси, 1962.

Однако, когда Б. И. Хачапуридзе говорит о возникновении фиксированной установки под воздействием невоспринимаемого раздражителя, он имеет в виду совершенно иное, Он считает, что бывают случаи (и это существенно), когда посредством рецепторов человек не постигает сути раздражителя, не воспринимает его, и тем не менее этот невоспринимаемый объективный раздражитель вызывает в нем соответствующую установку. Конкретная экспериментальная обстановка, предлагаемая Б. И. Хачапуридзе, такова: испытуемому с такой скоростью показывают два неравных круга, что он не успевает воспринять их и, следовательно, не может дать отчета в том, что они из себя представляют. Несмотря на это, после 15—20 повторений подобных экспозиции (фиксационный опыт), в критическом опыте испытуемый, если будем следовать опытам Б. И. Хачапуридзе, равные круги воспринимает неравными, именно контрастно, как это бывает в обычных опытах по выработке фиксированной установки.

Эти опыты впоследствии были повторены и другими, но пока нет убедительных результатов. Считают, что выяснение этого вопроса, т. е. вопроса о воздействии невоспринимаемого раздражителя на психику человека, может пролить свет на затруднение, якобы имеющееся в теории установки Д. Н. Узнадзе.

Здесь же следует отметить, что этой трудности в свое время коснулся сам Д. Н. Узнадзе и, по нашему мнению, вполне удовлетворительно решил, не прибегая ни к каким невоспринимаемым раздражителям.

В чем же эта трудность?

Согласно теории Д. Н. Узнадзе, для того, чтобы живой организм осуществил целесообразные действия, необходимы наличие потребности у него и объективные условия удовлетворяющие эти потребности (ситуация). Если наличествуют оба отмеченных компонента, у живого организма создается состояние, которое Д. Н. Узнадзе называет установкой, и именно это последнее (установка) определяет поведение живых организмов: «Возьмем к примеру случай какой-нибудь четко выраженной потребности: скажем, меня беспокоит сильная жажда и в таком состоянии я прохожу около места, где продаются прохладительные напитки и где, между прочим, мне каждый день приходится проходить. Сейчас я чувствую, что прохладительный напиток привлекает меня, будто тянет к себе... Как только я удовлетворяю жажду, вода для меня теряет всякую силу притяжения, и если теперь в этом состоянии буду проходить около этого места, порою я даже не замечаю его»[6].

---

[6] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 270 (на груз. яз.).

Как отмечает Д. Н. Узнадзе «на это явление и раньше обратили внимание (Aulforderungscharafer — К. Левина), однако оно не было надлежащим образом понято и использовано в науке. Анализ этого явления показывает, что перед нами явление, которое имеет очень большое принципиальное значение и которое надлежащим образом должно быть использовано... в психологии»[7].

Именно здесь встает один нуждающийся в выяснении вопрос, в частности: для того, чтобы у живого организма, имеющего потребность, возникла установка, соответствующая этой потребности, необходимо или нет, чтобы он заметил, воспринял предмет, способный удовлетворить его потребность? Если на этот вопрос ответить утвердительно, то выходит, что в случае наличия актуальной потребности и объекта ее удовлетворения, субъект должен воспринять этот объект, чтобы создалась установка и на ее основе он смог осуществить соответствующие акты поведения. Следовательно, выходит, что восприятие объектов, связанных с поведением, происходит раньше чем формируется установка к этому поведению.

Однако, «факт восприятия, — как говорит Д. Н. Узнадзе,— не может предшествовать его установке. Он может ему только сопутствовать. Для того чтобы субъект... совершил акт восприятия... прежде всего... в субъекте должна возникнуть установка этого восприятия»[8].

«Таким образом, — продолжает Д. Н. Узнадзе, — **восприятие** должно быть понято, с одной стороны, как состояние, **предшествующее** акту установки (подчеркнуто мною — В. Г.), а с другой стороны, как переживание, сопутствующее ему; однако возможно ли это?»[9]

На этот вопрос Д. Н. Узнадзе дает положительный ответ, считая, что «в этом случае перед нами две разные ступени способности активности нашего восприятия»[10].

Д. Н. Узнадзе пишет: «если допустим, что на наш орган чувства раздражитель действует непосредственно... и касается только его, органа чувства, в таком случае, естественно думать, что на этот раздражитель реагирует не субъект, не личность, а только орган, который раздражается»[11], так, что это не касается установки субъекта.

---

7 Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 271 (на груз. яз.).

8 Там же, с. 275.

9 Там же, с. 275.

10 Там же, с. 275.

11 Там же, с. 275

Д. Н. Узнадзе указывает, что такое положение встречается на самом деле, и яснее всего оно наблюдается в момент пробуждения спящего субъекта: «Просыпаясь... от воздействия сильного слухового раздражителя... мы не переживаем это впечатление как нечто такое, что извне действует на нас, мы его переживаем как состояние органа слуха, как шум в ушах, а не как звук, идущий от окружающего мира»[12]. Д. Н. Узнадзе считает, что такое состояние возникает не только в момент пробуждения, но оно вообще характерно для живого организма и, в частности — человека, и всякое восприятие начинается именно с этого состояния. Эту ступень восприятия Д. Н. Узнадзе называет «ступенью чувствования действующего извне раздражителя или — точнее — ступенью ощущения[13]. Следовательно, первая ступень восприятия, согласно Д. Н. Узнадзе, начинается с чувствования раздражителя, ощущения, а «для осуществления действительного восприятия необходимо подключение субъекта, необходимо участие личности, имеющей определенную установку... В таких условиях в активность должен включиться субъект как целостный живой организм»[14].

Д. Н. Узнадзе заключает: «Восприятие, полученное на такой основе, действительно, законченное восприятие и мы должны рассматривать его как последующую ступень перцептивной способности живого организма»[15].

Как мы видим, Д. Н. Узнадзе четко анализирует обстоятельства, обусловливающие восприятие живым организмом внешнего раздражителя как объекта удовлетворения потребности, и не считает нужным для решения проблемы введение понятия «невоспринимаемого раздражителя».

По нашему мнению, процесс восприятия каждого конкретного предмета у человека (и, по-видимому, у животных) протекает следующим образом: видимо, новорожденный ребенок имеет не потребность (даже хотя бы потребность в самозащите), а свойство, как указывает И. П. Павлов, быть уравновешенным по отношению к среде. Это свойство толкает его к совершению более или менее целесообразных действий, чтобы найти материнскую грудь и этим путем сохранить свое существование, уравновеситься по отношению к среде. Эти действия первоначально осуществляются слепо, без всякого восприятия. Новорожденный ребенок в окружающей среде ничего не воспринимает, он устанавливает с ней только «практическую связь: делает сосательные движения, опираясь на инстинкт (безусловный рефлекс, согласно И. П. Павлову), а что касается восприятия гру-

---

[12] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 276.

[13] Там же, с. 276.

[14] Там же, с. 277.

[15] Там же, с. 277.

ди матери, оно формируется постепенно. Первичный контакт новорожденного ребенка со средой таков вообще: он постепенно учится видеть, воспринимать и понимать все предметы. Вот, что говорит по этому поводу И. М. Сеченов: «Сфера ощущений у новорожденного тоже небогата потому, что он не умеет ни смотреть, ни слушать, ни осязать. Доказательство этому очень простое: во всех этих актах необходима деятельность определенных групп мышц, которыми ребенок не умеет управлять при рождении. Например, чтобы видеть предмет, лежащий перед глазами, необходимо прежде всего направить обе оси зрения так, чтобы они пересекались на предмете; это же возможно лишь при помощи мышц, ворочающих глаза во все стороны. У ребенка этого искусства при рождении нет: глаза его смотрят всегда неопределенно, т. е. ни на чем не останавливаются. Нюхательных движений тоже, конечно, никто не видал на рабенке. И тому, и другому он, однако, со временем выучивается»[16].

Таким образом, в процессе развития ребенок познает форму и другие свойства предметов, постигая эти свойства сначала на «практическом», а затем на понятийном уровне. После того, как субъект овладевает предметами, разбирается в их сущности и производит их категоризацию, воспринимаемые предметы фиксируются в сознании; а после того, как каждый из них становится настолько знакомым, что для каждого акта их восприятия нет необходимости в объективации, — образ предмета из сферы объективации перемещается в сферу установки и впоследствии субъект и без участия сознания устанавливает с ним практическую связь. Когда у субъекта, имеющего ясные представления об окружающих предметах, возникает определенная потребность, он ищет средства ее удовлетворения. Если он в окружающей среде заметит встречавшийся ранее предмет, то теперь он сразу же воспринимает его как предмет, удовлетворяющий определенную потребность, и возникает установка соответствующего действия. Но если он воспринимает незнакомый ему предмет, то он или проходит мимо этого предмета, или же объективирует его. Таковы взаимоотношения между восприятием и установкой в психике человека, обуславливающие равновесие его со средой.

2. ВОПРОС О НЕОСОЗНАННОМ ВОСПРИЯТИИ

Неосознанным может быть раздражитель, в реальности (воспринимаемости) которого мы не сомневаемся, но тем не менее он остается «неосознанным», т. е. вызывает соответствующую психическую реакцию в нашем органе зрения, слуха или осязания и т. д., но не отражается в нашем сознании. Мы иногда

[16] Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М., 1952, с. 107—108.

совершаем действия: обходим препятствия, поднимаемся по лестнице и не замечаем ни препятствия, ни лестницы, проходим мимо знакомого человека, не воспринимаем его как знакомого, читаем целый абзац книги и в сознании не остается ничего. Словом имеется много случаев, когда как-будто несомненно воспринимается тот или иной предмет, однако он не отражается в сознании.

Как отмечает американский психолог Канеман, когда вы, например, ведете машину, большая часть связанных с этим стимулов подвергается, очевидно, распознаванию, иначе вы съехали бы в кювет. Тем не менее, нередко человек, управляющий машиной, одновременно прислушивается к разговору, который ведут его пассажиры. Он осознает разговор и не осознает всего того, что он делает с машиной, но между тем дороге уделяет, по крайней мере, некоторую часть своего внимания (D. Kahnemann. Attention and Effort. см. в книге Р. Клацки[17]).

Выходит, что в подобных ситуациях сознание функционирует в одном направлении, а внимание — в другом. Подобный взгляд мы можем разделить или нет, но нельзя сомневаться в том, что описанный факт соответствует действительности.

Говоря «не сомневаемся в восприятии предметов и явлений», мы имеем в виду не только попадание на сетчатку глаза раздражителя, идущего от предмета или явления, но и восприятие в прямом значении этого слова. Проходя мимо трактора в тесной улочке, мы можем «не заметить», «не увидеть» этот трактор. Но мы ставим вопрос: действительно ли мы не восприняли, не заметили трактор или случилось нечто другое? Надо думать, что трактор мы как-то заметили; на это указывает тот факт, что мы не столкнулись с ним (в тесной улочке это было бы вполне возможно), а обошли его; однако, справедливо думать и другое: правда, мы заметили какой-то предмет, обошли что-то, однако это мы не восприняли как трактор, т. е. ощущение было лишено категориальности и поэтому его нельзя считать восприятием.

Если психологически проанализировать этот пример, то следует признать, что в данном конкретном случае мы имеем дело именно с восприятием а не с простым замечанием, как иногда считают. Почему?

Если бы на месте трактора лежала огромная овчарка, вряд ли мы так спокойно прошло мимо нее. Мы еще издалека восприняли бы ее, осознали и постарались либо обойти ее, либо вообще отказаться от запланированного действия. Трактор конечно так же был воспринят, как была бы воспринята овчарка, но мы его не осознали, не было нужды в этом. Следовательно можем допустить, что к объективации, повторному воспри-

---

[17] Клацки Р. Память человека. М., 1978, с. 105.

ятию предмета человек прибегает не только тогда, когда его действие наталкивается на препятствия, а всегда, когда имеется социальная или биологическая необходимость в этом.

Такое положение вещей имеет в виду Д. Н. Узнадзе, когда указывает на два плана действия психики и считает, что план установки позволяет полностью понять природу подобных, неосознанных поступков.

3. РОЛЬ УСТАНОВКИ И ОБЪЕКТИВАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ВОСПРИЯТИЯ

«Каждый живой организм, особенно человек, постоянно находится под воздействием разнообразных впечатлений. Но известно, что из этих впечатлений только вполне ограниченное число достигает до ясного сознания... В психике человека происходит некоторый специфический процесс, выявляющийся в том, что наша психическая энергия направляется на определенные содержания, концентрируется на них и этим обеспечивает их ясность и четкость. Этот психический процесс известен под названием внимания»[18].

Д. Н. Узнадзе указывает, что, несмотря на однозначное определение понятия внимания почти всеми психологами, редко можно встретить другую проблему, которая вызывала бы столь разноречивые толкования. Дело доходит до того, отмечает Д. Н. Узнадзе, что некоторые психологи вообще отвергают понятие внимания, когда другие, наоборот, его считают одним из основополагающих понятий.

Общепринятое определение внимания, как справедливо указывает Д. Н. Узнадзе, касается не сущности внимания, а его функции.

Известно, что уровень отчетливости содержаний сознания то высок, то низок, и полагают, будто именно внимание определяет этот уровень. Однако в определении внимания ничего не сказано о том, чем этот процесс является психологическим. Как указывает Д. Н. Узнадзе, в выяснении нуждается именно это, т. е. внимание как **процесс**.

Ассоциативная психология ничего специфического, отличающегося от сознания, не усматривает в этом психологическом процессе, якобы лежащем в основе отчетливости содержания сознания. Согласно этому направлению, восприятие должно быть понято так, как и все другие психологические факты, т. е. как ассоциационный процесс. Гештальтпсихология вообще не считает внимание научным понятием и полагает, что отчетливость содержаний сознания определяется не какой-то идущей

---

[18] Узнадзе Д. Н. Проблема сущности внимания. — Психология. Труды Института психологии АН ГССР, т. 4, Тбилиси, 1947, с. 139 (на груз. яз.).

от субъекта специфической силой (вниманием), а закономерностями гештальтности восприятия. В первую очередь, в качестве закономерностей, определяющих отчетливость восприятия, гештальтпсихологи называют закономерности «фигуры» и «фона».

Один из крупных представителей гештальтпсихологии К. Коффка во внимании не видит ничего специфического и считает его частным случаем т. н. моторной установки.

Как правильно отмечает Д. Н. Узнадзе, ни ассоциативная психология, ни гештальтпсихология не считают понятие внимания научным понятием и пытаются изгнать его из психологии. Правда, они однобоко подходят к вопросу о функции внимания, однако очевидно и то, что удовлетворительное научное определение понятия внимания не смогла дать и традиционная психология. Восполнить этот пробел пытается теория Д. Н. Узнадзе об объективации.

Д. Н. Узнадзе доказывает, что ни один из трех моментов традиционного определения внимания (ни **выбор**, ни **концентрация** психологической энергии и вследствие этого **ясное** представление содержаний) нельзя непосредственно связать с самим понятием внимания, так как они полностью совпадают с понятием усиленной активности основных форм наших психических функций — восприятия, представления и мышления и не содержат в себе ничего другого. Таким образом, понятие внимания как **концентрация психической энергии**, как усиленная работа в определенном направлении и как ясность, отчетливость содержаний сознания, совершенно лишнее и, если оно (внимание) не имеет другой особой функции, то ему нет место в психологии.

Д. Норман указывает, что единственной опорой памяти является внимание и что это было известно еще с незапамятных времен. Он пишет: «Первые люди, занимающиеся искусством развития памяти, понимали, что внимание является предпосылкой памяти. В 400 году до н. э. записанные правила для развития памяти содержали такого рода утверждения: «Это первое условие — если Вы обращаете внимание, рассудок лучше воспримет вещи, проходящие через него»[19].

У. Джемс так определяет понятие внимания: «Фокусировка, концентрация сознания является сущностью внимания. Оно подразумевает уход от каких-то предметов для того, чтобы эффективно иметь дело с другими»[20].

Современные исследователи внимания — Д. Бродбент, А. Тресмен и многие другие определяют функцию внимания селекцией, концентрацией и ясным освещением наподобие традиционной психологии, и если какой-нибудь корректив вносят

---

[19] Norman D. A., Memory and Attention. N. Y., 1969, p. 1.

[20] James W., The Principles of Psychology, N. Y., 1890, p. 403.

в традиционное понимание внимания, то это касается какого-нибудь компонента, а не сущности внимания.

Согласно Бродбенту, «человек производит отбор среди различных источников информации, поступающей к его органам чувств, на основе физической характеристики информации»[21].

Что посредством внимания субъект производит отбор, об этом большинство психологов сегодня не спорят. Вопрос заключается только в том, физический фактор играет решающую роль в отборе или психический. Бродбент предпочтение отдает физическому фактору.

Как пишет Д. Норман, «решающий эксперимент по этому поводу был проделан двумя студентами — Греем и Уеддерберном (Оксфорд, 1960). Они отвергали идею Бродбента, что внимание основано на физических характеристиках сенсорных каналов, и предположили, что психологические свойства играют важную роль при отборе. Их эксперименты были просты по идее, но результаты были разрушительными для теории Бродбента»[22].

Этот опыт проводился следующим образом. Испытуемым, имеющим нормальный слух, посредством специальных наушников подавались слова так, что если один слог слова попадал на правое ухо и через него передавался в слуховой центр, то второй слог он воспринимал левым ухом, пока слово не заканчивалось. Например, первый слог слова „disadventage", „dis" испытуемому подавался в правое ухо, второй слог „ad"— в левое, следующий слог „ven" — опять в правое и т. д. К тому же, между слогами не было никакого временного интервала.

Если мы допустим, говорит Норман, что внимание основывается не на психологических характеристиках, а на физических характеристиках сенсорных каналов, как это предполагает Бродбент, то испытуемые никак не могли бы последовательно воспроизвести слоги, подаваемые поочередно в левое и правое ухо, т. е. не смогли бы воспринять их как слова, так как эти испытуемые не переключали (и не могли переключать) внимания с одного уха на другое, а просто слушали обыкновенные слова. А это, согласно теории Бродбента, непонятно, так как самостоятельно, сами по себе, без объединяющего, т. е. без субъекта, никакие физические каналы не могли объединить слоги в слова[23].

Однако и Норман, со своей стороны, исключает роль личности в этом процессе и считает, что «свойства поступающих сообщений анализируются последовательно нервной системой, начиная с общих физических свойств»[24].

---

[21] Broadbent D. E., Perception and Communication, London, 1958, p. 298.

[22] Norman D. A., Memory and Attention, N. Y., 1969, p. 26.

[23] Там же, с. 26.

[24] Там же, с. 30.

Подобное механистическое толкование внимания неприемлемо для материалистической психологии.

И. М. Сеченов характеризует внимание следующим образом: «Внимание выражается, в самом деле, ясностью ощущения от того образа, на который обращено внимание (на который смотрят, на который направлены зрительные оси глаза) и тупостью к окружающим, доходящей иногда до полного исчезания их из поля зрения»[25].

Как мы видим, эти авторы основной функцией внимания считают селекцию, и острая дискуссия касается только того, как это удается вниманию.

У. Джемс функцию выбора приписывает не вниманию, а сознанию. Перечисляя свойства сознания (он называет четыре основных свойства сознания), одним из его свойств он считает то, что оно «одни объекты... воспринимает хорошо, другие — отвергает; вообще делает между ними выбор»[26].

А. А. Смирнов так определяет внимание: «На человека непрерывно действует много предметов и явлений, обладающих разными свойствами. Из всего этого в каждый момент ясно отражается им только немногое. Все остальное или вовсе не замечается, или подмечается смутно, неопределенно.

Восприятия... носят избирательный характер. Они всегда представляют собой выделение из всего, что воздействует на человека, объектов, которые отражаются более ясно... То же самое характерно для всех видов психической деятельности. Припоминая или думая, человек сосредоточивается на том, что относится к вспоминаемому или обдумываемому им, отвлекаясь от всего, что не связано с предметом воспоминаний или мыслей. Это выделение одних объектов отражения с одновременным отвлечением от всего остального и представляет собой внимание к этим объектам»[27].

Согласно теории Д. Н. Узнадзе об объективации, сущность внимания не заключается в его селекционном характере; оно функция объективации: то, что объективируется субъектом, определяет направление всякого внимания, и это делает не та или иная психическая функция, а субъект как целостно-личностная единица.

Д. Н. Узнадзе указывает, что все три традиционных признака внимания (концентрация психической энергии, усиленная активность и ясность содержания) объединены в понятии **ясности содержания**, так как две остальные служат именно это-

---

[25] Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М., 1952, с. 110.

[26] Джемс У. Психология. С. Петербург, 1902, с. 113.

[27] Психология. Под редакцией А. А. Смирнова (главный редактор), А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и Б. М. Теплова. М., Учпедгиз, 1956, с. 180.

му последнему (ясности содержания) и если в психической жизни человека найдутся случаи, когда нельзя было бы сомневаться в ясности того или иного психического содержания и вместе с тем исключалось участие в них внимания (в традиционном понимании), то выявилась бы несостоятельность традиционного понятия внимания.

Наша повседневная и обычная деятельность (когда мы одеваемся, выключаем электричество и т. д.) проходит, в основном, без участия внимания и здесь нет места для сомнения. Вместе с тем, если субъект ясно, отчетливо не воспринимал бы тех предметов, которыми он пользуется в обычной своей деятельности, то он не смог бы выполнить ни одной операции. К примеру, для того чтобы закрыть замок, он должен хорошо воспринимать и ключ и замок. «Словом, не может быть никакого сомнения в том, что сознание и в случае выполнения механического поведения имеет не мало ясных и отчетливых содержаний»[28].

Согласно Д. Н. Узнадзе, «для внимания характерным должен считаться момент **задержки,** и о внимании говорить можно только там, где перед нами этот признак»[29].

Проанализируем обычное течение поведения человека. Субъект кончил работу и готовится к прогулке, — для этого он должен переодеться; он видит шкаф, приоткрывает его двери и также ясно видит нужную одежду и переодевается. В приведенном примере у субъекта не было ни одного такого восприятия, которое было бы недостаточно для следующего акта поведения, не было ни одного случая, где бы какой-нибудь акт по какой-то причине задержался и был отложен, и субъект был бы вынужден вторично воспринять предметы по той причине, что он вначале с недостаточной ясностью воспринимал то, что было необходимо для акта переодевания. «Следовательно, можем заключить: для того чтобы в нашем сознании возникли ясные и отчетливые содержания, вовсе не требуется активности внимания, видимо, **в основе этого свойства содержания сознания лежит не внимание,** а какой-то другой фактор»[30].

Теперь вопрос ставится так: когда субъект принял определенное решение (скажем, решил прогуляться), почему так случилось, что в его сознание поступили только подходящие моменты ситуации; почему так случилось, что из множества раздражителей окружающего мира только соответствующие моменты ситуации стали воздействовать на него и именно они, а не другие стали ясными содержаниями его сознания?

---

[28] Узнадзе Д. Н. Проблема сущности внимания. — Психология. Труды Института психологии АН ГССР, т. 4, 1947, с. 146 (на груз. яз.).

[29] Там же, с. 148.

[30] Там же. с. 148.

Согласно Д. Н. Узнадзе, на этот вопрос совершенно ясный ответ дает теория установки.

«Мы должны исходить из мысли о наличии двух основных условий, без которых акты поведения человека или какого-либо другого живого существа были бы невозможны. Это, прежде всего, наличие какой-либо потребности у субъекта поведения, а затем и ситуации, в которой эта потребность могла бы быть удовлетворена. Это — основное условие возникновения всякого поведения и прежде всего установки к нему»[31].

Отсюда должно быть ясно, почему из множества раздражителей на субъект воздействуют лишь те агенты, которые предоставляют условие удовлетворения потребности субъекта в каждом конкретном случае: когда субъект, имеющий какую-либо потребность, попадает в соответствующую ситуацию, в нем в каждом конкретном случае возникает или пробуждается определенная установка и его поведение протекает в соответствии с этой установкой. Следовательно, в вышеприведенных примерах тем основным фактором, на основе которого из воздействующих на субъект впечатлений отбираются именно некоторые, несомненно следует считать его актуальную, конкретную установку, установку, которая «в первую очередь и особенно является содержательной категорией»[32].

Что установка является содержательной категорией, это видно и из того, что она всегда возникает на основе конкретной потребности, как это неоднократно отмечает А. С. Прангишвили[33]. Например, если человек голодает, он свой голод утоляет не всем тем, что попадается под руку и чем вообще можно удовлетворить потребность в пище с биологической точки зрения, а только вполне определенными продуктами и в совершенно определенных условиях, обычно подбираемых им тщательно. Например, как бы ни был голоден человек, он в нормальных условиях не возьмет кусок хлеба из сорного ящика.

По-видимому, таково же положение и в случае с животными. Это подтверждается опытом, проведенным американскими учеными. Этот опыт протекал так: голодной собаке показывают кусок мяса, который затем бросают во двор. Собака, зная обходной путь, быстро бежит вниз, во двор. Но там она

---

[31] Узнадзе Д. Н. Психологические исследования, М., 1966, с. 164.

[32] Узнадзе Д. Н. Проблема сущности внимания. — Психология, Труды Института психологии АН ГССР, т. 4, 1947, с. 148 (на груз. яз.).

[33] Прангишвили А. С., Исследования по психологии установки. Тбилиси, Мецниереба, 1967; Прангишвили А. С., 30 лет Института психологии им. Д. Н. Узнадзе Академии наук Грузии, под ред. Прангишвили А. С., Тбилиси, Мецниереба, 1972.

находит не кусок мяса, а хлеб. И собака хоть и понюхает хлеб, но не ест его, а ищет мясо[34].

Правда, этот опыт был проведен с целью изучения представлений собаки, однако в данном случае для нас это не имеет значения. Дело в том, что согласно теории Д. Н. Узнадзе при виде мяса у собаки возникла конкретная установка, готовность к действию — съесть именно мясо, хотя в обычных условиях утолила бы голод и хлебом.

Этот эксперимент указывает на то, что потребность живого организма и установка, возникшая на ее основе, всегда имеют конкретные содержания.

По Д. Н. Узнадзе, если факт выбора определяется установкой, то само собой решается вопрос о концентрации психической энергии на эти содержания и их ясном переживании. Тогда нет сомнения, что основную роль и здесь должна играть установка. И действительно, ничто иное не может означать акт отбора лишь определенного числа из множества воздействующих на субъект впечатлений, как неясное их переживание, их превращение в ясные содержания восприятия. Согласно теории Д. Н. Узнадзе, в случае одной определенной конкретной установки, в соответствии с той потребностью, на основе которой эта установка возникла, содержанием переживания субъекта становится одна сторона окружающей среды, в случае же другой установки — другая сторона. Разумеется психическая энергия субъекта в одном случае должна направляться к одним предметам, а в другом случае — к другим. Что касается остальных внешних раздражителей, они, как совершенно индифферентные, лишены всякого значения для субъекта, остаются вне пределов его ясного переживания. И действительно, это происходит без всякого участия внимания.

В самом деле, традиционное понятие внимания таково, будто внимание выполняет функцию прожектора, для которого все равно, что он освещает. В этом отношении преимущество точки зрения Д. Н. Узнадзе перед традиционным пониманием внимания не вызывает никакого сомнения: «Основным в понятии установки является момент именно содержания, именно значения: установка может существовать лишь к определенному чему-либо, т. е. определенному конкретному содержанию, и один уже факт его существования означает выделение этих содержаний, реализацию этих содержаний: установка, в первую очередь и особенно, является содержательной категорией»[35].

Таким образом, согласно теории установки Д. Н. Узнадзе, можно заключить: когда перед нами импульсивное, повседневное,

---

34 Бериташвили И. С. Основные формы нервной и психонервной деятельности. Тбилиси, Издательство АН ГССР, 1947 (на груз. яз.).

35 Узнадзе Д. Н. Проблема сущности внимания. — Психология, Труды Института психологии АН ГССР, т. 4, 1947. с. 150 (на груз. яз).

обычное поведение субъекта (переодевание, закрытие дверей, выключение света и т. д.), то отбор раздражителей, соответствующих потребности, и их ясное и отчетливое восприятие определяются только на базе установки.

Из всего вышесказанного можно заключить, будто понятие внимания совершенно излишне в психологии и его место должно занять понятие установки. «Несмотря на правомерность такого заключения, положение вещей все же таково, что говорить о психической жизни совершенно невозможно, не применив понятия внимания. Видно, в течение нашей психической жизни есть некий момент или фактор, который нельзя игнорировать и который в нашей обычной речи адекватнее всего обозначается именем «внимание»[36], — заключает Д. Н. Узнадзе.

Допустим, что обычное течение поведения, осуществляемое на основе установки, наталкивается на какое-нибудь препятствие и задерживается последующий акт. Скажем, в замке не поворачивается ключ (пример, приведенный Д. Н. Узнадзе) и не можем закрыть двери. Что произойдет? В это время субъект заново воспринимает замок или ключ или обоих и делает их объектом своего познания. Если до этого восприятие ключа, замка и других содержательных сторон ситуации выполняло только роль одного из звеньев в цепи процесса беспрепятственного поведения, то сейчас, в условиях задерживаемого поведения, оно выделяется из этой цепи и временно эти объекты становятся предметами самостоятельного восприятия. «Для того чтобы субъект обрел возможность продолжить свое поведение — запереть замок квартиры и уйти по своим делам — становится необходимым, чтобы... он остановился на предмете своего восприятия (ключа, замка), сделал его предметом нового, длительного, возможно систематического восприятия. Он становится вынужденным то, что в поведении выполняло роль только одного из моментов, то, что, так сказать, было только звеном в цепи, сделать теперь самостоятельным данным, независимым предметом, объектом и установить с ним непосредственное отношение... так сказать, «теоретическое» отношение»[37].

Именно здесь и вносит Д. Н. Узнадзе новое понятие — «объективацию, которое делает понятным основную функцию внимания: «Мы знаем, зачем происходит эта объективация. Мы знаем, что перцептивное содержание, вызвавщее задержку соответствующего практического акта, становится предметом повторного переживания: предметом повторного восприятия становится потому, что для выполнения задерживаемого акта требу-

---

[36] Узнадзе Д. Н., Проблема сущности внимания. — Психология, Труды Института психологии АН ГССР, т. 4, 1947, с. 151 (на груз. яз.).

[37] Там же, с. 153 (на груз. яз.).

ется более детальное, более ясное его отражение. Конечно, только познавательные акты — наше восприятие, наше мышление, обеспечивают такое отражение, почему и бывает, что объективированное содержание становится предметом усиленного воздействия именно этих актов»[38].

По разъяснению Д. Н. Узнадзе, хотя восприятие и мышление сами подразумевают свои предметы (воспринимаю что-нибудь, мыслю о чем-нибудь) и они как-будто должны входить в понятие познавательной функции, однако любая познавательная функция, например восприятие, является только формальной функцией и, несмотря на то, что оба они (и восприятие и мышление) имеют свои предметы, от них самих совершенно не зависит, чем или каким будет этот предмет, на чем основывается акт нашего восприятия или мышления. Ясно, что в этом случае мы должны обратиться к понятию **субъекта** и в нем, познающем субъекте, подразумевать такую функцию, которая направляет как восприятие, так и мышление. «Таким образом,— заключает Д. Н. Узнадзе, — функция объективации есть отдельная, самостоятельная функция: она не входит в понятие какой-либо функции, она как логически, так и фактически предшествует каждому акту познания»[39].

Какими особенностями характеризуется объективация? Согласно Д. Н. Узнадзе, эти особенности таковы:

1. Задержка, прекращение импульсивно протекающего поведения, разрыв практической связи с действительностью; 2. Направленность субъекта и познавательной активности; 3. Подготовка субъекта к отчетливому и ясному осознанию объективированного содержания; 4. В качестве своего предмета объективация подразумевает и такое содержание, которое и до этого было представлено в сознании (в виде актуальной установки), но из-за задержки поведения объективация вносит в акт поведения новое содержание.

«Если учтем все эти свойства объективации — заключает Д. Н. Узнадзе, — то для нас станет ясным, что **единственной** функцией, лежащей в основе процесса объективации, бесспорно является функция, которую человеческая речь всегда обозначает именем внимания. На самом деле, что внимание представляет собой некоторую задержку в процессе беспрепятственного течения поведения, что оно связано с актом задержки, это конечно, не могло оставаться незамеченным, и известно, что этот момент в понятии внимания подчеркивал еше Рибо»[40].

---

[38] Узнадзе Д. Н. Проблема сущности внимания. — Психология, — Труды Института психологии АН ГССР, т. 4, 1947, с. 153 (на груз. яз.).

[39] Там же, с. 154

[40] Там же, с. 155.

Таким образом то, что традиционная психология приписывала вниманию, именно — ясность содержаний сознания, сознательное отражение воздействующих на нас впечатлений, является функцией непосредственно самого познания, а не функцией внимания. Однако, «если будем полагать, что **внимание является той функцией, которая лежит в основе акта объективации,** для нас станет понятным, в каком смысле внимание можно считать фактором ясности содержаний сознания... Внимание не само непосредственно создает эту ясность, а способствует тому, что с помощью объективации соответствующих содержаний предоставляет возможность лучшего отражения нашим познавательным функциям»[41].

Как было отмечено и выше, одной из основных функций внимания называют выбор. Однако выходит, что раздражители, отбираемые вниманием, должны быть представлены в сознании и до того, пока внимание выделит какой-нибудь из них и направит на него интенсивное сознание: выбор подразумевает сравнение, а сравнить можно только то, что уже дано в сознании в том или ином виде. Эту очевидную трудность не смогла преодолеть традиционная психология, а в учении, предложенном Д. Н. Узнадзе, эта трудность сама по себе снимается: «Объективация подразумевает не первичное сознание того или иного содержания, а сознание, возникшее на основе установки, последующее, так сказать повторное, вторичное осознание сознаваемых содержаний*. Предмет внимания, согласно этой концепции, является действительно таким содержанием, которое в сознании дано до того**, пока внимание остановилось на нем»[42].

Таким образом, согласно теории Д. Н. Узнадзе, сущность внимания заключается в объективации, и оно «может иметь место только там, где положение вещей требует познавательного отражения того или иного содержательного момента ситуации*** и его объективации, как необходимого условия этого отражения»[43].

Акт объективации, несомненно, подразумевает как субъект, так и объект и вместе с тем их противопоставление. «О внимании говорить можно только там, где мы имеем дело с проти-

---

41 Узнадзе Д. Н. Проблема сущности внимания. — Психология. Труды Института психологии АН ГССР, т. 4, 1947, с. 155 (на груз. яз.).

* Точнее будет: последующее, так сказать повторное, вторичное осознание содержаний сознания, возникших на основе установки (В. Г.).

** т. е. в плане установки (В. Г.).

42 Узнадзе Д. Н. Проблема сущности внимания. — Психология, Труды Института психологии АН ГССР, т. 4. 1947, с. 155 (на груз. яз)..

*** В противоположность отражения в плане установки (В. Г.).

43 Узнадзе Д. Н. Проблема сущности внимания. — Психология. Труды Института Психологии АН ГССР, т. 4, 1947, с. 157 (на груз. яз.).

вопоставлением субъекта и объекта. А там, где этого противопоставления нет, где субъект всецело включен и растворен в течении поведения (т. е. протекания поведения в плане установки, — В. Г.), где он, так сказать, поглощен течением поведения, там нельзя говорить о внимании, какие бы яркие и ясные переживания не давались»[44].

Объективация подразумевает прекращение процесса поведения, задержку импульсивной активности и направление ее в другую сторону. А все познавательные процессы, восприятие, мышление и т. д., следующие за этим (за актом объективации), — протекают в рамках обычного установочного поведения.

«Внимание, вообще, является достоянием высокой ступени развития и на низких ступенях развития можно было бы искать лишь его генетические формы. Внимание является достоянием только человека, его специфической особенностью, без помощи которого он никогда не стал бы субъектом активного изменения окружающего, субъектом культурного творчества»[45].

Отсюда ясно, что всякого рода активность животного осуществляется только на основе установки и то, что в его поведении напоминает внимание, на самом деле является сменой обычного течения установки другой установкой.

Орел, раздирающий свою жертву, «внимательно» следит за окружающим миром, чтобы не стать жертвой более сильного существа. Но в данном случае говорить о подлинном внимании не приходится. Вообще животное сохраняющее свое равновесие со средой в этой функции не нуждается. Вниманием обладает лишь человек как существо «делающее орудие», так как именно для создания орудия труда и для трудовой деятельности, подразумевающей сознательное запланирование действие, и требуется внимание.

После довольно подробного ознакомления с концепцией внимания, развиваемой Д. Н. Узнадзе, вернемся к тому же вопросу, с чего начали, а именно к вопросу о том, может ли существовать такое положение вещей, когда мы не сомневаемся в восприятии предметов и явлений, но не можем подтвердить их ясное существование в сознании?

Исходя из вышеприведенных примеров, взятых из сочинений Д. Н. Узнадзе, следует утверждать, что подобное восприятие предметов и явлений существует на самом деле и жизнь человека в основном протекает на фоне таких восприятий. Когда субъект запирает замок, обувается и т. д., ясно, что он отчетливо воспринимает каждый предмет и воспринимает не по каким-то «ступеням», а именно на основе категоризации, которой «недостает» только того компонента, что она не представлена ясно

---

[44] Узнадзе Д. Н. Проблема сущности внимания. — Психология. Труды Института психологии АН ГССР, т. 4, 1947, с. 157 (на груз. яз.).

[45] Там же, с. 157.

в сознании субъекта. Всякое неосознанное восприятие также категориально, как и осознанное: воспринимаю я ключ, двери, трактор, овчарку или самолет, каждый из них я воспринимаю на основе категоризации. Поэтому я и могу дифференцированно в соответствии с каждым из воспринимаемых предметов совершать акты поведения. Почему мы должны думать, что, взяв ключ со стола, я не воспринимаю этот ключ как именно ключ? Ведь несомненно, что, если бы вместо ключа я увидел скорпиона, вряд ли я схватил бы его рукой. Если бы человек не обладал этим психическим механизмом, он бы стал жертвой первого же препятствия, или же его сознание было бы так перегружено, что не оставалось бы места для творческой активности, поднимающей человека выше уровня животного.

4. ТЕОРИЯ Д. Н. УЗНАДЗЕ И ПОНЯТИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Внесение в немецкую психологию понятия «сознания» как синонима «психики» приписывают Хр. Вольфу. Позднее более радикально отождествил психику и сознание Ремке: «душа есть сознание»[46]. Однако, по мнению В. Вундта, история психологии уже миновала тот этап, когда утверждали, что «понятие психического факта и факт сознания по их содержанию полностью совпадают»[47]. За этим последовала радикально противоположная реакция в буржуазной психологии, а именно бихевиористическая психология, вообще отрицавшая сознание, подменив его понятием объективного поведения, в котором подразумевается или физиологические процессы, или целостные действия субъекта, имеющие определенный целевой смысл[48].

Совсем по другому подошла к критике интроспекционизма, исходящего из сознательных переживаний, глубинная психология.

«Открытое» З. Фрейдом бессознательное можно считать вторым серьезным наступлением, предпринятым в психологии против сознания. Согласно теории глубинной психологии, «бессознательному» приписывается такое «динамическое», движущее поведением значение, что рядом с ним сознание выглядит почти как эпифеномен. Оно понимается как своеобразное следствие или трансформация «бессознательного», требующее для своего выявления специального психологического анализа.

Многие авторы отметили противоречия, содержащиеся в учении Фрейда. Д. Н. Узнадзе противопоставил фрейдовскому

---

[46] Rehmke J. Die Seele des Menschen, Leipzig, 1920, p. 44.

[47] Wundt W. System der Philosophie, Leipzig, 1907, p. 140.

[48] Табидзе О. И. Философские основы науки о поведении. Тбилиси, Мецниереба, 1974, с. 59—96 (на груз. яз.).

«бессознательному психическому» свою концепцию, где он преодолел противоречия, неразрешимые в рамках теории Фрейда.

Д. Н. Узнадзе пишет: «Все многообразие явлений нашей психической жизни в основном распадается на три отличающиеся друг от друга группы: познание, чувство и воля, представляющие три основные наиболее традиционные единицы обычной классификации явлений душевной жизни. Конечно, в истории нашей науки известна не одна попытка группировать душевные явления и на иных основах, но традиционная классификация до настоящего времени доминирует. И вот, естественно, возникает вопрос: что же является спецификой всех этих групп, спецификой, делающей их основными категориями душевной жизни? Повидимому, лишь то, что все эти процессы без исключения являются **сознательными** психическими переживаниями. Познание, например, так же, как и чувство или воля, одинаково относится к категории явлений сознания. Субъект, переживающий какой-нибудь познавательный акт, или какое-нибудь эмоциональное содержание, или совершающий какой-либо волевой поступок, сопровождает все эти переживания определенными актами, делающими их вполне **сознательными** психическими содержаниями. С этой точки зрения, нет сомнения, что психика и сознание вполне покрывают друг друга: все психическое сознательно, и то, что сознательно, является по необходимости и психическим»[49].

При таком понимании психики, по мнению Д. Н. Узнадзе, психика четко разграничивается от всего того, что лишено сознания, и тогда совершенно непонятен вопрос о развитии психики: если предположить, что психическая деятельность ограничивается только сознанием, то следует думать, что психика вообще резко отличается от остального живого мира и образует самостоятельную, независимую, совершенно замкнутую сферу действительности в виде сознания.

Как мы отмечали выше, известно другое направление, которое, по существу, иначе решает этот вопрос. Согласно этому направлению, наша душевная жизнь вовсе не исчерпывается сознанием. Наоборот, сознательные явления выполняют совсем незначительную роль в психической активности человека, которой управляют именно «бессознательные» психические явления.

Можно было думать, что психика, согласно этой концепции, проходит две ступени развития, из которых первая является ступенью «бессознательного», а следующая — ступенью сознательной душевной активности. Однако, сторонники указанного направления (психоанализа) рассуждают иначе. По мнению самого видного представителя этого направления З. Фрейда, сферы сознательного и бессознательного никак нельзя пред-

[49] Узнадзе Д. Н. Психологические исследования, М., 1966, с. 135.

ставить как этапы развития. Правда, есть случаи, когда какое-нибудь психическое состояние из бессознательного переходит в сознательное, но не редки явления, когда происходит обратное: сознательный процесс переходит в бессознательный, и это обстоятельство часто лежит в основе психических нарушений человека[50].

Что подразумевают под бессознательным и чем оно противопоставляется (по меньшей мере, в теоретическом плане) сознательному?

Допустим, у человека возникло желание, которое он для своей личности считает постыдным. Согласно учению Фрейда, личность изгоняет такое желание из своего сознания, будто забывает его. На самом же деле, это желание не навсегда изгоняется, не окончательно забывается, **а переходит в бессознательное** и там продолжает свою активность, часто более сильную, чем это могло быть в сознательных условиях; между тем, разумеется, субъект о его существовании ничего не знает.

Таким образом, с того момента, когда это желание было вытеснено из сознания, оно становится «бессознательным». Что происходит с этим вытесненным «бессознательным» психическим переживанием, желанием, когда оно опять возвращается в сознательное состояние? Ответ Фрейда ясен: как только это желание в виде переживания становится сознательным, оно для субъекта делается обыкновенным сознательным желанием, вследствии чего субъект освобождается от гнетущего воздействия «бессознательного», вызывающего психическое нарушение личности. **Таким образом, бессознательное желание как до образования, т. е. до того, как оно становится бессознательным, так и после того, как оно выходит из бессознательного состояния, является обыкновенным переживанием и по своему содержанию не претерпевает изменения.** «Психология бессознательного определяет бессознательное душевное состояние лишь отрицательно, т. е. как душевное состояние, лишенное сознательности, как бессознательное душевное состояние. Психология бессознательного обозначает процессы вне сознания и без сознания, лишь отрицательно, лишь как нечто бессознательное. Что касается его положительной характеристики, то такой попытки у него не встречается вовсе, потому что этой возможности у нее вообще нет»[51].

Выходит, что бессознательное до его «изгнания» в бессознательное и после возвращения в сознание является одним и тем же, а в какой форме оно продолжает свое существование там, в бессознательном состоянии, об этом ничего не сказано.

Вышерассмотренную трудность чувствует и сам Фрейд,

[50] Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М., 1923.

[51] Узнадзе Д. Н. Психологические исследования, М., «Наука», 1966, с. 138.

когда старается доказать существование бессознательного психического по аналогии. По его мнению психические процессы, протекающие в других людях, нам не даны непосредственно, но, несмотря на это, по поведению других людей мы заключаем об их психических состояниях. Если человек бледнеет и у него дрожат руки, напрягается лицо, то мы знаем, что он испытывает страх, а если он смеется, если бы даже он при этом проливал слезы, мы знаем, что он радуется и т. д. Следовательно, по Фрейду, несмотря на то, что то или иное психическое состояние другого человека нам не дано, т. е. оно бессознательно, мы все же убеждены в том, каково его психическое состояние. Согласно Фрейду, также мы должны смотреть на нашу собственную психику: любой психический акт, который развертывается во мне и который мне неизвестен, по необходимости связан с моим бессознательным психическим и им определен.

Подобная аргументация лишена строго научной основы. Следует отметить, что понимание чужого психического состояния происходит не по умозаключению, по аналогии, как это утверждает Фрейд и некоторые психологи, а на основе некоторых врожденных механизмов, каковыми, например, является смех при удовольствии и плач при неудовольствии. Что этот механизм (способность) врожденный, видно из простого наблюдения: ребенок, пока еще не обладающий способностью умозаключения по аналогии, воспринимая чужую мимику или жест, прекрасно понимает, когда его ласкают и когда упрекают. Еще больше: от рождения слепые люди, не имеющие возможности наблюдения за мимикой и жестикуляцией других людей, располагают идентичными мимическими и жестикуляционными данными, как и нормальные люди.

Еще более убедительные доводы приводит П. К. Анохин: «В течение 15 лет мои сотрудники изучают живой плод человека, начиная с трехмесячного возраста, изъятый по различным медицинским показаниям. Когда мы смотрим на пятимесячное существо, помещающееся на ладони и весящее всего лишь 500—600 гр. и уже имеющее образ человека, то трудно отделаться от впечатления, что это человек. Это существо **выражает своей мимикой** абсолютное неудовольствие, что его вынули, плачет и всхлипывает, выражая все специфические черты неудовольствия и обиды. Возникает вопрос: как мимика, это специфически человеческое качество, могла передаться в генотип, идти через все стадии онтогенеза и стать впоследствии мимикой взрослого человека?

Изучая взрослых людей, рожденных слепыми и ставших потом глухонемыми, я смог заметить, что их мимика отнюдь не остается детской. Она весьма адекватно отражает уровень переживаний, хотя, конечно, и не имеет полной выразительности.

Но ведь эти люди не могли приобрести мимику благодаря подражанию. Откуда она у них?»[52]

Выше мы отмечали, что, согласно концепции Фрейда, бессознательное желание до своего образования, т. е. до того, как оно станет бессознательным, и после того, как высвобождается из бессознательного состояния, является обыкновенным сознательным переживанием и совершенно не меняется по своему содержанию. По этому вопросу другого понимания придерживается В. Л. Какабадзе, который пишет: «Некоторые считают, что в понимании бессознательной психики Фрейд будто бы вкладывает сознательные психические содержания, которые существуют за пределами сознания. Не должно быть забыто предостережение Фрейда о том, «чтобы мы не отождествляли восприятие сознания с бессознательным психическим процессом». «Мы называем бессознательным психический процесс, существование которого должны допустить... но относительно которого ничего не знаем». То, что бессознательная психика не есть «те же психические явления только минус сознание», об этом ясно говорят суждения Фрейда о диспозиции, способности и склонности как о форме существования бессознательной психики: «В психической жизни индивида действенны не только переживаемые, но и врожденные содержания, моменты филогенетического происхождения, архаическое наследство... Оно состоит в определенных диспозициях, как это характерно **для всех живых существ** (курсив наш — В. Г.). Следовательно, оно заключается в способности и наклонности выбрать определенное направление развития и в особых ответах на определенные возбуждения, впечатления и раздражения»[53].

Такое рассуждение кажется не лишенным логического основания, однако, если по существу рассмотрим вопрос, то бессознательное является не чем иным, как сознательным, изменившим «местонахождение: перешедшим из сознательного состояния в бессознательное» (Д. Н. Узнадзе)[54].

Если бы это было не так, если бы бессознательное по своему содержанию резко отличалось от сознательного, то психоанализу никак не удалось бы применить концепцию Фрейда на практике: психоаналитик, согласно Фрейду, излечивает психическое заболевание тем, что данное в бессознательном в виде вытесненного желания, поднимает в сознание больного. Этим способом пациент освобождается от разрушающего психичес-

---

[52] Анохин П. К. Социальное и биологическое в природе человека. — «Соотношение биологического и социального в человеке», Материалы к симпозиуму, М., 1975, с. 301—302.

[53] Какабадзе В. Л. Теоретические проблемы глубинной психологии, Тбилиси, Мецниереба, 1982, с. 68—69.

[54] Узнадзе Д. Н. Психологические исследования, М., Наука, 1966, с. 137.

кого влияния желания, вытесненного в бессознательное, «в существовании которого мы убеждены, хотя и не воспринимаем его сами», как говорит Фрейд, и выздоравливает. Что касается предупреждения Фрейда, «чтобы мы не отождествляли восприятие сознания с бессознательным психическим процессом», то он имел в виду не различие в их содержаниях, а различие в степени обладания психической силой, — бессознательное гораздо сильнее по своему воздействию на субъект, чем сознательное. Если бы бессознательное по своему содержанию было другим, чем сознательное, было бы принципиально невозможно его возвращение в сознание и этим самым излечение субъекта. Цензуру, которая так скрывает содержание сновидения, что трудно его обнаружить, Фрейд рассматривает по аналогии с деятельностью швейцарской полиции: «Комиссии (т. е. полиция — В. Г.), назначение которых охранять границы, в этом отношении хитрее... В поисках документов и набросков планов они не довольствуются тем, что осматривают папки и карманы, а принимают во внимание также и возможность, что шпионы и перебежчики могут спрятать такие запрещенные вещи в самых сокровенных местах своей одежды, где им, безусловно, не место, например между двойными подошвами сапог»[55]. Эта аналогия, приведенная Фрейдом, указывает именно на то, что бессознательное по своему содержанию идентично с сознательным, только оно так скрыто (например, в сновидении), что обнаружить его трудно, хотя и возможно.

Как известно, одним из основных средств обнаружения бессознательного психического для психоаналитика является сновидение. Не случайно Фрейд сравнивает сновидение с древними языками, которые нельзя понять, основываясь на современной грамматике. «Китайский ...язык состоит, так сказать, из одного только сырого материала, подобно тому, как язык, которым мы выражаем наши мысли, благодаря устранению выражения отношений, разлагается работой сновидения на сырой материал. В китайском языке во всех тех случаях, когда имеется неопределенность, выбор предоставляется пониманию слушателя, который при этом руководится общим смыслом»[56]. «Мы должны однако сознаться — продолжает Фрейд, — что в системе выражения сновидения положение гораздо менее благоприятно, чем во всех этих древних языках и письменах... В основе своей эти языки предназначаются для обмена мыслей, т. е. рассчитаны на то, чтобы какими бы то ни было путями быть понятными при помощи каких бы то ни было средств. Но как раз у сновидения нет этой особенности. Сновидение не хочет никому

---

[55] Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ, М., 1923, с. 244.
[56] Там же, с. 241—242.

ничего сообщить, оно не является средством сообщения мыслей, наоборот, оно рассчитано на то, чтобы оставаться непонятным»[57].

Эту пространную выписку из лекции Фрейда мы привели для того, чтобы показать, какой «глубинный характер» имеет бессознательное Фрейда и как сложно обнаружить его содержание при обращении к самому арсеналу психоаналитического вооружения. Что касается неосознанных психических актов (которых часто необоснованно отождествляют с бессознательным психическим), они, конечно, имеют другую природу, и об этом речь пойдет ниже.

Согласно Фрейду, то, что по существу известно о бессознательном в психоанализе, получено в основном из интерпретации сновидений. Факт сновидения для психоанализа имеет не только решающее значение как средство для подхода к бессознательному психическому, но он является и пробным камнем для теории бессознательного психического.

Что из себя представляет бессознательная психика?

Ответ Фрейда на этот вопрос ясен: бессознательная психика является психикой, **существующей независимо от сознания**, а психоанализ — это учение о недоступных прямому наблюдению, глубоко лежащих душевных процессах. И Фрейд тут же отмечает, что психоанализ является фундаментом для психологии[58].

Более умеренными выглядят воззрения Т. Липпса о природе бессознательного. Он, например, говорит, что существует довольно большое количество психических фактов, которые не воспринимаются, их существование и сознание не покрывают друг друга.

Согласно Липпсу, бессознательные процессы можно назвать душевными (психическими) на том основании, что они непосредственно связаны с содержанием сознания, и бессознательные психические процессы не только существуют рядом с сознанием, но и ложатся в основу сознательных процессов и сопутствуют им. По Липпсу, сознательное (психическое) возникает из бессознательного и туда же возвращается. Бессознательное также способно оказать влияние на субъект, как и сознательное[59]. В работе, опубликованной позднее, Липпс развивает более радикальный взгляд о значении бессознательного психического: по его мнению, основными факторами психической жизни являются **не содержания сознания, а бессознательные психические процессы.** Задача психологии состоит в том, чтобы из свойств содержания сознания выводить заключения о природе бессознательных процессов. Современная психология, говорит он, является теорией подобных процессов, однако она скоро убедится в том, что существуют такие, совершенно иного рода, своеобра-

---

[57] Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ, М.. 1923, с. 242.

[58] Freud S. Die Frage der Laienanalyse, Bd. XIV, p. 289.

[59] Lipps Th. Grundtatsachen des Seelenlebens, Bonn, 1883, p. 30.

зия, которые не представлены в соответствующих содержаниях сознания[60].

Что касается З. Фрейда, его взгляд на природу бессознательного вполне ясен. По Фрейду, существуют три сферы психического: сознательное, предсознательное и бессознательное. Предсознательное Фрейд называет и **потенциально сознательным,** поскольку оно близко стоит с сознательным психическим. Эта **близость,** по Фрейду, заключается в том, что оно (предсознательное) может проникнуть в сознание без всяких препятствий. Для Фрейда действительным бессознательным является «вытесненное бессознательное», неспособное вступить в сознание своей подлинной природой. А если оно и вступает туда, то только как представитель вытесненной бессознательной психики (сновидение и т. д.).

Можно решительно сказать, что Фрейд под предсознательным подразумевает то, что в современной психологии, в основном, называют **неосознанным психическим.** Бессознательная психика, по Фрейду, не является ступенью развития психики, слабым сознанием, минимумом сознания и т. д. По его мнению, психика бессознательна, поскольку она существует без сознания. Нельзя представлять положение вещей так, будто переход из сознательного в бессознательное психическое состоит в снижении интенсивности. Если бы это было так, то исключался бы вообще вопрос о влиянии бессознательной психики на сознательную. Согласно Фрейду, бессознательная психика так же способна оказать влияние на сознательную психику, как сознательная психика оказывает влияние на бессознательную психику[61].

Для Фрейда совершенно неприемлемо мнение, будто латентная мысль является несознательной из-за своей слабости и она сразу же осознается, как только повышается ее интенсивность. Наоборот, согласно Фрейду, существуют такие латентные мысли, которые не могут проникнуть в сознание, какими бы интенсивными они не стали. Более того, бессознательное психическое, по Фрейду, потому именно и является особенно сильным (например, вытесненное бессознательное), что оно бессознательно[62] и на это обстоятельство опирается психоаналитический метод лечения: осознание бессознательного психического (что, будто бы, удается психоанализу) вызывает ослабление его энергии и, возможно, даже полную его ликвидацию.

---

[60] Lipps Th. Komik und Humor, Hamburg—Leipzig, 1898, p. 123—124.
[61] Freud S. Psycho-Analysis, Gesammelte Werke, Bd. VIII, p. 241—242.
[62] Там же, с. 408.

5. «МАЛОЕ ВОСПРИЯТИЕ», УСТАНОВКА И ОБЪЕКТИВАЦИЯ

Внесение Фрейдом в психологию понятия бессознательного в определенной мере служило цели утверждения принципа непрерывности психической действительности. Как известно, с такой же целью внес Лейбниц в психологию понятие «малое восприятие»[63]. «Малое восприятие» — это психическое состояние восполняющее пробел, когда сознание не подтверждает факта существования психики в субъекте. Таким образом, для Лейбница бессознательная психика является фактором восполняющим и связывающим фрагментности сознательной психики, и целостный и беспрерывный характер психики обеспечивается непрерывной последовательностью сознательных и бессознательных психических состояний. Бессознательная психика (т. н. «малое восприятие») является ступенью, непосредственно предшествующей возникновению сознательной психики. Кроме того, прекращение сознательной психики означает не его ликвидацию, а переход в бессознательное психическое состояние.

Достойно внимания то обстоятельство, что сознательная психика, перешедшая в бессознательное, для Лейбница является не чем-то смутным, непонятным, неопределенным психическим явлением, а просто психическим, продолжающим свое существование в виде **ослабленного сознательного,** т. н. «малого восприятия». В этом принципиальное различие между Лейбницем и Фрейдом и то рациональное зерно в учении Лейбница, которое Д. Н. Узнадзе расценил как его важнейшую заслугу перед психологией.

Что означает понимание таким образом бессознательного или «малого восприятия»?

Выше, касаясь учения Д. Н. Узнадзе о внимании, мы указали, что посредством акта объективации субъект повторно воспринимает объект с целью его «более детального, более четкого» отражения и, следовательно, она (объективация) «предшествует любому познавательному акту»[64] и определяет его протекание.

Следовательно, согласно учению Д. Н. Узнадзе, то, что с помощью объективации субъект воспринимает вновь, было им воспринято и до того, однако после акта объективации это восприятие стало «более детальным, более четким» (Д. Н. Узнадзе), точнее — осознанным. Ясно, что восприятие предметов, происшедшее до объективации, вполне достаточно (ясно, четко) для выполнения обычных действий, **действий на уровне установки.** Однако, когда на пути протекания обычного действия

---

63 Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме, М., 1936

64 Узнадзе Д. Н. Проблема сущности внимания. — Психология, Труды Института психологии АН ГССР, т. VI, Тбилиси, 1947, с. 158—165 (на груз. яз.).

возникает какое-нибудь препятствие и для его беспрепятственного продолжения уже недостаточно отражения какого-либо объекта на уровне установки, то становится необходимым **повторное**, более детальное восприятие предметов, имеющих отношение к поведению, т. е. **осознание.** После того, как с помощью мышления субъект установит причину задержки, поведение завершится обычным путем — **опять на уровне установки.** На этом основании можно допустить, что то, что Лейбниц подразумевал в своем бессознательном или «малом восприятии», является именно тем, что Д. Н. Узнадзе назвал **отражением действительности на уровне установки.**

Именно поэтому, на наш взгляд, Д. Н. Узнадзе обращал особое внимание на «малое восприятие» Лейбница еще в 1919 году и тогда же отмечал, что «сам Лейбниц не совсем ясно осознавал психологическое значение «малых восприятий» как элементов душевной жизни человека»[65].

Несомненно, по нашему мнению, понятие установки имеет явное преимущество перед «малым восприятием» потому, что трудно его (малое восприятие) характеризовать, тогда как отражение на уровне установки вполне понятно и его можно положительно характеризовать. Совершая обычное, повседневное действие, человек оперирует не «малыми восприятиями», а совершенно ясно, достаточно, хотя неосознанно, отражает все предметы, имеющие отношение к данному акту поведения: он ясно воспринимает шкаф, в котором висит его костюм, воспринимает двери шкафа, которые надо открыть, чтобы одеть костюм и т. д. Здесь нигде мы не встречаемся с «малым восприятием», которое, кстати, не могло бы обеспечить четкую и точную идентификацию висевшей в шкафу одежды. Во всех таких случаях перед нами всегда действительное, полное восприятие. Однако, если, скажем на привычном месте, где раньше висел костюм, окажется другая одежда, то именно потому, что мы ясно воспринимаем все предметы,не станем одевать эту другую одежду и в нашем поведении сразу включится объективация, и с этого момента поведение будет протекать при помощи сознания — поведение, которое проходило на уровне установки, уступит место другому поведению, а именно — поведению опосредованному актом объективации.

Следовательно, в данном случае происходит не полное восприятие, а **малое**, т. е. частичное, неполное восприятие потому, что восприятие в таком случае не сопровождается обыкновенным сознанием. Вот, как иллюстрирует Д. Н. Узнадзе это положение с позиции теории установки.

---

65 Узнадзе Д. Н. Место Petites perceptions Лейбница в психологии.— Вестник Тбилисского университета, № 1. Тбилиси, 1919, с. 82 (на груз. яз.).

«Допустим человек пробуждается и обращается к обычному в этом случае акту поведения: он начинает одеваться, берет обувь и начинает ее натягивать, и вдруг оказывается, что дело не продвигается вперед, что-то мешает этому. В этом случае мыслимо двоякое отношение к данному явлению: или субъект не обращает внимания на это сравнительно незначительное явление и все-таки продолжает обуваться, или же он сейчас же прекращает акт обувания, задерживается на некоторое время и начинает фиксировать свою обувь с тем, чтобы уяснить себе причину неожиданно возникшего неудобства»[66].

Далее Узнадзе продолжает: «Нет сомнения, что в этих случаях акт отражения соответствующих отрезков действительности имеется налицо и субъект отражает эту последнюю не во всей ее целостной совокупности, не во всех деталях, а лишь в определенной части ее агентов, имеющих непосредственное отношение к целям поведения. Кроме того, он отражает их достаточно ясно для того, чтобы они могли сделаться действительными факторами в процессе его поведения...

Или же, если вернуться к нашему примеру: вставая утром с постели, человек должен выделить платье или обувь из числа окружающих его вещей, должен достаточно ясно воспринять их, чтобы одеться и обуться»[67].

Следовательно, то что Лейбниц называет «малым восприятием» в действительности является восприятием на уровне установки и кажется малым лишь потому, что она не сопровождается вниманием (объективацией) или сознанием.

Однако следует отметить и то, что Лейбниц, по словам Д. Н. Узнадзе, несомненно правильно подметил, что сознание и психика не покрывают друг друга, что они не идентичны и для восполнения пробела между ними он ввел понятие «малых восприятии»

6. «БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ» И «НЕОСОЗНАННОЕ»

В 1979 году в Тбилиси был проведен международный симпозиум по вопросам бессознательного психического, который стал событием в истории развития и изучения этой фундаментальной для психологии проблемы. Участие в симпозиуме более чем семидесяти известных ученых из 16 зарубежных стран и 166 представителей различных областей советской науки придали широкий международный масштаб постановке и обсуждению проблеме бессознательного психического.

---

66 Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., Наука, 1966, с. 250—251.

67 Там же, с. 251.

Проблема бессознательного психического — одна из самых сложных и трудноразрешимых проблем психологии. Следует сказать, что несмотря на внутреннюю противоречивость теории Фрейда, в ней, безусловно, есть то рациональное зерно, которое ценно для научной психологии, и что, кстати, особо подчеркнул Д. Н. Узнадзе.

Мы постарались рассмотреть с позиции Д. Н. Узнадзе проблему бессознательного психического и конкретизировать те вопросы, которые, по нашему мнению, не были решены в процессе работы симпозиума.

С самого начала надо подчеркнуть, что в советской психологии порой отождествляют «бессознательное» и «неосознанное», что, по нашему мнению, является смешением понятий. В действительности, «неосознанное психическое» ничего общего не имеет с «бессознательным психическим», которое было внесено и прочно внедрено в психологическую науку Фрейдом, и вообще с т. н. «глубинной психологией».

Наряду с другими трудностями, возникающими перед понятием «бессознательное», есть трудность, связанная с терминологией. Термином «бессознательное» разные авторы очень часто обозначают разные явления, иногда столь разные, что трудно найти что нибудь общее между ними. Ясно, терминологическая неточность обусловлена, прежде всего, неопределенностью содержания самого понятия. В частности, «бессознательное» не точно ограничено от смежных понятий («неосознанное», «подсознательное» и т. д.), что вызывает вышеуказанное смешение понятий.

Со своей стороны, статус бессознательного как психического феномена вызывает затруднения в дефиниции этого понятия. Характерным для бессознательного, как и для установки, является то, что они в отличие от всех прочих психических явлений, не даются индивиду как сознательный феномен. Можно говорить о сходстве бессознательного и установки по этому признаку, однако совершенно недопустимо их отождествление, как это часто имеет место.

Что такое неосознанный психический феномен и как он становится сознательным? В. С. Ротенберг приводит такой пример: «Так, читающие эти строки «не осознают» в момент чтения, что бумага, на которой написан текст, сделано из того же материала, что и стол, за которым сидит читающий субъект. Но достаточно нам сейчас обратить внимание на этот факт, как он тотчас осознается»[68]. В суждении Ротенберга все ясно: в процессе нашей деятельности мы множество вещей не осознаем, но как только возникает необходимость в их осознании, мы

---

[68] Ротенберг В. С. Разные формы отношений между сознанием и бессознательным. — Вопросы философии, № 2, 1978, с. 73.

беспрепятственно (на основе объективации по Д. Н. Узнадзе) обычно без чужой помощи осуществляем это.

Однако было бы большой ошибкой назвать этот процесс осознанием бессознательного. Согласно психоанализу бессознательное может осознаться только извне: сперва это делает психоаналитик, а потом, в известных условиях, и сам субъект, носитель бессознательного (больной). Основное своеобразие бессознательного Фрейда состоит в том, что оно недоступно для субъекта, его носителя, поэтому-то оно является основой некоторых психических заболеваний.

Рассмотрим также случай сомнамбулизма — своеобразного нервного заболевания. Лунатик в состоянии сна может ходить по таким опаснейшим местам, преодолеть которые вряд ли осмелится бодрствующий нормальный человек. Лунатик ясно, можно сказать—чрезвычайно ясно, воспринимает окружающие раздражители (без этого невозможно проделать опасный маршрут), однако у него нет сознания воспринятого. Как будто получается странное положение: лунатик ясно, «сознательно» воспринимает окружающее и вместе с тем он никак не осознает того, что он воспринимает. Восприятие человека в таком состоянии близко к восприятию, характерному для животного, однако не тождественно ему — на опасном пути даже животное испытывает страх, тогда как лунатик абсолютно лишен такого чувства.

Целесообразно ли говорить в таких случаях о бессознательном восприятии, бессознательном суждении, бессознательном представлении или вообще бессознательном действии у лунатика?

Если исходить из развитого классиками теории бессознательного, то следует признать, что при сомнамбулизме перед нами иное положение вещей: достаточно оказать некоторое воздействие на лунатика (например, облить его водой), чтобы он сразу вышел из состоянии сна и сразу же осознал ситуацию. Таким образом, все, что было за пределами сознания, в результате одного только механического (а не психоаналитического) вмешательства вступает в сознание и обретает такую же ясность, как и предметы и явления в обычных условиях.

Следовательно, нет никакого основания говорить о бессознательном поведении лунатика, хотя все его поведение осуществляется без участия сознания. Однако, как тогда понять, что лунатик совершает такие целесообразные и вместе с тем сложнейшие и точнейшие действия? Ответ Д. Н. Узнадзе на этот вопрос вполне ясен: все поведение лунатика проходит на уровне установки, обеспечивающей точнейшее восприятие каждого предмета или препятствия, которые ему приходится использовать или преодолеть без участия ясного сознания. Однако, если в протекание такого действия вмешивается внимание (объективация), оно не только не будет способствовать осуществлению действия, но может привести к гибели лунатика.

Таким образом, в жизни человека бывают и такие критические моменты, когда сознательное восприятие предметов и явлений окружающей среды не только не способствует осуществлению целесообразного поведения, но, наоборот, может сорвать его. Функцией установки в таких ситуациях является обеспечение правильного направления поведения человека, целесообразности каждого его действия.

Следовательно, когда говорим, что то или другое состояние субъекта не представлено в сознании, это вовсе не означает, что оно «бессознательно». Понятия очевидно должны быть употреблены однозначно, что избавляет их от смешения с другими понятиями.

Рассмотрим еще один случай смешения понятий «бессознательное» и «неосознанное». «Носорог» по-грузински называется «марторка» (что в переводе означает «единорог»). Дети, говорящие на грузинском языке и знающие это слово, обычно не осознают, что оно состоит из двух независимых слов («марто» и «рка»), т. е. обозначает животное, у которого только один рог в отличие от других животных, обладающих двумя рогами. Однако достаточно появиться потребности узнать, почему это животное по-грузински называется «марторка», а по-русски «носорог», или случайно обратить внимание на состав этого грузинского сложного слова, чтобы слово «марторка» из простой суммы слогов превратилось в два независимых друг от друга слова «марто» и «рка». Возможен и такой вариант, когда не у самого ребенка возникает потребность проанализировать это слово, а учитель ему объясняет состав слова и ребенок поймет его значение, скрытый в нем смысл. Пока ребенок не догадывается о таком составе этого слова, можно ли говорить, что он «бессознательно» знает содержание этого слова? Конечно нет. Он ни сознательно, ни бессознательно не знает состав этого слова. Когда он открывает (или ему объясяют), что это слово состоит из двух самостоятельных слов, он просто овладевает новым знанием и ни в коем случае нельзя сказать, что он в этом случае осознал то, что он до сих пор знал бессознательно.

Это есть яркий пример того, что владение двумя или несколькими языками благоприятно воздействует на развитие мышления человека, обогащает содержание родного языка а не наоборот, как думают некоторые психологи.

С другой стороны, неосознанное использование того или иного понятия в повседневной жизни вовсе не предполагает того, что это понятие вначале существует бессознательно и впоследствии оно становится сознательным. Множеством понятий мы владеем в виде фиксированных установок и редко нуждаемся в их осознании. К тому же, этими понятиями, терминами (например, наименованиями предметов, собственными именами) мы часто с самого же начала владеем в неосознанном виде. Поэтому определенные растения называем «травой, другие

же — «цветами» и т. д., точно так же, как одного человека мы зовем «Павлом», другого — «Петром», и никогда не ставим себе вопроса, почему одни вещи называются так, другие же — по-другому, если не возникает ситуация, требующая от нас ответа на этот вопрос. Однако, как только перед субъектом возникает подобная ситуация, он прибегает к процессу мышления, опосредованного объективацией, и то, что имелось только в виде фиксированной установки, может стать и предметом сознания.

Существование таких неосознанных психических явлении не отрицается никем, но ни в коем случае нельзя отождествлять их с понятием «бессознательное». Подтверждением этого являются, по нашему мнению, следующие слова: «Вопрос о бессознательном, т. е. о существовании и роли «неосознаваемой» психической деятельности...»[69] отрывок, из которого видно, что «бессознательное» и «неосознаваемое» употребляются в значении «неосознанного».

Основание на такое заключение дает, по нашему мнению, замечание редакторов (А. С. Прангишвили, Ф. В. Бассин, А. Е. Шерозия) монографии: «Бессознательное: природа, функции, методы исследования» (Тбилиси 1978) на статью А. Т. Бочоришвили «О бессознательном», помещенную в этом же сборнике. А. Т. Бочоришвили пишет, что «как только психике присваивается существование вне сознания, психика превращается в субстанцию... основная проблема философии — «что раньше»? снимается и победу одерживает учение о двух равноправных субстанциях — метафизический дуализм». Эту цитату редакторы комментируют следующими словами: «...им (А. Т. Бочоришвили) отвергается «гипотеза о бессознательной психике», а неосознаваемость рассматривается как синоним непознаваемости»[70]. «Однако, — пишут они далее — его (А. Т. Бочоришвили— В. Г.) можно твердо заверить, что **когда мы говорим о бессознательном как о неосознаваемой психической деятельности,** то мы отнюдь не отождествляем сознание и психику. **Мы подразумеваем при этом лишь существование таких форм психической деятельности человека, которые осознаются им смутно или даже не осознаются вовсе** (подчеркнуто нами — В. Г.)... Что касается отождествления «неосознаваемого» с вообще «непознаваемым», то, насколько мы понимаем, нет абсолютно никаких лингвистических оснований рассмотреть их как синонимы»[71].

---

69 Бассин Ф. В., Прангишвили А. С., Шерозия А. Е. О проявлении активности бессознательного в художественном творчестве. — Вопросы в философии, № 2, 1978, с. 57.

70 Бессознательное: природа, функции, методы исследования, под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., т. I, Тбилиси, «Мецниереба», 1978, с. 189.

71 Там же, с. 189.

Ясно, что «неосознаваемость» здесь эти авторы (редакторы) применяют не в значении «неопознаваемого», а в значении «неосознанного» (в противном случае они не отрицали бы синонимности «бессознательного» и «неопознаваемого»).

Отсюда ясно, что авторы примечания как «бессознательное», так и «неосознаваемое» употребляют в значении неосознанного». Следовательно, теряет всякий смысл противопоставление этих понятий бессознательному Фрейда, ибо это последнее является таким психическим, которое само по себе вряд ли может, без помощи психоаналитика, всплыть в сознании.

С другой стороны, если «бессознательное» и «неосознаваемое» мы будем понимать в значении «неосознанного», то нет основания спорить о бессознательном.

Это характерно для большинства материалов, помещенных в вышеуказанных монографиях. Авторы рассуждают о бессознательном психическом, и о неосознаваемом или неосознанном восприятии, но без разграничения этих понятий.

Так же отождествляет понятие «бессознательное» и «неосознанное» Ш. Н. Чхартишвили: «Объективную ценность вещи впервые мы постигаем только сознанием. Однако, будучи раз осознанной, она продолжает при необходимости существовать для нас и бессознательно (неосознанно)»[72].

Известно, что на неосознанные восприятия или неосознанную психическую деятельность в свое время указывали многие исследователи.

А. Н. Леонтьев пишет: «Осознаю ли я неровности мостовой, когда иду по ней, людей, идущих навстречу мне, предметы, выставленные в витринах магазинов, на которые падает мой взгляд, и т. д., в то время когда я занят беседой со спутником? Нет. В приведенном случае предметом моего сознания является только содержание рассказа моего спутника. Но значит ли это, что я не воспринимаю того, что происходит вокруг меня? Мои действия на улице, все мое поведение в точности соответствует тому, что требует от меня окружение, значит я их воспринимаю»[73].

Как мы видим, А. Н. Леонтьев нигде не применяет слово «бессознательное», ибо для него ясно, что «бессознательное» и «неосознанное» совершенно разные психологические понятия.

Примерно такого же взгляда придерживается и Е. В. Шорохова: «Осознанность и неосознанность являются качествами психического отражения человека. Психическое содержание в человеке не всегда находится на уровне сознания, в частности

---

72 Чхартишвили Ш. Н. Проблема бессозиательиого в советской психологии, Тбилиси, «Мециереба», 1966, с. 38.

73 Леонтьев А. Н. Психологические вопросы созиательности учеиия. — Известия АПН РСФСР, № 7, 1947, с. 10—11.

восприятие, ощущение — формы психического отражения — но они не всегда осознаны»[74].

Вот мнение С. Л. Рубинштейна в связи с этой проблемой: «Различные уровни регуляции... связаны с различными уровнями психической деятельности — неосознанной, осознанной и сознательной. Различные же уровни психической деятельности связаны с разной ее качественной характеристикой, которую психическая деятельность приобретает в разных формах жизни»[75].

Как явствует из этих слов, С. Л. Рубинштейн указывал на неосознанную психическую деятельность, противопоставляя ей лишь сознательное психическое.

Итак, все вышеназванные авторы четко различают «бессознательное психическое» и «неосознанное психическое», чего нельзя сказать о некоторых авторах, статьи которых опубликованы в коллективной монографии («Бессознательное: природа, функции, методы исследования»).

7. «УСТАНОВКА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ФЕНОМЕНОМ СОЗНАНИЯ»

Д. Н. Узнадзе в принципе и категорически отвергает существование «бессознательного психического». В доказательство, на наш взгляд, достаточно привести заглавие одного из его параграфов — «Понятие бессознательного излишнее понятие». А перед этим параграф, тоже с красноречивым заглавием: «Установка не является феноменом сознания».

Ясно, что для Д. Н. Узнадзе понятие «бессознательное» и предложение «не является феноменом сознания» по содержанию резко отличаются друг от друга.

Чтобы не осталось никакого сомнения в этом, я почти полностью привожу здесь как первый, так и второй из этих параграфов.

«Установка не является феноменом сознания». Мы показали, что установка, касаясь материала, получаемого субъектом при помощи всех его реципирующих органов, должна быть понимаема не как их специальная функция, а как общее состояние индивида...

Возникает вопрос: как же понимать это состояние?

Если оно — состояние установки — представляет собой феномен сознания, тогда придется считать его одним из многих явлений, имеющих в сознании место наряду с другими. Но мы видели, что установка не может быть отнесена к этой катего-

---

[74] Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. М., Изд-во социально-экономической литературы, 1961, с. 47.

[75] Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., Изд-во АН СССР, 1957, с. 272.

рии явлений. Она должна представлять собой скорее некоторое общее состояние, которое касается не отдельных каких-нибудь органов субъекта, а деятельности его как целого.

Для того, чтобы получить материал по этому вопросу, лучше всего обратиться к помощи эксперимента, Выше мы уже имели случай использовать опыты с постгипнотическим внушением для разрешения вопроса о теории ожидания, как основы наших иллюзий установки. Мы считаем, что эти же опыты дают нам вполне определенный ответ в первую очередь именно на вопрос, который сейчас стоит перед нами...

Мы уже упоминали выше, как протекают эти опыты. После того, как испытуемый переводится в состояние глубокого гипнотического сна, ему даются в руки шары — один большой, другой малый — с предложением сравнить их друг с другом и сказать, какой из них больше. После значительного числа повторений этих опытов испытуемый переводится в другую комнату, выводится из гипнотического состояния и с ним проводятся критические опыты, т. е. ему даются в руки одинаковые шары с предложением сравнить их между собой...

Дело в том, что испытуемые, ничего не зная об установочных опытах, проведенных с ними во время гипнотического сна, в критических опытах все же обнаруживают обычную иллюзию установки: один из шаров, как правило, кажется им почти всегда больше другого и это определено проведенными во время гипнотического сна установочными опытами. Несмотря на факт обычной в таких случаях постгипнотической амнезии, мы все же внушали испытуемым, что они не будут помнить, что они делали во время гипнотического сна. Значит, бесспорно, что испытуемые, несмотря на то, что сознательно ровно ничего не помнят об установочных опытах, проведенных с ними во время гипнотического сна, все же оказываются фактически под решающим влиянием этих опытов.

Совершенно ясно, что в результате установочных опытов у испытуемых вырабатывается какое-то состояние, которое, оставаясь вне пределов их сознания, все же сохраняет способность оказывать на него решительное влияние: не будь с ними этих установочных опытов, равные шары критических экспозиций они воспринимали бы, как правило, вполне адекватно.

Таким образом, становится бесспорным, что в нас существует некоторое состояние, которое, само не будучи содержанием сознания, имеет однако силу решительно на него действовать. В наших опытах это состояние вырабатывается в результате действия установочных экспозиций, и факт восприятия равных критических шаров неравными является закономерным результатом активности этого внесознательного состояния.

Короче говоря, на основе результатов этих опытов мы можем утверждать, что наши состояния сознания могут протекать

под воздействием не обязательно других сознательных процессов: они могут определяться такими процессами, которые не имеют определенного места в сознании и, значит, не являются сознательными психическими фактами. Мы должны признать, что... помимо сознательных психических процессов, существуют и в известном смысле «внесознательные», что, однако, не мешает им играть очень существенную роль. В нашем случае эту роль, как мы видели, играет установка...

Таким образом, мы можем утверждать, что наши сознательные переживания могут находиться под определенным влиянием наших установок, которые со своей стороны вовсе не являются содержаниями нашего сознания»[76].

Как явствует из приведенных строк, Д. Н. Узнадзе ни разу не употребляет для характеристики понятия установки «бессознательное» и только подчеркивает как в заглавии, так и в тексте, что установка не является феноменом сознания. А это, повторяем, факт не случайный.

Феноменами сознания не являются многие явления (дыхание, кровообращение, и вообще множество физиологических процессов, протекающих в организме), однако никто не подумает назвать их бессознательными психическими явлениями.

Мою статью, помещенную в коллективной монографии «Бессознательное: природа, функции, методы исследования», в которой я констатирую положение, что Д. Н. Узнадзе отвергал бессознательное психическое в психологии, редакция монографии снабдила следующей заметкой:

«Затрагивая вопрос в взаимосвязи понятия установки и бессознательного, В. В. Григолава приводит высказывания Д. Н. Узнадзе, по которым «понятие бессознательного должно быть отброшено...» и т. д. Чтобы избежать могущего возникнуть недоразумения, необходимо уточнить, что указания Д. Н. Узнадзе относится к бессознательному в его фрейдистском, психоаналитическом понимании, которое всегда представлялось Д. Н. Узнадзе лишенным позитивного содержания и не обогащающим психологическую мысль, а не к идее бессознательного как таковой.

Это видно хотя бы из приводимых В. В. Григолава слов Д. Н. Узнадзе: «Учение о бессознательном, по существу, основано на правильном представлении о психологической жизни человека, поскольку оно подчеркивает, что сознательные процессы вовсе не исчерпывают всего содержания психики».

Необходимо, следовательно, ясно отличать негативные отношения Д. Н. Узнадзе к бессознательному как к элементу психоаналитической модели душевной жизни человека от его взгляда на бессознательное как на особенность психики, находящую

---

[76] Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., Наука, 1966, с. 176—178.

свое концептуальное раскрытие в теории неосознаваемой психологической установки»[77].

Можно ли согласиться с этим примечанием редакции?

Чтобы ответить на этот вопрос, продолжим параграф из монографии Д. Н. Узнадзе «Экспериментальные основы психологии установки».

8. «ПОНЯТИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ИЗЛИШНЕЕ ПОНЯТИЕ».

Как уже отмечали, следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что Д. Н. Узнадзе не просто, не между прочим отрицает необходимость понятия бессознательного в психологии, а приводит в качестве заглавия параграфа это положение, выражающее суть его теории, — «Понятие бессознательного излишнее понятие» (в русском переводе книги Д. Н. Узнадзе это место переведено не совсем точно, а именно как «Ненужность понятия бессознательного»[78].

Таким образом, Д. Н. Узнадзе категорически отрицает законность понятия бессознательного в психологии и вводит новое понятие — установку, объясняющее феномены, не характеризующиеся признаком сознания.

Считаем нужным почти полностью привести содержание и этого параграфа: «Это дает нам право утверждать, что в распространенных учениях о большой роли бессознательного в психике человека, несомненно, имеется какое-то существенное основание. Однако, ближайшее знакомство с этим учением показывает, что основание это не продумано до конца, и поэтому вся концепция оказывается мало убедительным и слишком искусственным построением.

Нет сомнения, что наиболее слабым пунктом учения о бессознательном, например у Фрейда, является утверждение, что разница между сознательными и бессознательными процессами в основном сводится к тому, что эти процессы будучи по существу одинаковыми, различаются лишь тем, что первый из них сопровождается сознанием, в то время как второй не сопровождается сознанием. Что же касается их самих, то внутренняя природа и структура их остаются в обоих случаях одинаковыми.

В таком освещении становится понятным, что бессознательные процессы, играющие столь существенную роль, например, при психических заболеваниях, могут стать сознательными сначала для психоаналитика, а потом, в определенных условиях, и

---

[77] Бессознательное: природа, функции и методы исследования, под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., т. 1, Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 131.

[78] Узнадзе Д. Н. Психологические исследования., М., Наука, 1966, с. 176.

для самого больного. По мнению психоаналитика, с переживаниями больного не происходит по содержанию ничего нового, ничего существенного: какое-то содержание не освещалось у него лучами познания, теперь же оно освещается этими лучами, и этого в основном достаточно, чтобы больной стал вполне здоровым человеком.

Согласно этому учению, все дело сводится к прошлому больного — к каким-то переживаниям, которые имели или могли иметь место когда-то в сознании, но в первом случае подверглись забвению, а во втором с самого же начала были «вытеснены» оттуда. Кажется, что «осознать» в этом случае означает, в основном, не более как «вспомнить». И создается впечатление, что забытые содержания сознания продолжают жить и действовать вне сознания и таким образом оказывают влияние на поведение субъекта.

Можно утверждать, что наиболее существенным источником, из которого проистекают основные трудности, глубинной психологии, например, всего учения Фрейда, является именно эта концепция бессознательного. Я думаю, если бы удалось освободить понятие бессознательного от обычного для сознательной жизни психического содержания, если бы удалось найти для него иное содержание, которое, по существу, не было бы радикально оторвано от связи с психикой*, то тогда мы получили бы в руки орудие, которое дало бы нам возможность глубже вникнуть в действительное положение вещей.

Мы видели, что понятие установки как раз и представляет собой концепт, который больше всего подходит для решения этой задачи. Установка... представляет собой состояние, которое, не будучи само содержанием сознания, все же оказывает решающее влияние на его работу. В таком случае настоящее положение вещей следовало бы представить себе следующим образом: наши представления и мысли, наши чувства и эмоции, наши акты волевых решений представляют собой содержание нашей сознательной психической жизни, и когда эти психические процессы начинают проявляться и действовать, они по необходимости сопровождаются сознанием. Сознавать поэтому значит представлять и мыслить, переживать эмоционально и совершать волевые акты... Но было бы ошибкой утверждать, что этим исчерпывается все, что свойственно живому существу вообще и особенно человеку, не считая его физического организма. Кроме сознательных процессов, в нем совершается еше

---

* Русский перевод этого места дан неправильно, так как вместо слов «иное содержание, которое, по существу, не было бы радикально оторвано от связи с психикой» («Психологические исследования», М., 1966, с. 179), в оригинале («Экспериментальные основы психологии установки». Труды, т. VI, Тбилиси, 1977, с. 45) имеется: «иное, более подходящее содержание» (В. Г.).

нечто... Мы нашли, что эта — установка... Мы видели из наших опытов, что она действительно существует актуально, не принимая форму содержания сознания; она сама протекает вне сознания, но тем не менее оказывает решительное влияние на все содержание психической жизни.

Таким образом, мы находим, что учение о бессознательном базируется лишь отчасти на правильном представлении о психической жизни. Оно подчеркивает, по праву, что **сознательные процессы делеко еще не исчерпывают всего содержания психики** и поэтому возникает необходимость признания процессов, протекающих вне сознания».

Как мы видим из слов Д. Н. Узнадзе, одно из затруднений теории психоанализа состоит в том, что для нее бессознательное, по существу, является фактом памяти, с той только разницей, что психоаналитик должен помочь субъекту вспомнить сохраненное в его психике в виде «бессознательного». «Кажется, что «осознать» в этом случае означает в основном не более как «вспомнить», — как правильно замечает Д. Н. Узнадзе[79].

По мнению Д. Н. Узнадзе, психика человека не исчерпывается содержаниями сознания и существует еще что-то, которое хотя и влияет на сознание субъекта, но тем не менее само не является содержанием сознания; «кроме сознательных процессов, в нем (в человеке — В. Г.) совершается нечто такое, что само не является содержанием сознания, но определяет его в значительной степени... Мы нашли, что это — установка, проявляющаяся фактически у всякого живого существа в процессе его взаимоотношений с действительностью»[80].

Согласно Д. Н. Узнадзе, установка протекает вне сознания и, несмотря на это, при соответствующих условиях оказывает решающее влияние на содержание сознательной психической жизни человека.

Единственную большую заслугу Фрейда Д. Н. Узнадзе видит в утверждении, что «...сознательные процессы далеко еще не исчерпывают всего содержания психики и что поэтому возникает необходимость признания процессов, протекающих вне сознания»[81].

Никто в психологии не отрицает существования неосознанного психического. Несомненно существуют множество психи-

---

79 Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., Наука, 1966 с. 179.

80 Там же, с. 179.

81 Там же, с. 179.

ческих явлении, которые не всегда даны в сознании, но, конечно, из-за этого нельзя считать их бессознательными — нельзя, например, сказать, что все то, что субъект имеет в виде памяти, является бессознательным психическим.

Некоторые явления запечатлены в памяти, и в определенных условиях они всплывают в сознании, однако было бы ошибкой говорить об их «бессознательном» существовании. Бессознательное, по Фрейду, это только то, о чем сам субъект вообще ничего не знает. То, что субъект может вспомнить, уже не является бессознательным, а представляет собой выявление памяти.

Когда психоаналитик «напоминает» субъекту об его бессознательных, вытесненных желаниях, то единственное, на что способен этот субъект, это — поверить или не поверить психоаналитику в том, в чем он его уверяет. Что касается воспоминания, то здесь активен сам субъект; правда, ему могут помочь вспомнить какой-либо факт, однако и в этом случае он сам вспоминает, сам является активным, тогда как в качестве пациента психоаналитика он абсолютно пассивен.

В психологии существует мнение, согласно которому вообще отрицается существование психики вне сознания, однако, как было указано выше, Д. Н. Узнадзе не разделяет этого мнения. Наоборот, ставит Фрейду в заслугу указание на психику вне сознания. Простейшие примеры могут подтвердить нам это положение.

Скажем, когда я пишу этот труд, в авторучке вышли чернила, и я отправился за ними в другую комнату. В это время послышался телефонный звонок. Я взял трубку и стал говорить по телефону. Во время этого разговора (который Д. Е. Броудбент называет интерферирующим раздражителем)[82] я могу забыть, зачем я вышел в эту комнату. Однако, в прямом значении забывать означало бы, что я должен вернуться в первую комнату и сызнова открыть, что чернила вышли. Но обычно так не бывает. Как только я закончу телефонный разговор, сразу же вспоминаю, что я вошел в эту комнату с какой-то целью. Вот эта цель, которая не дана в моем сознании, каким-то образом все же продолжает существовать во мне и это, разумеется, не является только физиологическим состоянием; это психическое состояние, причем в какой-то мере и сознательное; мое личностное состояние — что-то я должен сделать, я должен совершить какое-то действие сознательно, однако в то же самое время в сознании не дано, что именно я должен сделать; это — вне моего сознания, но все же оказывает некоторое влияние на мое состояние, которое, в свою очередь, ясно представлено в

---

[82] Broadbent D. E. Introduction.—XVIII International Congress of Psychology. Symposium № 21, M., 1966, p. 3—4.

моем сознании. Своебразие работы психики в таком конкретном случае выражается в том, что пока я не достигну своей цели, пока я не найду чернил, восприятие ни одного другого предмета не может снять той напряженности, которое я в это время испытываю.

Именно это особое состояние, готовность к возобновлению нереализованного действия, как личностный статус, можно считать установкой. В этом отношении установка является не только готовностью к действию, но и инструментом, сохраняющим нереализованную потребность в состоянии постоянной активности.

Наглядным подтверждением этого, по нашему мнению, является широко известный феномен Б. В. Зейгарника, о котором говорится в труде, опубликованном еще в 1927 году[83].

В экспериментах Б. В. Зейгарника испытуемому предъявляется ряд задач (от 18 до 22), которые он должен решить. Эти задачи различного типа: нарисовать монограмму, сложить определенную фигуру из спичек, нанизать бусы, написать стихотворение, вырезать из бумаги спираль, слепить из картона коробочку, нарисовать вазу, решать кросворд и т. д.

Испытуемому дается следующая инструкция: «Вам будет предложен ряд занятий, постарайтесь выполнить их как можно точнее и быстрее».

Половину предложенных задач каждому испытуемому давали выполнить до конца, а процесс решения другой половины задачи прерывался экспериментатором до их завершения. Прекращение испытуемым выполнения предлагаемых задач обеспечивалось тем, что экспериментатор внезапно предлагал испытуемому другую работу. Если испытуемый спрашивал, что делать с незавершенными задачами, экспериментатор делал вид, что он, занятый составлением протокола, не расслышал вопроса; таким образом, испытуемый не получал определенного ответа на свои вопросы.

Данные экспериментов показали, что испытуемые лучше запоминали незавершенные, чем завершенные действия. Отношение воспроизведенных незавершенных решений /ВН/ к воспроизведенным завершенным /ВЗ/ равнялось 1,9.

$$\frac{\text{ВН}}{\text{ВЗ}} = 1{,}9.$$

Как видно, незавершенные действия воспроизводились на 90% лучше, чем завершенные.

Ф. В. Бассин, рассматривая опыты Б. В. Зейгарника и других сотрудников К. Левина, делает следующее заключение: «В опытах Б. В. Зейгарника и других сотрудников Левина выявля-

---

[83] Зейгарник Б. В. Личность и патология деятельности. М., 1927.

ется тот же кардинальный факт: незавершенное действие, т. е. активность, регулируемая определенной установкой и встретившая какие-то препятствия на пути своего развертывания, оставляет след в состоянии реализующих ее нервных образований, который как таковой не осознается. Существование этого следа обнаруживается, как и при исследовании иллюзии Шарпантье, только если применяются специальные контролирующие тесты (которыми в исследованиях Б. В. Зейгарника являлись задачи на воспоминание)»[84].

Этот взгляд Ф. В. Бассина не вызывает возражений, хотя не совсем ясно, что он имеет в виду, когда старается объяснить феномен Б. В. Зейгарника в свете теории установки Д. Н. Узнадзе*. На наш взгляд, теорией установки Д. Н. Узнадзе хорошо можно объяснит феномен Б. В. Зейгарника, если учтем учение Д. Н. Узнадзе о двух планах работы психики — планах установки и объективации.

Когда испытуемые Б. В. Зейгарника решают задачу, у них уже имеется установка на решение задачи. Эту установку создают потребность (создаваемая у субъекта под влиянием инструкции) и ситуация в виде предложенной задачи. Как потребность, так и ситуация субъекту даны в сознании, однако установка, возникшая на их основе в субъекте, не дана в сознании, она действует, так сказать, в «несознательном» виде. И именно эта установка дает импульс действию субъекта (испытуемого). Она является состоянием субъекта, позволяющим ему выполнить то или иное действие. Возбудить действие не способны ни потребность и ни ситуация в отдельности: основанием действия является состояние субъекта, выявляющееся в виде установки. Как только установка начинает функционировать, то вполне возможно, чтобы сознание переместилось в совершенно другом направлении и действие направилось только на основе установки: когда субъект решает ехать на службу, он садится в машину, и при ее управлении сознание выполняет совершенно другую «работу». В это время субъект может решать даже сложнейшие задачи, о которых он раньше много думал, и, несмотря на это, нормально управлять автомашиной. «...системность индивидуальной психической организации, — пишет

---

[84] Бассин Ф. В. Проблема бессознательного, М., 1968, с. 290.

* Ф. В. Бассин развивает совершенно правильный взгляд, говоря, что «...незавершенное действие... оставляет след в состоянии реализующих ее нервных образований, который, как таковой, не осознается». Однако здесь же следует отметить, что пока еще никто в науке не попытался доказать, что то, что происходит в нервных образованиях, можно осознать. Если бы это было так, то психология как наука вообще бы стала излишней. Следует учесть и то, что в коллективной монографии «Бессознательное: природа, функции, методы исследования» Ф. В. Бассин в редакционной статье развивает другой, по существу, взгляд.

А. С. Прангишвили, — системность деятельности («система-индивид», модус целостного состояния субъекта в каждый дискретный момент его деятельности») не является фактом непосредственного переживания субъекта»[85].

Установка до тех пор держит индивида в деятельной позиции, пока он не завершит действия (пока, например, он не приедет на службу), а когда реализация установки завершится, то место установки сразу же занимает сознание, пока у субъекта не выработалась новая установка, и т. д. Однако, если по какой-либо причине реализация установки задерживается, как это бывает в случае феномена, вызванного Б. В. Зейгарником искусственно, то сразу же начинает функционировать сознание (посредством объективации), и феномен Б. В. Зейгарника не является ничем другим, как приведением в действие этого сознания путем активности установки.

В каждом случае, как только завершится реализация той или иной установки, сразу же в работу психики включается сознание (через объективацию), так как психика, как говорил У. Джемс, характеризуется, подобно реке, непрерывным течением. Поэтому, установку и объективацию следует считать теми основными психическими инструментами, которые определяют деятельность человека: одного рода психический процесс (установка) сменяет другой (объективация) и наоборот. И этот процесс продолжается бесконечно, пока индивид жив.

Поэтому, если мы разделяем учение Д. Н. Узнадзе, то мы не должны утверждать, что бессознательное и сознательное сменяют друг друга в психической жизни человека. Кто считает, что источником работы психики является чередование сознательного и бессознательного, понятие объективации становится излишним, как, впрочем, и для того, кто основными инструментами работы психики считает установку и объективацию, понятие бессознательного является излишним.

Если бы Д. Н. Узнадзе не написал вышеприведенных двух параграфов («Понятие бессознательного излишнее понятие» и «Установка не является феноменом сознания»), то действительно могло бы возникнуть сомнение (конечно, необоснованное), что Д. Н. Узнадзе в той или иной мере признавал существование «бессознательного психического», но после того как он этому вопросу посвятил эти два параграфа, для такого сомнения нет никакого основания.

---

85 Прангишвили А. С. К проблеме бессознательного в свете теории установки: Школа Д. Н. Узнадзе. — Сб. Бессознательное: природа, функции, методы исследования, под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., т. 1, Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 90.

9. УСТАНОВКА — СОСТОЯНИЕ ЖИВОГО ОРГАНИЗМА

На самом ли деле существует какое нибудь, хотя бы малейшее основание для утверждения, что Д. Н. Узнадзе считал установку бессознательным психическим? Выше мы отмечали, что такого основания нет и что Д. Н. Узнадзе заявлял и доказывал, что «понятие бессознательного излишнее понятие» и что установка и бессознательное психическое — взаимоисключающие понятия. К этому следует добавить, что Д. Н. Узнадзе всегда подчеркивает одно глубоко принципиальное положение: **установка является основой поведения всего живого мира.** «Можно сказать, что всякое поведение **живого существа, на каком бы уровне развития оно ни находилось,** несомненно предполагает наличие двух условий: потребности и ситуации ее удовлетворения... понятия потребности и ее удовлетворяющей ситуации являются необходимыми понятиями, без которых нельзя себе представить поведение человека или **живого существа** вообще» (подчеркнуто нами — В. Г.)[86]. И там же: «Можно заключить, что действие всякого живого существа, **в том числе и человека** (подчеркнуто нами — В. Г.), может быть активизировано без его отдельных познавательных, эмоциональных и волевых актов, оно может быть активизировано на основе его установки, которая выражает не какую-либо отдельную функцию, а состояние целого субъекта как такового»[87].

«Нет основания предполагать, что на основе потребности и ситуации установка соответствующей активности может возникнуть лишь у человека... Установка имеет особо важное, непосредственное значение именно для животных»[88]. «Без сомнения, — говорит Д. Н. Узнадзе в другом месте, — что **установка не является специфической особенностью человека»**[89] (подчеркнуто нами — В. Г.).

Что касается бессознательного психического (у Фрейда, Липпса, Юнга, Адлера и др.), к нему прибегают лишь для характеристики психической жизни человека, и ни один представитель теории бессознательного психического никогда не говорил, что оно представлено и у животных (хотя с другой точки зрения, именно у животных можно допустить существование «бессознательного психического», если под этим понимать «существо, не имеющее сознание»)

Как мы видели, психоанализ видит разницу между сознательным и бессознательным в том, что это последнее не сопро-

---

[86] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 269—270 (на груз. яз.).

[87] Там же, с. 110.

[88] Там же, с. 127.

[89] Узнадзе Д. Н., Психологические исследования. М., 1966, с. 181.

вождается сознанием. В остальном они тождественны. Д. Н. Узнадзе по этому поводу говорит: «Если бы удалось освободить понятие бессознательного от обычного для сознательной жизни психического содержания... тогда мы бы получили в руки орудие, которое дало бы нам возможность глубже вникнуть в действительное положение вещей»[90].

Следовательно, для Фрейда бессознательное, по существу, сознательное, которое по каким-то причинам превратилось в бессознательное. Что касается установки, она не является феноменом сознания, она не является и видоизмененным сознательным, а представляет собой такое психическое, которое протекает вне сознания, однако оказывает влияние, существенно определяет протекание сознательных процессов (у человека).

Именно поэтому Д. Н. Узнадзе для процессов, протекающих без сознания в виде установки, находит понятие, имеющее иное содержание.

Говоря короче, **Д. Н. Узнадзе только в одном соглашается с Фрейдом, а именно в том, что вся психическая жизнь человека не исчерпывается сознательными процессами, и он считает, что этот единственный момент следует признать ценной стороной всей теории Фрейда.**

Д. Н. Узнадзе пишет: «Если предположим, что психическая действительность имеется лишь там, где подтверждаются сознательные процессы, то следовало бы считать, что психика полностью четко выделена от всего, что лишено сознания — от всего материального — и составляет самостоятельную, независимую, полностью замкнутую сферу действительности. В таком случае следовало бы признать, что между психическим и материальным существует неразрешимое противоречие и было бы естественно думать, что невозможно существование между ними какой-нибудь связи и невозможно, чтобы они оказывали друг на друга какое-нибудь влияние»[91].

В этом и только в этом отношении Д. Н. Узнадзе считал учение Фрейда некоторым положительным явлением в психологии, преодолевшим ошибочное представление традиционной психологии о сознательном как о полностью исчерпывающем все психическое содержание или о совпадающем с ним.

Никто никогда не оспаривал положения, что организмы живого мира, кроме сознания, обладают и такими механизмами, которые не достигают уровня сознания. Физиологические процессы, протекающие в мозгу человека, не являются сознательными, хотя они несомненно оказывают влияние на протекание

---

[90] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, 1977, с. 45 (на груз. яз.).

[91] Там же, с. 8—9.

сознательных процессов (у человека). Но спорным является именно это: считать вышеуказанные процессы за психологические процессы или нет? Тем более, что подобное влияние на сознательные психические процессы человека оказывают и другие части человеческого организма. И это настолько очевидно, что Джемс и Ланге на этом деле построили оригинальную теорию о природе эмоций. Например, страх, по Джемсу, является комплексом внутренних ощущений, возникших на основе раздражений, которые идут от телесных изменений. Если бы не было этих раздражений, не возникали бы и соответствующие ощущения и, следовательно, и их комплекс — страх[92].

Таким образом, по Джемсу, эмоция является отзвуком телесных процессов, данным в сознании, а само то, что происходит в этих телесных органах, разумеется не дано в сознании, существует вне сознания, хотя и определяет протекания сознательных психических процессов. Приблизительно также рассуждает и Ланге. Он утверждает, что основой эмоций являются периферические соматические процессы, что эмоции, по существу, следует считать психическим отображением этих телесных процессов. Таким образом, соматические процессы носят физиологический характер, а их отображение — психический[93].

Опыты Кеннона[94] показали, что эмоции связаны с системными процессами, что они имеют гуморальную природу. Выяснилось, что они связаны с активностью желез внутренней секреции, в частности надпочечной железы, выделяющей при эмоции большое количество адреналина. По мнению С. Л. Рубинштейна, висцеральные и вазомоторные реакции являются побочными факторами эмоциональных процессов[95]. Л. Шерток[96] считает, что на работу сознания большое влияние оказывают соматические процессы, которые не представлены в сознании. Это и понятно. Если бы соматические процессы были представлены в сознании субъекта хотя бы в виде переживания, то они имели бы не соматическую, а психическую природу.

---

[92] James W. What is an Emotion, N. Y., 1884.

[93] Lange G. Uber Gemutsbedingungen, Bonn, 1887.

[94] Cannon W. The James—Lange Theory of Emotion.—Amer. Journ. of Psychology, № 2, 1927.

[95] Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии, М., Учпедгиз, 1946.

[96] Chertok L. Psychosomatique experimentale la versication.—В сб.: «Бессознательное: природа, функции, методы исследования», под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В. т. III, Тбилиси, Мецниереба, 1978.

Выше мы указывали, что «бессознательное» и «неосознаваемое» иногда считаются синонимами («Вопрос о бессознательном, т. е. о существовании и роли неосознаваемой психической деятельности...»)[97]. К тому же, «неосознаваемое» употребляют не в смысле неосознаваемого, а в значении «неосознанного». Право на такой вывод нам дает то обстоятельство, что в примечании к статье А. Т. Бочоришвили редакция упрекает А. Т. Бочоришвили за то, что он «неосознаваемый» и «непознаваемый»* считает синонимами.

Это, наверное, так и есть: А. Т. Бочоришвили под «неосознаваемым подразумевает то, что принципиально нельзя осознать, а это, конечно, то же самое, что и «непознаваемый». Что касается редакции, то она придерживается другого мнения: «Мы подразумеваем при этом лишь существование таких форм психической деятельности человека, которые **осознаются** им смутно или даже не **осознаются** вовсе» (курсив наш. — В. Г.)[98].

Следовательно, как «бессознательное», так и «неосознаваемое» редакция считает такими феноменами, которые или смутно осознаются, или вовсе не осознаются. Однако в таком случае нет никакой надобности вводить понятие «бессознательного» и вполне достаточно говорить о неосознанном психическом, против чего, поскольку мы знаем, никто не возражает ни в советской, ни в зарубежной психологии.

Это подтверждают приведенные ниже высказывания.

Начнем с высказывания, которое мы не раз приводили и выше: «Осознаю ли я... предметы, выставленные в витринах магазинов... в то время, когда я занят беседой со спутником? нет»[99].

«Осознанность и неосознанность являются качествами психического отражения человека»[100].

«Когда ватман управляет трамваем, часто его сознание занято злободневными вопросами, сопровождающими его с момен-

---

[97] Бассин Ф. В., Прангишвили А. С., Шерозия А. Е. О проявлении активности бессознательного в художественном творчестве. — Вопросы философии, №2, 1978, с. 57.

* В тексте «неопознаваемость» (Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. 1, Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 189), по-видимому, является корректурной ошибкой, хотя это в примечании редакции повторяется три раза (В. Г.).

[98] Бессознательное: природа, функции и методы исследования, под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 189.

[99] Леонтьев А. Н. Психологические вопросы сознательности учения. — Известия АПН РСФСР, 1947, с. 10.

[100] Шорохова Е. В. Проблемы сознания в философия и естествознании, М., 1961, с. 291.

та выхода из дома, однако он своевременно реагирует на все встречающиеся на пути сигналы»[101].

Ф. В. Бассин делает заключение, что «...представление, по которому восприятия и высшие формы нервной деятельности, связанные с определенным психологическим содержанием, способны влиять на поведение также и в тех случаях, когда сами осознаются...»[102]

«Психическая деятельность человека не тождественна сознанию. Сознание — это высшая форма психики. Психика может не достигать уровня сознания или же спускаться ниже его порога»[103].

Что касается Д. Н. Узнадзе, то, согласно его мнению, все действия, осуществляемые человеком на уровне установки в обычных, нормальных условиях, протекают без участия внимания. Д. Н. Узнадзе говорит: «Работу психики человека мы должны предполагать в двух планах: в одном плане она протекает без участия внимания, в другом же — при его прямом участии. К тому же, в обоих случаях мы должны подразумевать, как необходимое, наличность предиката ясности и четкости»[104].

Одеваясь, человек ясно воспринимает каждую нужную деталь одежды и осуществляет соответствующие движения, однако, возможно, в это время все его сознание поглощено другими вещами, и это обычно так и бывает. Но что же определяет процессы («1. Выделение, отбор из воздействующего на нас ряда агентов таких, которые отвечают целям данного нашего поведения; 2. Концентрация на них психической энергии и 3. Возрастание уровня четкости сознания как следствие вышеуказанных процессов»[105]) наблюдаемые в таких случаях? По мнению Д. Н. Узнадзе, «решение этой проблемы на основе понятия установки не связано ни с какими особенными трудностями»[106].

По-видимому, именно эту форму психической активности имеют в виду редакторы сборника[107], когда утверждают, что отказ от понятия бессознательного психического является ошибкой в психологии. Приведем несколько мест из их рассуждений.

---

[101] Faverge J. M., Omberdane A. L'Analyse d'travail Facte d'economie humaine et de Productivite. Paris, 1955, p. 16.

[102] Бассин Ф. В. Фрейдизм в свете современных научных дискуссий.— Вопросы психологии, № 5, 1958, с. 139.

[103] Спиркин А. Г. Происхождение сознания. М., 1960, с. 10.

[104] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 132 (на груз. яз.).

[105] Там же, с. 135.

[106] Там же, с. 135—136.

[107] Бессознательное: природа, функции, методы исследования, под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., т. 1, Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 33.

«Отмечалось, что «неосознаваемость» проявляется иногда в том, что отражение воздействий, оказываемых на объект (корректурная ошибка, должно быть «субъект» — В. Г.), отсутствует не только в сознании последнего, но и в системе его переживаний (субсенсорика, по Г. В. Гершуни, неосознаваемая и непереживаемая переработка информации на определенных этапах творческого процесса и т. п.)»[108].

«...«Неосознаваемость» отнюдь не исключает того, что отражение действительности отчетливо «переживается» его субъектом: неосознаваемость выражается в подобных случаях лишь в том, что сам факт этого отражения не становится предметом мыслительной активности субъекта, субъект не может произвольно направить на него свое внимание (неосознаваемость, например, переживаний в ранней фазе детства)»[109].

«Возможны и такие случаи, когда регуляция поведения отражается как в системе переживаний, так и в содержании мыслительной деятельности, но только — на уровне «формальных значений»: она выпадает из сферы осознаваемого на более глубоком уровне — «системных смыслов», которыми наполнены соответствующие содержания переживаний для их субъекта»[110].

Возможно, такое понимание «бессознательного» и определяет примечание на мою статью.

Еще раз подчеркнем, что поскольку установка «проявляется у каждого живого существа в процессе взаимодействия с действительностью» (Д. Н. Узнадзе), следовательно она является свойством всякого организма. Что же касается «бессознательного», то оно может характеризовать только человека, ибо «бессознательное» не может иметься у существа, у которого вообще нет сознания.

10. УСТАНОВКА, БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ И НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

А. С. Прангишвили приводит цитату из книги Д. Н. Узнадзе: «Наши представления и мыслы, наши чувства и эмоции, наши акты волевых решений представляют собой содержание нашей сознательной психической жизни и, когда эти психические процессы начинают проявляться и действовать, они с необходимостью сопровождаются сознанием. Поэтому сознавать — это значит представлять и мыслить, переживать эмоционально и совершать волевые акты. Иного содержания, кро-

108 Бессознательное: природа, функции и методы исследования, под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 33.

109 Там же, с. 33

110 Там же, с. 33.

ме этого, сознание не имеет вовсе», и заключает, что «определять психологическое содержание бессознательного как неосознаваемые переживания значит впадать в логическую ошибку (contradictio in adjecto)»[111].

Отсюда ясно, что для А. С. Прангишвили бессознательное, как и для Д. Н. Узнадзе установка, не является неосознаваемыми переживаниями и что «понятие отражения положило начало развитию нового направления исследования природы неосознаваемой психической деятельности»[112].

Таким образом, «бессознательное» и «неосознаваемое» здесь являются синонимами. Это предположение кажется более правильным, если учесть, что А. С. Прангишвили слово «бессознательное» часто снабжает кавычками, а слово «неосознаваемое» — ни разу[113].

А. С. Прангишвили выдвигает несомненно глубоко обоснованную мысль, говоря, что «...классики марксизма, разносторонне изучив процесс формирования у людей их «принципов, идей и т. д.» как отражения бытия, реальной деятельности человека, показали, что сознание не следует понимать как неизбежную форму существования психического и, тем более, не следует отождествлять природу психического отражения с сознательным процессом познания»[114].

Однако, отсюда во все не вытекает, что вторая (или другая) форма психического отражения, будто, является бессознательной.

Само по себе, возможно, термин «бессознательное» не так уж непригоден для выражения того обстоятельства, которое мы подразумеваем под установкой, однако он (термин «бессознательное») так тесно связан исключительно с учением Фрейда, что заменить его содержание теперь не является ни необходимым, ни возможным. Поэтому и нельзя применять этот термин при определении установки, тем более когда в этом нет необходимости.

А. Е. Шерозия утверждает: «Возможность раскрытия проблемы психики — взаимоотношений сознания и бессознательного психического это основа основ собственно психологии как науки»[115].

---

111 Прангишвили А. С. К проблеме бессознательного в свете теории установки. — В сб.: Бессознательное: природа, функции и методы исследования, под. ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 86.

112 Там же, с. 86.

113 Там же, с. 87—90.

114 Там же, с. 88.

115 Шерозия А. Е. Диалектика, принцип дополнительности и проблема познания психической целостности к неклассически ориентированной стра-

Аргумент, приводимый далее А. Е. Шерозия, таков: Д. Н. Узнадзе, дескать, отрицал не бессознательное вообще, а фрейдовское бессознательное. Однако, как мы отмечали выше, тогда Д. Н. Узнадзе не говорил бы о том, что это понятие «излишнее» и оно должно быть «отброшено», а, наоборот, говорил бы о необходимости сохранения этого понятия.

Интересные соображения высказывает о психоанализе (следовательно, о бессознательном) В. М. Лейбин: «...В буржуазной литературе нет единой точки зрения на психоанализ. Сам этот термин стал пригодным на все случаи жизни, в результате чего его использование часто оказывается столь двусмысленным (даже многосмысленным) и неопределенным, что иногда даже трудно понять, какое содержание вкладывает в него тот или иной автор»[116].

Сам Фрейд был против применения терминов «подсознательное», «неосознанное» и др. в смысле бессознательного психического[117]. Тем более неприемлемо обозначение других концептуальных конструкций именем «бессознательного». В вышеуказанных материалах симпозиума, «бессознательное» означает то «неосознаваемое», то «неосознанное», то «подсознательное», то «установку»; разумеется, этих недоразумений можно было бы избежать, если бы термин «установка» не смешивали с бессознательным, а употребляли в собственном значении и четко одозначно, как этого требовала концепция Д. Н. Узнадзе.

То, что смешение понятий «неосознанный», «неосознаваемый», «бессознательный» не случайно, подтверждается в исследовании Ш. Н. Чхартишвили, посвященном проблеме бессознательного.

«В своих последних исследованиях, — пишет Ш. Н. Чхартишвили, — он (Д. Н. Узнадзе — В. Г.) признал существование бессознательного психического, и в ходе разработки предложенной им теории установки развил целый ряд положений о форме его существования и о закономерностях его действия»[118].

Теперь посмотрим, как представлена данная проблема у классиков марксизма. Сам Ш. Н. Чхартишвили так излагает позицию классиков по этому вопросу.

«Согласно Марксу и Энгельсу сознание возникло вместе с языком в процессе развития человека в условиях обществен-

тегии научного эксперимента в психологии. — В сб.: Бессознательное: природа, функции и методы исследования, под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 751.

116 Лейбин В. М. Психоанализ и философия неофрейдизма, М., 1977, с. 3—4.

117 Какабадзе В. Л. Философские основы глубинной психологии (автореферат дисс. на соиск. уч. степ. доктора философ. наук), Тбилиси, 1974.

118 Чхартишвили Ш. Н. Проблема Бессознательного в советской психологии, Тбилиси, Мецниереба, 1966, с. 14.

ной жизни (К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология, 1954, с. 20—21). Вместе с тем из целого ряда высказываний Маркса и Энгельса явствует, что они признавали наличие у животных психики, лишенной сознания, чем в принципе уже допускали возможность существования бессознательного психического вообще»[119].

Правильно излагая положение Маркса и Энгельса о развитии психики, Ш. Н. Чхартишвили, как мне кажется, делает явно неправильный вывод, отождествляя «бессознательное» и «не имеющее сознание» (имея в виду животных).

Бесспорно, что во всей психологической литературе (в том числе и советской) спор относительно «бессознательной психики» идет не о психике животного, а о психике человека. О том что животное не имеет сознания в научной психологии никто не спорит. Бесспорно и то, что животное обладает психикой. Спорно то, существует ли «бессознательная психика» у человека в том виде, в каком она описывается в психологии и философии у Адлера, Юма, Бергсона и, особенно, у Фрейда.

Ш. Н. Чхартишвили в той же работе совершенно необоснованно употребляет «бессознательное» и «неосознанное» как идентичные понятия.

О содержании «бессознательного» в психологии не раз говорилось выше, а о том, как понимает это понятие Ш. Н. Чхартишвили, свидетельствует следующее: «С. А. Рубинштейн различает два уровня психической деятельности — **неосознанный** и **осознанный.** Он разделяет положение, что сознание вместе с общественным бытием и является специфической особенностью отражения, которая неразрывно связана с языком. Сознание, по мнению Рубинштейна, не покрывает всей психической деятельности человека, поскольку она не исчерпывается процессами сознания, как это полагали картезианцы»[120].

Здесь все ясно, и коментарии излишни, однако, непонятно, как можно, основываясь на данном утверждении Рубинштейна, делать следующий вывод: «По Рубинштейну, **бессознательное психическое** имеет место и в процессах мышления: люди на каждом шагу делают правильные умозаключения, не осознавая их оснований, — мы часто переносим с одной задачи на другую правило, **не осознавая** общей природы этих задач» (курсив наш — В. Г.)[121].

Для обоснования постулата бессознательного Ш. Н. Чхартишвили ссылается и на А. Н. Леонтьева, хотя сам Леонтьев в цитате, приведенной Чхартишвили, не упоминает бессозна-

---

[119] Чхартишвили Ш. Н. Проблема бессознательного в советской психологии, Тбилиси, Мецниереба, 1966, с. 14.

[120] Там же, с. 8.

[121] Там же, с. 8.

тельное: «У современного человека сознание является «всеобщей формой» психологического отражения мира, но из этого следует только то, что все воспринимаемое может стать при определенных условиях предметом сознания, а вовсе не то, что всякое психическое отражение имеет форму сознания»[122].

В своей работе Ш. Н. Чхартишвили приводит цитату И. П. Павлова, хотя в данном случае ясно, что Павлов «бессознательное» использует в качестве эквивалента «неосознанного».

Ш. Н. Чхартишвили приводит следующую цитату И. П. Павлова: «Неблагоприятным условием психологического исследования является тот факт, что исследование это имеет дело со сплошным непрерывным рядом явлений. Ведь в психологии (имеется в виду традиционная психология — В. Г.) речь идет о сознательных явлениях, а мы отлично знаем, до какой степени душевная жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного»[123].

То, что Павлов «бессознательность» не применяет в традиционном психологическом смысле, ясно и для самого Ш. Н. Чхартишвили, так как он здесь же пишет, что «...Павлов создавал физиологию высшей нервной деятельности, **совершенно не пользуясь** (курсив наш — В. Г.) психологическими понятиями«[124].

Справедливость требует отметить, что Ш. Н. Чхартишвили делает вполне приемлемый анализ восприятия, хотя непонятно, в какой связи оно находится с бессознательной психикой. Он пишет: «Утверждение, что восприятие не всегда связано с сознанием, выглядит, на первый взгляд, парадоксально, однако воспринятое и осознанное на самом деле не совпадают друг с другом. Внешняя действительность, которая воздействует на субъект, может отразиться в нем своими свойствами, связами, отношениями, и это отражение может опосредствовать действительность субъекта без осознания субъектом этой действительности»[125].

Смешивание понятий (особенно «бессознательного» и «неосознанного») в данной работе у Ш. Н. Чхартишвили (и не только у него) мне представляется очевидным.

Совершенно правильно указывает А. С. Прангишвили, что «в советской психологии, естественно, возникла настоятельная необходимость освободиться от отождествления психического и сознательного и признать, что сознательными переживаниями не

---

[122] Чхартишвили Ш. Н. Проблема бессознательного в советской психологии, Тбилиси, Мецниереба, 1966, с. 10.

[123] Павлов И. П. Полное собрание сочинений, т. III, М., Изд-во АН СССР, 1951. с. 84.

[124] Чхартишвили Ш. Н. Проблема бессознательного в советской психологии. Тбилиси, Мецниереба, 1966, с. 8.

[125] Там же.

исчерпывается все, что свойственно человеку»[126]. Однако, согласно Д. Н. Узнадзе, это обстоятельство не предполагает введения понятия «бессознательного» в психологию.

А. С. Прангишвили справедливо отмечает, что установка есть «модус целостного состояния субъекта», однако в другом месте этого же сборника мы читаем: «...Они (установки — В. Г.) выступают не как элемент конкретного содержания сознания, а как «модус» ...сознания»[127].

Г. Х. Шингаров считает, что «установка — это своеобразное состояние организма. **Оно возникает в результате установочных опытов** и оказывает существенное влияние на протекание деятельности человека»[128]. Автор здесь смешивает установку с фиксированной установкой.

Наверное, следует вполне согласиться с А. Г. Асмоловым, который считает, что понятие установки разные авторы понимают по разному и часто в этот термин вкладывают диаметрально противоположные содержания. А. Г. Асмолов говорит: «Список синонимов, возникающих при столь расширенном понимании установки, продолжает расти из-за объемности этого понятия. При этом возникают серьезные опасения относительно того, что понятие «установка» утратит тот глубокий смысл, который вкладывал в него классик отечественной психологии Д. Н. Узнадзе, и ее постигнет судьба одного из героев рассказа американского писателя Р. Бредбери. Герой этого рассказа менял свой облик в зависимости от воли и желания тех, кто на него смотрел, и погиб, когда все эти люди собрались вместе. Подобное событие вполне, однако, можно предотвратить, если устранить причину, приводящую к неопределенности понятия «установка»[129].

Несомненно, многое из теории установки Д. Н. Узнадзе поразному понимается разными авторами. Например, некоторые

---

[126] Прангишвили А. С. К проблеме бессознательного в свете теории установки: школа Д. Н. Узнадзе. В сб.: Бессознательное: природа, функции и методы исследования, под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 209.

[127] Бессознательное: природа, функции и методы исследования, под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 78.

[128] Шингаров Г. Х. Теория отражения и некоторые методические проблемы изучения бессознательного. — В сб.: Бессознательное: природа, функции и методы исследования, под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 209.

[129] Асмолов А. Г. Об иерархической структуре установки как механизма деятельности. — В сб.: Бессознательное: природа, функции и методы исследования, под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 147.

считают установку только бессознательной (А. С. Прангишвили, З. И. Ходжава, В. Г. Норакидзе, Ш. Н. Чхартишвили, А. Е. Шерозия и др.), а некоторые и сознательной (Ф. В. Бассин, Ш. А. Надирашвили, многие авторы, работающие в социальной психологии). К тому же, часто не все полностью сознают, что если установку принять за сознательный феномен (и этим самым поставить ее в ряд других феноменов сознания), то потеряется основной смысл установки — **объяснение направленности поведения,** смысл, который вкладывал Д. Н. Узнадзе в понятие установки.

Решительно следует заявить, как это было сказано и выше, некоторое сочетание (и я бы сказал — незаконное сочетание) понятия установки с «бессознательным» привело к некоторым неясностям и недоразумениям.

Эти недоразумения, наверное, исходят из того, что в своей монографии «Экспериментальные основы психологии установки» Д. Н. Узнадзе, с одной стороны, считает **«бессознательное» излишним понятием** и требует отказа от него, но, с другой стороны, говорит о том, что **установка не является феноменом сознания,** а это можно было истолковать при невнимательном чтении как утверждение того, что установка — это бессознательное психическое. Однако Д. Н. Узнадзе тут же решительно отвергает понятие бессознательного как имеющее определенное содержание и считает непригодным для характеристики установки.

Тут мы должны указать еще на одно обстоятельство. В связи с проблемой объективации Д. Н. Узнадзе пишет: «По-видимому, мы должны допустить, что если существуют какие-либо **психические содержания,** то они **всегда** сопровождаются той или иной степенью **сознания** независимо от того, можем ли мы в этих случаях говорить об участии внимания или нет. В противном случае не было бы никакого основания считать, что мы имеем дело действительно с **психическими содержаниями**» (курсив наш — В. Г.)[130].

Непонятным остается тот факт, что Д. Н. Узнадзе в своей монографии везде подчеркивает, что **психика не исчерпывается сознанием.** Здесь же он развивает мысль, что если какое-либо психическое содержание **не сопровождается сознанием,** оно не может быть сочтено психической действительностью.

Чем же объяснить это противоречие?

Совершенно очевидно, что словом «сознание» Д. Н. Узнадзе в данном случае пользуется не в обычном его понимании, а имеет в виду степень ясности и очевидности восприятия, которое сопровождает протекающее в **плане установки поведе-**

---

[130] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 132 (на груз. яз.).

ние: человек ясно воспринимает (хотя и не осознает) предметы, явления, принимает во внимание каждое из них, и именно поэтому его поведение протекает целесообразно.

Важно отметить, что указанная ошибка была замечена редакторами русского издания этой работы, и они поставили слово «сознание» в кавычки[131].

Это же слово («сознание») используется ошибочно Д. Н. Узнадзе и в другом месте: «Мы видели, что в **сознании** отражается лишь тот отрезок действительности, который необходим для целесообразного протекания действий, направленных на удовлетворение актуальной потребности живого организма» (Подчеркнуто нами — В. Г.)[132].

Совершенно очевидно, что здесь вместо слово «сознание» должно быть слово «установка», которая, согласно Д. Н. Узнадзе, регулирует всякое целесообразное поведение **в живом организме** без вмешательства сознания (и название параграфа таково: «Установочный уровень»).

Следует отметить и то, что первоначально Узнадзе ввел в психологию понятие «биосферы» (1925 г.)[133], которое в свое время подверглось резкой критике со стороны А. С. Прангишвили[134]. Впоследствии Д. Н. Узнадзе развивает свою концепцию, не применяет термина «биосфера» и вводит понятие **установки**, окончательное определение которого дано в его обобщающей монографии «Экспериментальные основы психологии установки» (1949 г., на груз. яз.). Поэтому мы считаем, что ранее высказанные Д. Н. Узнадзе соображения о «биосфере» и «подсознательном» и т. п. имеют лишь историческое значение, и оценивать его концепцию установки, как определяющей поведение живых существ, мы должны, имея в виду эту его последнюю монографию.

11. ОБЪЕКТИВАЦИЯ КАК ЧИСТО ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СПОСОБНОСТЬ

Д. Н. Узнадзе писал: «нет сомнения, что **установка не является специфически человеческой особенностью.** На основе опытов выясняется, что она, наоборот, встречается у всех представителей животного царства, исследованных нами. Более того, **способность реагировать на среду в виде той или иной установки**

---

[131] Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М. Наука, 1966, с. 220.

[132] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 141 (на груз. яз.).

[133] Узнадзе Д. Н. Основы экспериментальной психологии. Тбилиси, 1925 (на груз. яз.).

[134] Прангишвили А. С. — Коммунистическое воспитание, № 2, 1932, с. 3—4 (на груз. яз.).

является самым первичным свойством живого организма, независимо от того, на какой ступени развития он стоит. Это — самая примитивная и самая существенная форма реакции живого организма на воздействие среды» (подчеркнуто нами — В. Г.)[135]. И он тут же отмечал, что «...это вовсе не означает, что человека и животного мы должны считать представителями одной и той же ступени развития. ...Человек — социальное существо, и его специфическая особенность основана на этом... **В условиях социальной жизни у человека развивается особая способность, способность т. н. объективации, которую мы должны считать особенно характерной для него. Именно поэтому** установка уже на выполняет ведущей роли в его жизни — она у него продолжает существовать **в снятом виде**, а ведущая роль принадлежит **мышлению, активизированному** на основе объективации»[136].

Что отличает человека от остального мира животных, что же является его наиболее существенной специфической особенностью? В то время, как поведение животного определяется только влиянием актуальной действительности, — говорит Д. Н. Узнадзе, — **человек непосредственно не подчиняется этой действительности. Несомненно то, что он может отреагировать на воздействие внешней среды лишь после ее преломления сквозь собственное сознание, после ее осмысления.**

Ясно, что это обстоятельство представляет собой **важную особенность человека**, особенность, которая, возможно, является **самым большим психологическим преимуществом** перед всем остальным животным миром»[137].

Это положение Д. Н. Узнадзе совершенно правильно отражает марксистско-диалектический взгляд на специфику человеческой психики, которое в сущности отличается от психики животных. Вот как сформулировано это положение у К. Маркса:

«Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта жизнедеятельность. Человек же делает свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности. Именно лишь в силу этого он есть родовое существо»[138].

---

[135] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, 1977, с. 127 (на груз. яз.).

[136] Там же, с. 127.

[137] Там же, с. 130.

[138] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 93.

Если оценить теорию Д. Н. Узнадзе с этой позиции, можно сделать следующий вывод: с точки зрения **психологии человека**, основополагающая роль принадлежит объективации, а не установке.

С одной стороны, вышеприведенная характеристика установки, развиваемая Д. Н. Узнадзе, и, с другой стороны, указание на акт объективации, как на специфически человеческий акт, дают полное основание считать, что понятие «бессознательного» должно быть отделено от концептуальной системы Д. Н. Узнадзе[139]. Это однако не означает, что установка сознательна. Не являясь сознательной, она может лечь в основу сознательным психическим феноменам, как это подчеркивали Д. Н. Узнадзе и его ученики. Например, А. С. Прангишвили в указанном сборнике, посвященном проблеме бессознательного, пишет: «Установка (направленность субъекта, не принимающая форм, характерных для содержания сознания) **относится к сфере практического**, ибо она... с одной стороны является отражением объективной ситуации поведения, а с другой стороны, определяет направленность процессов сознания и деятельности»[140].

Как говорит Д. Н. Узнадзе, «...вся жизнь человека, в конце концов, состоит из серий таких процессов»[141]. Он пишет: «Следует специально отметить существование этих двух уровней психической жизни — уровня установки и уровня объективаций. Первый из них — уровень установки характерен для каждого живого существа, в частности в определенных условиях и для человека, тогда как второй — **уровень объективации специфичен только для человека — для существа, закладывающего основы для социальной жизни и создающего условия культурного существования» (курсив наш — В. Г.)**[142].

Следовательно, согласно учению Д. Н. Узнадзе, если установка является основой того или иного поведения субъекта, то единственным побудителем **мышления** выступает объективация. Тут же следует обратить внимание на то обстоятельство, что, согласно Д. Н. Узнадзе, эта «действительность, со своей стороны, как ситуация удовлетворения актуальной потребности, оказывает непосредственное воздействие не на **отдельные процессы психического или физиологического характера**, протекающие в живом организме, носителе этой потребности, а на **живой ор-**

---

139 Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 128 (на груз. яз.).

140 Прангишвили А. С. К проблеме бессознательного в свете теории установки — В сб.: «Бессознательное: природа, функции, методы исследования» под ред. Прангишвили А. С., Шерозия А. Е., Бассина Ф. В., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 93.

141 Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, 1977, с. 133 (на груз. яз.).

142 Там же, с. 136.

ганизм в целом, на субъект поведения, в котором она — эта действительность — вызывает соответствующий целостный эффект»[143].

С другой стороны, Д. Н. Узнадзе отмечает, что установка (у людей и животных) и мышленые (только у человека) обеспечивают адекватное отражение действительности.

Когда перед человеком возникает необходимость в акте объективации?

«Когда в процессе нашего поведения, — говорит Д. Н. Узнадзе, — создается такое положение вещей, что мы вынуждены прибегнуть к акту объективации, то у нас всегда, в первую очередь, возникает вопрос: «Что это такое?», «Почему это так?», «Что было бы, если бы это было так?» Словом, перед нами встает вопрос, требующий своего разрешения. Иначе и не могло быть: в процессе развертывания поведения я наталкиваюсь на затруднение, преодолеть которое непосредственно (в плане установки — В. Г.) не удается, и это обстоятельство порождает во мне **потребность** в первую очередь выяснить характер этого затруднения и возможность его преодоления»[144].

Таким образом, объективация вызывает потребность выяснить, **осознать** причины задержки протекающего в обычных условиях (в плане установки) акта поведения, а как только субъект решит эту задачу, т. е. установит причины задержки поведения, последующий процесс его деятельности будет протекать опять обычно, в плане установки. «...Здесь, как и в случае развития обычного, импульсивного поведения, у субъекта возникает потребность, стремящаяся к своему удовлетворению в данной ситуации. В этом отношении это положение **совершенно таково же,** как и во всех случаях обычного поведения: потребность и ситуация — два необходимые (и достаточные — В. Г.) условия поведения»[145].

Человек в каждом конкретном случае, до того как он совершит какое-нибудь действие, принимает **решение,** а поведение, осуществляемое им на основе этого решения, протекает целиком на основе установки.

Рассмотрим конкретный пример.

Если я встаю рано утром, решив поехать на охоту, то без всякого специального осознавания, на основе моей установки, одеваю и укладываю в рюкзак то, что понадобится именно на охоте. Но если я решил пойти в театр, то обращаюсь к соответствующей одежде, и в этом процессе нет никакой необходимости в осознавании вещей, которые я использую.

---

143 Д. Н. Узнадзе. Экспериментальные основы психологии установки.— Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 136 (на груз. яз.).

144 Там же, с. 159—160.

144 Там же, с. 160.

«Как это нам удается?» — ставит вопрос Д. Н. Узнадзе и отвечает: «Единственная задача состоит в том, чтобы вызвать установку, соответствующую этому поведению: **если такая установка возникает, то ничего не препятствует развертыванию поведения на ее основе»**[146] (подчеркнуто нами — В. Г.).

Следовательно, в таких условиях установка опосредована актами мышления, вызванного на основе объективации. А это означает, что «установка, так сказать, в идейном плане, уже найдена»[147], и требуется перевести ее в план действия. А как только это произойдет, «...то ничего не мешает его осуществлению. Непосредственной задачей волевого акта является именно это — превратить разработанную на втором уровне установку в актуальную установку с тем, чтобы она переживалась как действительная сила, — сила, управляющая субъектом»[148].

Но если человек одинаково действует в разных случаях и не может учитывать особенностей разных ситуаций, если он, например, идет в театр, одетый в форму охотника, и не осознает несоответствия между одеждой и ситуацией, то надо думать, что у него отказала способность объективации. Вообще следует сказать, что большинство психических заболеваний надо понимать как неспособность субъекта к объективации, когда человеком управляют одни лишь установки, которые вряд ли могут сами, без помощи акта объективации, приводить к адекватным социальным действиям.

Д. Н. Узнадзе замечает: «Уровень установки характерен для протекания обычного, повседневного поведения, а на уровень объективации нам лишь тогда приходится подняться, когда перед нами встает какая-нибудь более или менее сложная новая задача, требующая соответствующего нового решения. В таком случае мы вынуждены прибегнуть к **объективации и мышлению** и превратить найденную таким путем установку в действенную, актуальную установку (волевой акт).

Такова особенность психологии человека. Это и выделяет его так резко из мира животных» (подчеркнуто нами — В. Г.)[149].

Таким образом, согласно Д. Н. Узнадзе, человеческую психику от психики всего остального животного мира отличает то, что он обладает способностями объективации и мышления.

Д. Н. Узнадзе считает, что установка — это основа активности **живого организма**, которое по существу определяет его целесообразное поведение, но установка человека — новый этап в развитии психики и для нее характерно то, что она при опреде-

---

[146] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 164 (на груз. яз.)

[147] Там же, с. 164.

[148] Там же, с. 164.

[149] Там же, с. 166—167.

ленной специфической ситуации опосредована **объективацией.** После того, как у субъекта образуется установка, независимо от того, произошло это на основе неопосредованной потребности или опосредованной объективацией потребности, поведение субъекта протекает одинаково, целесообразно и в самом поведении вы не найдете ничего такого, что показывало бы его непосредственную или опосредованную природу.

Что между «основной установкой» и «установкой, опосредованной объективацией», с точки зрения развертывания поведения нет никакой существенной разницы, видно из следующих слов Д. Н. Узнадзе: «Для того, чтобы у субъекта образовалась установка, необходимо, чтобы возникла какая-нибудь потребность и имелась и ситуация удовлетворения этой последней... Это вполне достаточное условие для актуализации любой определенной, конкретно сформировавшейся установки... Разумеется, по существу, то же самое следует сказать и об установке, опосредованной объективацией»[150].

Хотя и человек большую часть своего поведения осуществляет на уровне установки («импульсивно»), в отличие от животного, сознание так или иначе участвует в процессе протекания его поведения. Достаточно поверхностного наблюдения над собственным поведением, чтобы обнаружить, что человек в нормальных условиях без полного участия сознания не осуществляет почти ни одного поступка и что оно (сознание) временами так же подключается в ход поведения, как это делает идущий по темной лесной тропе охотник, включающий время от времени карманный фонарик, освещая себе путь.

Когда я испытываю жажду, то поведение по удовлетворению жажды осуществляется мною не полностью автоматически. Я в какой-то мере осознаю, что передо мной графин с водой или источник воды и после этого приступаю к осуществлению соответствующего поведения.

Идя по дороге пешком, я хоть и могу размышлять о разном и живо беседовать со спутником, однако сознание временами несомненно «освещает» отдельные моменты моего поведения. Создается впечатление, что сознание поверхностно стережет протекание поведения на установочном уровне и сразу же «спешит на помощь», как только возникает малейшая необходимость в этом. Можно сказать, что сознание постоянно участвует во всяком поведении человека, так сказать в «снятом виде», так же как основная установка функционирует в «снятом виде», в специфически человеческой (неустановочной) деятельности. Таким образом здесь налицо факт развития психики.

Д. Н. Узнадзе пишет: «Мы знаем, что в конце концов эту установку (установка у человека — В. Г.) опосредывают

---

150 Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 192 (на груз. яз.).

возникшие на основе объективации акты мышления. Таким образом установка, так сказать, в идеальном плане уже найдена, дело только в том, чтобы ее включить в актуальную для объекта установку — тогда для ее осуществления преграды не будет. Прямой задачей волн является именно это — на втором плане выработанную установку превратить в актуальную установку, чтобы она была пережита как настоящая сила — сила, которая управляет поведением субъекта»[151],*.

Следовательно, можно сказать, что теория установки Д. Н. Узнадзе — это теория о психологическом механизме поведения живых организмов вообще, а акт объективации в процессе образования установки выступает как агент, побуждающий к мышлению. Вместе с тем, когда субъект на основе объективации и мышления осознает свою собственную потребность и ситуацию его удовлетворения, то поведение, обусловленное выработанной в таких условиях установкой, протекает точно так же, как поведение, основанное на установке, выработанной без участия объективации и мышления.

12. О ПРАВОМЕРНОСТИ СВЯЗЫВАНИЯ ТЕОРИИ УСТАНОВКИ С ПСИХОАНАЛИЗОМ

Попытки связать теорию установки Д. Н. Узнадзе с психоанализом, предпринимались как советскими, так и зарубежными исследователями.

Первой такой попыткой, очевидно, можно расценить высказывания Ф. В. Бассина в статье «Фрейдизм в свете современных научных дискуссий»[152]. Закономерность этой «связи» приобрела большую настоятельности после того, как на статью Ф. В. Бассина откликнулся известный итальянский психоаналитик Ч. Л. Музати н, наконец последовал ответ Ф. В. Бассина на статью Ч. Л. Музати[154].

---

[151] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 164 (на груз. яз.).

* В русском переводе эта цитата дается в следующем виде: «задача в данном случае сводится к умению актуализировать установку, соответствующую акту поведения, который должен совершиться. Достаточно появиться такой установке, чтобы осуществление этого акта считать гарантированным. Задачей волевого акта, следовательно, является именно это обстоятельство, т. е. задача обратить установку, выработанную в плане объективации, в актуальную установку — в силу, направляющую человеческую активность в определенную сторону» (Узнадзе Д. Н. Психологические исследования, М., Наука, 1966, с. 274—275).

[152] Бассин Ф. В. Вопросы психологии, № 5 и № 6, 1958.

[153] Музати Ч. Л. Основы психоанализа в критике Ф. В. Бассина. — Вопросы психологии, № 3, 1960.

[154] Бассин Ф. В. Ответ профессору Чезаре Музати. — Вопросы психологии, № 3, 1960.

В этой дискуссии вырисовывалось психологически чрезвычайно примечательное основное положение, согласно которому будто теория установки Д. Н. Узнадзе позволяет вполне ясно и убедительно объяснить и понять т. н. **бессознательное,** представленное в каком-то мистическом виде в учении Фрейда и отвергнутое марксистской психологией.

Искусственная связь между этими понятиями — **установкой и бессознательным** с течением времени настолько зафиксировалось, что в конце концов они рассматривались почти как синонимы. Логическим следствием подобной эволюции мысли оказался как раз проведенный в 1979 году в Тбилиси международный симпозиум, посвященный фактически вопросам психологии установки Д. Н. Узнадзе, однако названный симпозиумом по вопросам не «установки», а «Бессознательного», что и привело к некоторым недоразумениям.

«Установку, которая имеет отношение к материалу, представленному посредством рецепторных органов субъекта, следует рассматривать не как специфическую функцию этих органов, а как общее состояние индивида»[155] — пишет Д. Н. Узнадзе и добавляет: «Если оно — это состояние установки является феноменом сознания, то его следовало бы признать одним из явлений, существующим в сознании наряду с многими другими явлениями. Однако мы видели, что **полное** отнесение установки к таким явлениям категорически невозможно»[156].

Следовало бы отметить и то, что Д. Н. Узнадзе еще в тридцатые годы отрицал бессознательное психическое. В своем «Impersonalia» он писал: «О содержании сознания можно говорить лишь в рамках сознания, а бессознательное ощущение, бессознательное восприятие, чувство и волевой акт вполне правомерно считаются непременным образцом contradictio in adjecto“[157].

Наконец, развиваемое здесь положение, что Д. Н. Узнадзе не имел никаких точек соприкосновения с фрейдизмом, с его понятием бессознательного, подтверждается еще и тем, что в пятой главе труда: «Экспериментальные основы психологии установки» он ни разу не упоминает ни Фрейда, ни бессознательного, ни психоанализа, хотя эта глава посвящена **психопатологии установки.** Это, конечно, факт не случайный и указывает на то, что всякая попытка связать теорию установки и бессознательное психическое психоанализа лишена основания. Ведь общеизвестно, что как сновидение является

155 Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977. с. 41 (на груз. яз.).

156 Там же, с. 41.

157 Узнадзе Д. Н. »Impersonalia». — Чвени мецниереба, №1, 1923 (на груз. яз.).

пробным камнем для психоанализа, так и психоанализ является таким же пробным камнем для фрейдовского бессознательного психического: реальность (и законность) бессознательного подтверждается в клинической практике психоанализа.

Правда, А. Е. Шерозия ставил вопрос о законности понятия бессознательного психического в психологии установки Д. Н. Узнадзе, однако, по нашему мнению, для подобного утверждения он не имел основания с позиции теорий установки.

А. Е. Шерозия пишет: «Проблема сознания и бессознательного психического — экспериментальная проблема **современной психологии установки** (курсив наш — В. Г.). Мы располагаем большим комплексом эмпирически верифицируемых аргументов, подтверждающих существование бессознательной психики в виде «эффекта Узнадзе», т. е. в виде принципиальной бессознательности феномена установки. Поэтому тот, кто отрицает возможность такой психики, а следовательно, и возможность принципиальной бессознательности «эффекта Узнадзе», должен привести соответствующие аргументы, подтверждающие нечто прямо противоположное: тут одни теоретические построения, если они не подкреплены «эмпирическими аргументами», непригодны и неуместны, на них нельзя надеяться в науке, тем более что в современной экспериментальной психологии установки как проблема сознания, так и проблема бессознательного психического давно уже перестали быть **только** теоретическими проблемами»[158].

По нашему мнению, такой аргумент, самого принципиального значения, дал сам Д. Н. Узнадзе, и искать новые аргументы нет никакой надобности. Подчеркнем, таким аргументом является развиваемое Д. Н. Узнадзе положение, что «понятие бессознательного излишнее понятие».

Некоторые исследователи оценили результаты, полученные по методу «опознавания материала», как экспериментальное подтверждение существования бессознательного психического (И. Т. Бжалава[159], А. Е. Шерозия[160] и др.). Иначе понимали эти опыты А. С. Прангишвили, В. Н. Пушкин и Л. С. Нерсесян. «... В. В. Григолава, — пишут В. И. Пушкин и Л. Е. Нерсесян — вырабатывал типичную иллюзию установки, открытую и изученную Д. Н. Узнадзе. Своеобразие состояло в том, что иллюзия эта формировалась ни на тех признаках, которые **осознавались** испытуемым, делались объектом его вни-

---

[158] Шерозия А. Е. Проблема сознания и бессознательного психического. Тбилиси, Мецниереба, 1969, с. 394.

[159] Бжалава И. Т. Феноменология психических переживаний (параграф «Опыт Григолава»). Тбилиси, Мецниереба, 1968, с. 52 (на груз. яз.).

[160] Шерозия А. Е. Проблема сознания и бессознательного психического. Тбилиси, Мецниереба, 1969, с. 340.

мания, а на те свойства объектов, которые он **сознательно** не воспринимал. Феномен В. В. Григолава определенно свидетельствует о существовании **неосознанного** компонента психической деятельности. Компонент этот может быть выявлен в любом акте воспрятия»[161].

Таким образом, авторы совершенно правильно указывают, что в наших опытах (по методу «опознавания материала») установка вырабатывается не на **бессознательном**, а на **неосознанном** раздражителе, **который всегда можно осознавать**, если перед субъектом мы поставим соответствующую задачу, чего нельзя сказать **о бессознательном.**

Мы располагаем также высказываниями А. С. Прангишвили относительно наших опытов. «Возникает вопрос: воспринимаются ли испытуемыми иррелевантные по отношению к инструкции сенсорные данные (например, соотношение объемов шаров) и воспроизводятся ли они впоследствии? Вопрос могли решить данные критических опытов. После описанного варианта установочных опытов в критических опытах (как и в классических опытах) от испытуемого требовалось сравнить по объему предъявляемые ему равновеликие шары.

Выяснилось, что испытуемые, правда, сознательно не могли восстановить иррелевантные по отношению к инструкции сенсорные качества шаров, но в критических опытах проявлялся эффект их отражения в установке...

Результаты этих опытов показывают, что установка, как состояние, не принимающее форм, характерных для содержания, выступает в качестве фактора восприятия и последующего воспроизведения сенсорных данных иррелевантных по отношению к сознательно принятой инструкции»[162, 163].

Как видим, А. С. Прангишвили ни слова не говорит о бессознательном психическом в связи с нашими опытами.

В конце главы еще раз следует особо подчеркнуть главнейшие характеристики «бессознательного психического»:

а) в «бессознательное» вытесняются такие желания субъекта, которые неприемлемы для него лишь социально, а не биологически;

б) для субъекта — носителя «бессознательного» оно навсегда остается бессознательным;

---

161 Пушкин В. Н., Нерсесян Л. С. Железнодорожная психология. М., изд-во «Транспорт», 1972, с. 193.

162 Прангишвили А. С. Исследования по психологии установки. Тбилиси, Мецниереба, 1967, с. 46—47.

163 Прангишвили А. С. 30 лет Института психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Груз. ССР. Тбилиси, Мецниереба, 1972.

в) бессознательные желания могут быть «возвращены в сознание» субъекта лишь с помощью психоаналитика;

г) «возвращение в сознание» бессознательных желаний это ничто иное, как убеждение пациента в том, что у него есть то или иное вытесненное желание, которым вызвано его психическое заболевание;

д) излечение пациента происходит путем «возвращения» изгнанных желаний в сознание.

Как видим, ни одно из вышеназванных признаков не характерно для концепции установки Д. Н. Узнадзе.

ГЛАВА III

ДРУГИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ УСТАНОВКИ

1. О «ПЛАНЕ И СТРУКТУРЕ» ПОВЕДЕНИЯ И УСТАНОВКА

До того, как человек совершит то или иное сложное действие или поступок, он сознательно строит план (структуру, модель) этого действия или поступка, а затем этот план действия уходит из сознания и полностью перемещается в целостно-личностное состояние (установку) субъекта. После этого осуществление поведения происходит на основе целостно-личностного состояния субъекта — установки, которая уже не представлена в сознании. «Для организма — пишут Д. Миллер, Ю. Галантер и К. Прибрам — план в основном представляет собой то же самое, что и программа для математической машины»[1].

Но план действия не сам управляет поведением, как это думают Д. Миллер, Ю.Галантер и К. Прибрам — а через установку. Если я утром решил поехать не в институт, а в издательство, то я составляю общий (а не конкретный) план соответствующего действия, который, как только будет принято решение, сразу же оставит поле сознания и начнет актуализироваться **в виде установки:** на основе этого последнего я буду вести машину именно так, как надо, чтобы попасть в издательство, и это совершится таким образом, что в моем сознании не будет представлено никакого плана действия, если, конечно, на пути не встречу какого-либо препятствия.

Когда человек принимает решение, например, добраться на машине до одной из незнакомых улиц, но приблизительно зная какие улицы находятся поблизости, он сначала представит себе схему улиц, далее учитывает городские правила движения, запретные знаки и соответственно очертит несколько планов. В конце концов, когда, по его мнению, он находит самый подходящий план перемещения для прибытия в намеченный пункт, все остальные планы, очерченные до сих пор, бесследно

[1] Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., Прогресс, 1956, с 30.

исчезают из его сознания и у него создается установка действовать, избранным им, только этим планом. После этого, как правило, сознание почти полностью освобождается от принятого плана и его место занимает **установка конкретного действия**; начиная с этого момента возможно, что сознание этого человека будет занято совершенно другими делами, но несмотря на это, действия будут полностью целесообразны: на перекрестке он повернет машину именно налево, на узкую улицу, а не направо, где улица и шире и лучше освещена, оставит асфальтную дорогу и переедет на неисправную дорогу и т. д. Одним словом, после принятия решения человек остается почти только с установкой и этого вполне достаточно для осуществления целесообразных действий.

«Совершая... привычные действия в привычных обстоятельствах, — пишет Д. А. Кикнадзе, — человек не нуждается в интенсивном напряжении своих способностей для повторения идеального действия, и его элементы трудно поддаются дифференциации, а само практическое действие выполняется уже как бы автоматически, импульсивно»[2].

Подчеркивание Д. А. Кикнадзе важного значения **первого действия**, как самого существенного в жизни человека и вообще живых существ, вполне обоснованно.

Д. А. Кикнадзе пишет: «Структура действия совершенного впервые, имеет сложный вид... Потребность, которая впервые появляется у человека и побуждает его к **первому** действию, направленному на удовлетворение этой потребности, в дальнейшем не исчезает бесследно. Она становится составным элементом внутренней системы потребностей человека и наряду с другими факторами учитывается в последующих процессах мотивации. Поэтому повторное действие уже заметно отличается от первого»[3].

Не вызывает никакого сомнения, что именно в первом акте действия закладывается основной фундамент для дальнейших действий, что и определяет образование навыка и в конечном счете импульсивных поведений.

«Придавая огромное значение первой потребности и **первому действию** — подчеркивает Д. А. Кикнадзе — К. Маркс писал: «...Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом». Следовательно, удовлетворение первой потребности есть психофизический акт,

---

[2] Кикнадзе Д. А. Система факторов действия и развития личности. Тбилиси, Сабчота Сакартвело, 1982, с. 8 (на груз. яз.).

[3] Там же, с. 8 (на груз. яз.).

который определенным образом изменяет и развивает физические и духовные способности личности. В повторяющихся действиях эти способности выступают в ином сочетании, соотношении, а отдельные узловые моменты идеального действия участвуют в нем в снятом виде»[4].

Следовательно, установка поведения не представлена в сознании, однако, несмотря на это, она управляет осуществлением всякого поведения и, возможно, более соответственно плану и более целесообразно, чем тогда, когда эти действия совершаются на уровне сознания.

Однако, здесь же следовало бы указать, что ни одно поведение человека никогда, в нормальных условиях, не стерилизовано полностью от примеси сознания; можно сказать, как было отмечено выше, что сознание всегда «подкарауливает», «контролирует» поведение, протекающее в плане установки, и как только возникает необходимость, оно сразу же вмешивается в протекание процесса поведения через **объективацию.**

Это соображение полностью подтверждается следующим высказыванием П. К. Анохина: «Я приведу простой житейский пример. Мы встаем утром, надеваем рубашку, пиджак. Это происходит совершенно автоматически, но попробуйте в шутку зашить рукав, и этот автоматизм попадает в тупик — **немедленно включается сознание,** вся сумма элементов анализа и, что самое интересное, включается афферентный синтез. Если при автоматизме в афферентный синтез включилось всего 5—6 возбуждений, то теперь включается 20. При переходе к сознанию поведенческий акт охватывает все стороны афферентного синтеза и обязательно требует участия всего мозга»[5].

В этом отношении несомненно правильную мысль высказал Б. М. Теплов, что «всякое действие человека сознательно... Деятельность человека в нормальных условиях является сознательной деятельностью»[6].

Однако, разумеется, сознание, сопутствующее, например, акту одевания, качественно отличается от сознания, необходимого, скажем, для игры в шахматы. Большой заслугой Д. Н. Узнадзе является именно то, что он ясно показал природу этих двух видов сознания — сознания на уровне объективации и сознания на уровне установки.

Еще одним подтверждением правильности положения Д. Н. Узнадзе о том, что установка является своеобразным состоя-

---

[4] Кикнадзе Д. А. Система факторов действия и развития личиости. Тбилиси, Сабчота Сакартвело, 1982, с. 9 (иа груз. яз.).

[5] Аиохии П. К. Проблема прииятия решеиия в психологии и физиологии. — В сб.: «Проблемы прииятия решения», М., Наука, 1976, с. 15.

[6] Теплов Б. М. — «Психология», под ред. К. Н. Корнилова, А. А. Смирнова, Б. М. Теплова. М., 1938, с. 3.

нием субъекта, которое не представлено в сознании и вместе с тем оказывает воздействие на протяжении сознательных психических процессов, может стать следующее наблюдение, взятое из повседневной жизни: часто мы те или иные вещи забрасываем куда-то, на несоответствующие места и, несмотря на это, легко их находим, тогда как, если бы мы попросили найти заброшенный нами предмет другого, тот вряд ли справился бы с этой задачей.

Возникает вопрос: чем это определено?

Причиной этого может быть только одно: когда мы куда-то забрасываем предмет (именно «забрасываем», а не откладываем), то в нашей **памяти** от этого акта не остается ни следа ни в виде ситуации, ни в виде субъективного переживания, однако в нашей психике в виде **установки** остается состояние, сохраняющее «образ» этой ситуации и именно это наше **состояние**, наша **установка** является основанием, облегчающим нахождение заброшенных нами вещей. Это нахождение осуществляется на основе той установки, которая в каком-то виде остается в нашей психике во время забрасывания вещей.

Хорошо продуманные эксперименты, по-видимому, подтвердили бы наличие этого факта, и в таком случае перед нами, наверное, было бы явление, аналогичное вышерассмотренному, т. н. феномену Зейгарника.

Как мы видим, **установка никогда не представлена** в сознании, но иногда может лечь в основу явлений сознательных феноменов. Установка есть **состояние** субъекта, а не просто промежуточная переменная. Она дает направление поведению субъекта. Это поведение субъекта то представлено в сознании (план объективации), то не представлено (план установки), однако сама установка, управляющая обеими этими видами поведения, никогда не дается субъекту в сознании.

2. К ВОПРОСУ О ПСИХИЧЕСКОМ ПОСТИЖЕНИИ ПРОСТЫХ ОТНОШЕНИЙ

Постижение человеком любых **отношений** и связей объективного мира часть психологов и философов считает функцией мышления, тогда как **отражение** предметов они относят к функции восприятия.

Такое размежевание функций восприятия и мышления Д. Н. Узнадзе считает неправомерным: «Неправильно, будто **живому существу** для отражения предметов дана одна функция, а для отражения существующих между ними отношений — другая»[7]. Ведь при решении обычных простых задач мы уста-

[7] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1964, с. 434 (на груз. яз.).

навливаем отношения между предметами, не прибегнув к помощи мышления. Д. Н. Узнадзе пишет: «Ощущение, восприятие, представление и мышление представляют собой познавательные процессы. Следовательно, каждый из них служит цели отражения действительности и в этом отношении между ними нет существенной разницы... Но ведь действительность не исчерпывается одними лишь предметами и явлениями! Она включает в себя и многообразные связи, зависимости, отношения между этими предметами и явлениями... И вот, эту задачу, т. е. отражение **отношений,** обычно возлагают на мышление. Исходя из этого, оно обычно определяется так: **мышление** является отражением связей и отношений, **а восприятие** — предметов и процессов объективного мира»[8].

Причиной того, что положение о невозможности **восприятия отношения** находят широкое распространение, Д. Н. Узнадзе считает то, что психология при этом стоит на идеалистических позициях. «И действительно, если с самого же начала будем предполагать, что отношения существуют не в самой объективной действительности, а являются лишь формами нашего познания и привнесены туда нами, как полагал, например, Кант, то ясно, что восприятие отношений следует считать невозможным. Но для нас представляется бесспорным, что отношение существует между явлениями или предметами самой объективной действительности: это одно из бесспорных положений диалектического материализма. Следовательно, было бы удивительно, если бы человек имел прямую связь только с предметами и явлениями объективной действительности, а не с отношениями, существующими между ними. Нам представляется бесспорным, что восприятие дает отражение объективной действительности, а, следовательно, и существующих в ней отношений»[9].

Д. Н. Узнадзе и некоторые другие ученые (А. Брунсвик и др.) считают, что такие объективные отношения, как, например, белое-черное, большое-маленькое, холодное-горячее, тяжелое-легкое, высокое-низкое и т. д., человек постигает непосредственно через восприятие, и для этого ему не требуется помощи мышления. Согласно Д. Н. Узнадзе, способностью непосредственного восприятия существующих во внешнем мире отношений обладает не только человек, но и животное. По Д. Н. Узнадзе, постижением в восприятии таких отношений определено т. н. «практическое мышление» антропоида: «практическое мышление направляется только теми отношениями, которые непосредственно даны в сфере восприятия: поведение живот-

---

[8] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV. Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1964, с. 433.

[9] Там же, с. 435—436.

ного определяют отношения, данные в актуальном восприятии»[10].

Брунсвик рассуждает следующим образом: «Когда передо мной два цветных пятна или две линии разной длины, в определенных условиях я часто переживаю некоторое состояние, которое можно охарактеризовать следующим образом: я непосредственно вижу, что цвета похожи друг на друга или что из двух линий «А» длиннее чем «В», и это непосредственное видение, конечно, должно считаться восприятием, правда не **чувственным восприятием,** но все же восприятием, т.е. непосредственным постижением объекта»[11].

Д. Н. Узнадзе соглашается с соображениями Брунсвика по этому вопросу и говорит: «Скажем, вот сейчас, когда я пишу эти строки, мне понадобилась чернильница с красными чернилами, которая находится на моем письменном столе налево от чернильницы с черными чернилами. Стоит мне только окинуть взглядом стол, в нужный момент моя рука направляется именно **влево** — в сторону красной чернильницы, а не вправо — в сторону черной. К тому же, чернильница с черными чернилами находится **ближе** ко мне, чернильница же с красными чернилами — **дальше.** Заслуживает внимания, что когда мне нужны красные чернила, я с самого же начала протягиваю руку **в** эту сторону с более сильным импульсом, чем в сторону черных чернил. Как мы видим, движения моей руки в этом случае определяют именно отношение: в одном случае **правое-левое,** во втором же **далекое-близкое.** Разумеется, ни в одном из указанных случаев мне не требуется специального обдумывания и осмысления для того, чтобы вызвать целесообразные движения своей руки. Бесспорно, что в этом случае отношения, лежащие в основе моих целесообразных движений, не вытекают из моего мышления как своего источника»[12].

Анализ характера соображений, посредством которых вышеуказанные авторы пытаются обосновать свое положение о том, что объективные отношения челевеком и животными постигаются путем их непосредственного восприятия, показывает, что они все свое доказательство строят лишь на субъективном самонаблюдении и воздерживаются от их объективного (экспериментального) обоснования. Например, довод Брунсвика: «Я непосредственно вижу, что из двух линий А длиннее, чем Б» нельзя считать убедительным, так как тот, кто не согласен

---

[10] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Изд-во АН ГССР, с. 458.

[11] Brunswik A. Das Vergleichen und die Relations erkenntnis. Leipzig und Berlin, 1910, p. 47.

[12] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1964, с. 434.

с этим доводом, с такой же уверенностью мог бы утверждать, основываясь на собственном самонаблюдении, что «отношение между большим и маленьким я постигаю лишь тогда, когда сравниваю их в сознании с помощью мышления» и т. д. Следовательно, с такой же убедительностью можно утверждать, что здесь мы имеем акт мышления, возможно — сравнительно простого, но все же мышления.

Вопрос о том, является ли **постижение объективных отношений функцией мышления или восприятия,** стоял в психологии и в связи с теорией «практического мышления» В. Келера. Как известно, решение задачи антропоидами, установление ими отношений между предметами, данными в восприятии, Келер приписывал «практическому мышлению» антропоидов. Торндайк же, изучавший эту проблему еще до известных опытов Келера, результаты опытов Келера также объяснял на основе своей теории «проб и ошибок».

Немецкие психологи К. Бюлер[13] и И. Линдворский[14] и другие считают, что факт решения довольно сложных задач атропоидами Келера, или постижение существующих между предметами отношений объясняются на основе открытого Шуманом феномена т. н. «переживания перехода». Этот феномен состоит в следующем: при сукцессивном сравнении двух кругов, когда испытуемому вслед за большим кругом показывают малый (или наоборот), этот малый круг как бы «сжимается» (или «расширяется» при обратном порядке экспозиции). Вот это переживание «сжимания» и «расширения» делает возможным постижение отношений между предметами как человеком, так и животными.

Д. Н. Узнадзе и некоторые другие психологи не разделяют вышеуказанных положений К. Бюлера и И. Линдворского на том основании, что указанное «переживание перехода» наблюдается лишь у некоторых испытуемых Шумана; у большинства же из них это не наблюдается. «Тогда, — говорит Д. Н. Узнадзе, — на каком же основании мы должны думать, что это чувство у животных дано четче чем у человека? Будто бы ясно, что если даже у животного имеется это переживание, оно будет замечать его гораздо меньше, чем мы, люди»[15].

На этой основе Д. Н. Узнадзе считает, что ни одна из этих двух теорий (теория Торндайка и теория Бюлера-Линдворского) не имеет никакого преимущества перед теорией Келера.

Здесь же считаем нужным отметить, что Д. Н. Узнадзе в связи с вопросом о «практическом мышлении» впоследствии в

---

[13] Bühler K. Tatsachen und Probleme zu einer Psychologie d. Denkvorgange. Ar. Gs. Ps. 9 und 12.

[14] Lindworsky J. Das schlussfolgendre Denken. 1916.

[15] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1964, с. 451.

монографии «Экспериментальные основы психологии установки» (1949) выдвинул по сравнению с положением, развиваемым им в его «Общей психологии» (1940), принципиально новое положение[16]. В своей «Общей психологии» он признавал в виде бесспорного факта существование «практического мышления» у животных и писал: **«Объективация ситуации**, являющаяся основным моментом мышления, здесь наличествует несомненно...»[17] «у нас нет основания не признать, что несомненно должны существовать случаи, когда антропоид прибегает к актам мышления и возникшую перед собой задачу решает путем резумного поведения»[18]. Однако, Д. Н. Узнадзе здесь же подчеркивает, что мышление антропоида существенно отличается от мышления человека: «Если в случае обычного человеческого мышления лишь до начала действия можно увидеть, как протекает процесс мышления — по тому, что говорит субъект — то здесь, в случае с шимпанзе, перед нами совершенно иное положение: своеобразие протекания мышления выявляется в **самом положении**, в самих движениях. Роль, которую в этом отношении, в случае человеческого мышления, выполняет речь, здесь выполняется самим действием, самим поведением. Поведение здесь **является не продуктом мышления, а самим процессом его.** Следовательно, мышление в данном случае еще не отделено от **дела, практики.** Поэтому, в этом смысле, эту форму мышления можно назвать **практическим** мышлением»[19].

В работе «Экспериментальные основы психологии установки» Д. Н. Узнадзе писал, что человеческое мышление является «образующейся на основе объективации психической активностью, служащей удовлетворению возникшей теоретической потребности. Без объективации мышление невозможно»[20], «Когда животное повторяет одни и те же действия, это, по существу, не является повторением: животное, выполняя в каждом отдельном случае одни и те же акты, не переживает их как повторение, для него не существует повторения как повторение»[21], «Можно сказать, что у него (у животного — В. Г.) по существу и нет настоящего мышления»[22], и там же в сноске Д. Н. Узнадзе отмечает: «С этой точки зрения ясно, что вопрос о «мы-

---

[16] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1964, с. 455.

[17] Там же, с. 453.

[18] Там же, с. 455.

[19] Там же, с. 456.

[20] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 161 (на груз яз.).

[21] Там же, с. 164.

[22] Там же, с. 140.

шлении» животного должен быть заново специально изучен»[23]. Далее, Д. Н. Узнадзе пишет: «В то время как... уровень установки характерен для всякого живого существа, в частности, в определенных условиях и для человека, второй уровень — уровень объективации, специфичен лишь для человека...»[24] (сравним с суждением по этому вопросу, развиваемому в «общей психологии»: «**Объективация ситуации**, являющаяся основным моментом мышления, здесь (т. е. у шимпанзе — В. Г.) вне всякого сомнения»[25]).

Из вышесказанного бесспорно одно: если бы антропоид не устанавливал отношений между предметами, он не смог бы решить задачу: приставить к стене ящик и доставить таким путем банан. Но здесь же встает другой вопрос: существующие между предметами отношения он постигает посредством мышления или для этого достаточно и одного восприятия?

Даже тот факт, что антропоиду не удается установить отношений между двумя предметами, если они одновременно не даны в его поле зрения, говорит в пользу второго предположения (что отношения устанавливаются посредством восприятия). Но можем ли мы на этой же основе считать, что и человек устанавливает отношения между предметами без участия мышления?

Полагаем, что экспериментальным доказательством того, что люди (наверное, и животные тоже) постигают простые отношения непосредственно в восприятии, служат результаты подробно описанных нами выше опытов по методу «опознавания материала»: непосредственное восприятие отношений между предметами налицо, что и отражается в контрастных иллюзиях (в критическом опыте).

Если бы человек был ограничен способностью непосредственного восприятия, он не смог бы установить отношения между высоким деревом, находящимся перед ним, и невысоким деревом за его спиной. Чтобы установить отношение между ними, он обязательно должен прибегнуть к актам памяти, воображения или мышления. Отсутствие этих последних способностей приводит, наверное, к тому, что антропоид не может устанавливать отношения между предметами, не находящимися в их поле зрения.

Согласно концепции Д. Н. Узнадзе положение вещей таково: когда на субъекта воздействуют два неравных, определенным образом расположенных в пространстве предмета, у

---

[23] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 140.

[24] Там же.

[25] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1964, с. 453.

него вырабатывается соответствующая установка (например, «справа — большой, слева — маленький») без какого-либо вмешательства актов мышления, и постижение отношений в восприятии не что иное, как отраженность этих отношений в установке. Правда, Д. Н. Узнадзе раньше считал, что такая установка возникает у субъекта лишь через вмешательство мышления, однако в наших опытах по методу «опознавания материала» это не подтвердилось: испытуемые не обращали никакого внимания на существующие между предметами отношения, но несмотря на это, у них все же возникала и фиксировалась установка на объективно существующие отношения точно так, как это происходит в условиях, когда отношения между предметами отражаются в сознании испытуемых.

Как мы видим, в этих опытах по методу «опознавания материала» испытуемый совершает манипуляции, позволяющие опознавать из какого материала сделаны предметы, и совершенно не заботится о сравнении предъявляемых ему предметов по какому-либо другому признаку (в том числе и по объему). Несмотря на это, в критическом опыте он обычно показывает контрастные иллюзии установки, фиксированной именно на это отношение (например, на отношение по объемам). Ясно, что эти контрастные иллюзии, в критических опытах, могли бы возникнуть только в том случае, если испытуемый каким-то образом воспринимал отношения между предметами, предъявленными в фиксационных опытах. Без этого было бы совершенно непонятно восприятие им, например, равных шаров неравными в критических опытах. Вместе с тем нам известно, что в опытах по методу «опознавания материала» испытуемые не оценивают предъявляемые объекты по данному признаку (например, по объему) и поэтому не могут дать отчета в том, каковы отношения (например, отношения по объемам) между ними. Если бы они в фиксационных опытах обратили внимание на эти отношения между объемами, отразили их в сознании, то они смогли бы вспомнить перед критическим опытом объективные взаимоотношения, существующие между этими предметами*. Однако тот факт, что испытуемый не может вспомнить — каково отношение между предметами (шарами), показанными ему всего за несколько секунд до опроса, указывает на то обстоятельство, что испытуемым это отношение не было объективировано. Еще в правилах, написанных в IV века до нашей эры, касающихся техники улучшения памяти, сказано: «Разум

*Психологическое исследование процессов воспоминания выявило, что сознательное, объективированное отражение отношений объективной реальности является необходимым условием воспоминания (см. **А. С. Прангишвили.** Воспоминание и установка. — В книге: «Исследования по психологии установки». Тбилиси, Мецниереба, 1967).

лучше воспримет предметы, достигшие разума, прошедшие через внимание». Это, безусловно, правильное утверждение, истинность которого многократно доказана современной экспериментальной психологией. Можно сказать больше: разум не только «лучше воспримет» предметы, на которые обращено внимание, но, как доказывает экспериментальная психология (Кюльпе, Чапмен, Бродбент, Черри, Мюррей, Норман и др), предметы, на которые не было обращено внимание, оставляют почти незамеченный след даже в самой непосредственной памяти. Так, например, Норман говорит: «Какими бы ни были наши последующие выводы, мы не можем отрицать того, что объект, на который мы однажды обратили внимание, остается в памяти, в то время как тот, который прошел, оставшись без внимания, не оставляет после себя никакого следа»[26]. Но действительно ли предмет, который не был воспринят с вниманием, совершенно бесследно исчезает для нас? Одно очевидно: в сознательной памяти не удается обнаружить его следа, — это весьма убедительно доказано экспериментами многих исследователей. Вспомним хотя бы Кюльпе, который показывал своим испытуемым буквы, написанные чернилами разного цвета, с заданием читать буквы. В критическом опыте он спрашивал уже не то, какие буквы были показаны на экране (эту задачу испытуемые, разумеется, могли бы решить), а то, какого цвета чернилами были написаны буквы или в каком пространственном порядке они были предъявлены. Испытуемые не справлялись с задачей.

Подобные опыты были проведены и другими исследователями, и были получены результаты, аналогичные результатам Кюльпе. Выводы, сделанные на основе этих результатов, были также аналогичны: если субъект не направляет своего внимания на какой-либо предмет или явление, то такие предметы и явления им не воспринимаются.

Теперь рассмотрим с этой точки зрения результаты, полученные в опытах по методу «опознавания материала». Как мы видели выше, испытуемому с завязанными глазами на короткое время симультанно в обе руки даются шары из разных материалов (дерева, гипса, войлока, пластмассы, стекла, кости и т. д.) и дается задание отгадать — из какого материала сделан каждый из этих шаров. Вместе с тем, испытуемому в правую руку дается шар большого объема, а в левую — малого (или наоборот: в правую — меньший, в левую — больший). Испытуемый вынужден на ощупь определить качества опознаваемого предмета (плотность, вес, гладкость — шероховатость и т. д.), дающие возможность решать поставленную перед ними задачу, Трудно выяснить, выполняет ли при этом какую-

---

[26] Norman D. A. Memory and Attention. N. Y., 1969.

либо роль объем предмета (на наш взгляд, он никакой роли не играет), но одно несомненно: на объем шаров испытуемый внимания не обращает, как это показали специальные опыты, проведенные нами[27]. Именно поэтому в их сознательной памяти не удается обнаружить хотя бы какой-нибудь след, указывающий на восприятие отношения объемов шаров. Несмотря на это, наши опыты дают нам право заключить, что испытуемые вполне адекватно воспринимают существующее между шарами отношение, и именно на этой основе у них возникают иллюзии фиксированной установки. Действительно, нет другого объяснения, делающего понятным возникновение контрастных иллюзий в критических опытах, кроме допущения того, что испытуемые в фиксационных опытах воспринимали отношения между объемами шаров, хотя и не осознавали этих отношений.

На основе этих опытов получается единственный правильный вывод: в опытах, проведенных методом «опознавания материала», испытуемые воспринимают объективные отношения, существующие между фиксационными объектами (отношения шаров по объему: справа — большой, слева — меньший, или наоборот) без вмешательства акта объективации. В результате многократных повторений эти отношения фиксируются и только на этой основе в критических опытах испытуемые проявляют контрастные иллюзии, точно так же, как это происходит в классических экспериментах фиксированной установки.

В связи с этим вопросом рассмотрим эксперименты, проведенные Ш. Н. Чхартишвили[28].

Ш. Н. Чхартишвили отмечает: «Чтобы создать условия для возникновения иллюзии количественного характера необходимо, чтобы в установочных опытах испытуемый несколько раз испытывал подаваемую пару объектов с различными величинами. Лишь после соблюдения этого предварительного условия становится возможным иллюзорное восприятие равных величин, подаваемых в критическом опыте. Здесь протекание иллюзии, как утверждают, обуславливается установкой, фиксированной в результате повторения восприятия «большего-меньшего»[29].

---

[27] Григолава В. В. К вопросу о восприятии неосознанных признаков предмета. — В сб.: «Психологические исследования», посвященные 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе. Тбилиси, Мецниереба, 1973 (на груз. яз.).

[28] Чхартишвили Ш. Н. Иллюзии установки на абсолютную величину. — Труды Кутаисского гос. пед. института им. А. Цулукидзе, т. XV, 1956 (на груз. яз.)

[29] Там же, с. 223.

Как мы уже отмечали, одним из необходимых условий для получения контрастных иллюзий фиксированной установки, согласно Д. Н. Узнадзе, является неоднократное сравнение испытуемым неравных шаров и сознательное восприятие существующих между ними отношений. Иначе контрастная иллюзия в критическом опыте не проявится. Ш. Н. Чхартишвили ставит вопрос следующим образом: «Но величину мы воспринимаем и без отношения, и интересно вот что: **возможно ли фиксировать установку на восприятие абсолютной величины, переживаемой вне отношения, и на ее основе получить иллюзорное восприятие второй абсолютной величины?**»[30].

Для подтверждения правильности своего предположения Ш. Н. Чхартишвили провел следующий опыт. «В установочных опытах испытуемому в одну руку подавался шар диаметром в 61 мм, который в течение всего установочного опыта оставался в его распоряжении. Ему давали задание обращать внимание на объем шара и запомнить его. В критических опытах испытуемому давались равные шары в обе руки»[31].

Опыты были проведены над 16 испытуемыми, и все они показали контрастные иллюзии «...иногда настолько сильные, что и после 15 экспозиций иллюзия оставалась контрастной»[32]. Ш. Н. Чхартишвили пишет: «В вышеописанных опытах испытуемым давалось задание обращать особое внимание на объем. Это обстоятельство могло навести на мысль, что когда испытуемый особо наблюдал за объемом подаваемого объекта, при этом он прибегал к акту сравнения этого последнего с какой-либо другой величиной, и, следовательно, и в этом случае установка возникала на основе отношения[33].

Для исключения такой возможности Ш. Н. Чхартишвили провел такой опыт. Испытуемому в одну руку он давал теннисный мяч с заданием описать его как можно подробнее. Как видно из одного типичного протокола, приводимого в статье, **испытуемые не сравнивают подаваемый теннисный мяч с другими мячами** и, несмотря на это, у всех (24) испытуемых в критических опытах проявляются контрастные иллюзии[34].

---

30 Чхартишвили Ш. Н. Иллюзии установки на абсолютную величину. — Труды Кутаисского гос. пед. института им. А. Цулукидзе; т. XV, 1956, с. 223.

31 Там же. с. 223*

* Чхартишвили не указывает. какого размера были равные шары, предъявляемые в критических опытах, а это, как мы знаем, имеет существенное значение для возникновения контрастных иллюзий фиксированной установки.

32 Там же, с. 224

33 Там же, с. 224—225.

34 Там же. с 225—226.

Ш. Н. Чхартишвили*, в основном, рассуждает правильно, но не учитывает одно весьма существенное положение: в этом случае акт сравнения (на отношение актуально данного и воображаемого шаров) может произойти **бессознательно**, соответственно концепции З. Фрейда и других представителей т. н. бессознательной психологии. Поэтому показания субъекта о том, что, когда он в одной руке держит шар определенной величины и не представляет себе ничего в другой руке, не пригодны в качестве аргумента.

Для выяснения этого вопроса нами был проведен следующий опыт.

Из баскетбольного зала непосредственно во время тренировки мы выводили баскетболистов и проводили над ними опыты методом «опознавания материала»**. Испытуемому завязывали глаза, в **одну руку** последовательно подавали шары разных размеров и из разных материалов и давали задание: на ощупь отгадать из какого материала был сделан шар (мы заранее перечисляли испытуемому возможные материалы, из которых шар мог быть сделан). В опытах были использованы шары:

1. из гладкого дерева — 6,5 см в диаметре,
2. из губки — 6,4 »
3. из дерева — полосатый — 7,2 см »
4. из гипса — 7,0 см »
5. из резины — 7,7 см »
6. из войлока — 6,6 см »

Шары всем испытуемым подавались в одной и той же последовательности пятнадцать раз подряд (фиксационные опыты) в правую или левую руку[35].

В критических опытах были использованы два равных шара диаметром в 3,8 см каждый, т. е. меньших по объему чем шары, применяемые в фиксационных опытах. Испытуемые критические шары получали одновременно в обе руки.

---

* Здесь автор статьи указывает, что диаметры шаров, подаваемых в критических опытах, равнялись 49 мм, но ничего не говорит о значении этого факта. Это означает, что указание сделано в целях общего описания опыта и ничего не говорится о том значении, которое имеет размер критических шаров для возникновения контрастных иллюзии (см. Григолава В. В. Контрастная иллюзия и некоторые вопросы фиксированной установки. — Вопросы психологии, № 3, 1963)

** В качестве испытуемых мы выбрали именно баскетболистов по определенным причинам, о которых речь будет ниже.

35 Григолава В. В. Контрастная иллюзия и некоторые вопросы фиксированной установки. — Вопросы психологии, № 3, 1963.

Опыт был проведен над 26 молодыми баскетболистами в Кутаисской спортшколе. Результаты его представлены в таблице 18.

Таблица 18

Количество контрастных иллюзий в I фазе	Количество испытуемых	%
0 или 1	—	—
от 2 до 10	14	53,8
от 11 до 20	9	34,6
от 21 до 30	2	7,7
больше 30	1	3,9

Из таблицы видно, что контрастные иллюзии, кстати не менее стойкие, чем это бывает в обычных опытах фиксированной установки, проявляются у всех 26 испытуемых: при сравнении равных шаров в критических опытах меньшим кажется шар в той руке, в которую в установочных опытах для опознавания материала давались шары больших размеров (по сравнению с критическими шарами).

После этого над другими 20 баскетболистами мы провели такой же опыт фиксированной установки с теми же шарами и тем же методом «опознавания материала», только с той разницей, что в критических опытах вместо шаров с диаметром в 3,8 см испытуемым давались шары с диаметром в 8,0 см, т. е. шары большего объема, чем фиксационные.

Выяснилось (как видно из таблицы 19), что испытуемым в критических опытах из пары равных шаров, шар в той руке, в которой они раньше держали шары для опознавания материала, казался большим по сравнению с шаром в той руке, которая в фиксационных опытах не участвовала.

Таблица 19

Количество контрастных иллюзий в I фазе	Количество испытуемых	%
от 0 до 1	—	—
от 2 до 10	12	60
от 11 до 20	8	40
от 21 до 30	—	—
больше 30	—	—

Таким образом, выясняется, что в таких опытах характер возникших иллюзий определяется вовсе не воображением шара в одной из рук, а тем каково соотношение величин между подаваемым в **одну руку** фиксационным шаром, с одной стороны, и подаваемыми в **обе руки** критическими шарами — с другой.

Какие выводы можно сделать из результатов этих экспериментов?

1. Поскольку испытуемые выполняют задание опознать из какого материала сделаны шары, ясно, что они индифферентно относятся к объемам шаров, и, несмотря на это, наличествует обычный эффект фиксированной установки.

2. Испытуемыми были баскетболисты, всего за минуту прекратившие игру, поэтому если они представляли себе в другой (не участвующей в опыте) руке что-нибудь, то это был бы только баскетбольный мяч и ничего другого. Описанные опыты говорят за то, что при подобных условиях представление шара в одной из рук не играет роли. Следовательно, соображение Ш. Н. Чхартишвили о том, что воображение вообще не играет никакой роли, подтвердилось и экспериментально.

Для более убедительного показа роли величины критического объекта в образовании контрастных иллюзий мы провели следующий опыт.

Перед сидящим у стола испытуемым помещена ширма, за которую протянута правая (или левая) рука испытуемого так, что он ее не видит. Между большим и указательным пальцами этой руки испытуемому вкладываем палочку длиной в 9,8 см. От испытуемого требуется сравнить ее по длине с предъявляемой ему визуально с левой стороны палочкой длиной в 17,4 см. Таким образом, у испытуемого мы создаем установку на отношение между **гаптически** предъявляемой **справа короткой** палочкой и визуально подаваемой **слева длинной** палочкой. После 15-кратной экспозиции (фиксационный опыт) мы переходим к критическому опыту: испытуемому одновременно в обе руки, опять между большим и указательным пальцами, даем палочки равной величины, каждая длиной в 6,4 см, и требуем, чтобы он сравнил их по длине (обе руки испытуемого опять протянуты за ширму) (см. рис 7).

Если мы предположим, что в этих условиях у испытуемого выработалась установка на отношение между гаптически подаваемой короткой и визуально предъявляемой длинной палочками, то должна возникнуть следующая иллюзия: из равных по длине палочек более короткой должна показаться та, которую испытуемый держит в левой руке. В действительности же наблюдается иллюзия противоположного характера: всем 23 испытуемым из равных палочек та, которую они держат в правой руке, кажется короче, чем та, которую они воспринимают левой рукой (см. таблицу 20).

Для большей убедительности результатов и выводов, полученных в этих опытах, мы его повторили в другом варианте.

Во второй серии опытов испытуемому в условиях, описанных выше, между большим и указательным пальцами правой руки давали палочку длиной в 3,7 см, а с левой стороны предъ-

являли визуально палочку длиной в 17,4 см. Следуя нашей инструкции, испытуемые в течение 15 экспозиций сравнивали эти палочки по длине. В критическом опыте им давались в

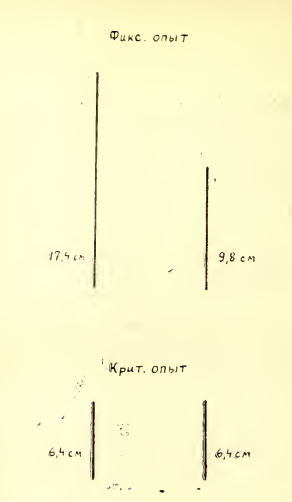

Рис. 7

обе руки, между большим и указательным пальцами, равные палочки длиной в 9,8 см. каждая. Требовалось сравнить по длине между собой критические палочки. В этом варианте опыта был получен эффект, противоположный результатам предыдущего опыта: всем испытуемым палочка, подаваемая в правую руку, кажется длиннее палочки, положенной в левую руку (см. рис, 8).

Таблица 20

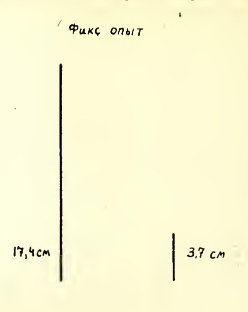
Количество иллюзий в I фазе	Количество испытуемых	%
0 или 1	2	8,7
от 2 до 10	11	47,8
от 11 до 20	6	26,1
от 21 до 30	3	13,1
больше 30	1	4,3

Таким образом, как из предыдущих опытов, проведенных над баскетболистами, так и из этих опытов явствует, что при предъявлении в одну руку установочного объекта ни «воображаемый», ни даже визуально показанный объект не является фактором, определяющим возникновение и характер иллюзии: характер иллюзии («контрастность» или «ассимилятивность») определяется соотношением величин между гаптически подаваемым в одну руку установочным объектом, с одной стороны, и подаваемыми в обе руки равными критическими объектами — с другой; если равные критические объекты (палочки, шары) меньше, чем даваемые в одну руку установочные объекты (палочки, шары), то критический объект в этой руке недооценивается, и, наоборот, если критические объекты больше установочных, то критический объект переоценивается в той руке, в которую ранее давался установочный.

В обычных опытах фиксированной установки, когда субъекту в обе руки дают шары, имеющие разные объемы, у него, независимо от того, сравнивает он их сознательно или нет, возникает фиксированная установка именно на отношение между объемами предъявляемых шаров, и контрастные иллюзии, наблюдаемые при этом, обусловлены этой установкой. Иначе нельзя было бы объяснить возникновение контрастных иллюзий. Раз отношение существует **объективно** и воздействует на субъект, то оно отразится в активности этого субъекта в виде компонента установки. И, действительно, критические опыты подтверждают это: если бы субъект как-то, на каком-либо уровне — на уровне объективации или на уровне установки — не отражал существующие между объектами отношения, конечно, было бы непонятно возникновение контрастных иллюзий.

Но когда испытуемому дается только один объект (шар, палочка и т. д.) в одну руку, ясно (как было подтверждено и вышеуказанными экспериментами), что он ни сознательно, ни бессознательно не осуществляет акта сравнения. Однако, когда впоследствии появится объективная ситуация, разрешающая установить отношения, и перед испытуемыми возникает задача установить эти отношения, он отражает это объективно существующее отношение между величинамы объектов. При этом

конкретное изменение оценки величины обусловлено «установочной» рукой, другая же рука, как это правильно отмечает Ш. Н. Чхартишвили, выполняет роль контроля или «катализа-

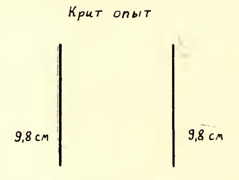

Рис. 8

тора» проявления фиксированной установки. Без участия этой второй руки субъект не мог бы совершить акт сравнения и, понятно, не появилась бы контрастная иллюзия в критическом опыте.

Вернемся опять к вышеуказанному исследованию Ш. Н. Чхартишвили и попытаемся выяснить, что имел в виду автор, говоря о т. н. «абсолютной величине». По мнению Ш. Н. Чхартишвили, «невозможно воспринять предмет в оптической и гаптической модальности так, чтобы вместе с тем мы не переживали и его протяженность, его абсолютную величину. Чернильница дается мне в этой пространственной форме, в этой абсолютной величине, независимо от того, какая ее сторона — форма, цвет, изящность или другие качества — выдвинуты на передний план сознания. Тоже следует сказать и о репродуктивном образе предмета. И предмет, данный в представлений, переживается в той же протяженности, в том же объеме, в которых мы переживаем воспринятый предмет. **Данность, переживаемая таким образом, является абсолютной величиной. Она представлена вне всякого отношения, как самостоятельная данность этого предмета, как пространственность этого предмета, как его протяженность».**[36] В другом месте того же исследования Ш. Н. Чхартишвили пишет: «Какой маленькой была автомашина, только что проехавшая передо мной! А эта муха, налетевшая на оконное стекло и чуть его не пробившая, большая, огромная. Я здесь увидел муху и увидел ее как большую, огромную, без отношения к увиденным мною раньше мухам или каким-либо другим предметам. **В самом восприятии мухи непосредственно была представлена ее громадность»**[37].

Приведенное Ш. Н. Чхартишвили правильное наблюдение свидетельствует не о том, что величина нам дана как «абсолютная величина», «без всякого отношения», а как раз об обратном: у человека имеются зафиксированные системы самых разнообразных отношений предметов, в том числе и количественных отношений, и та или иная величина воспринимается им именно в отношении этих эталонов, отраженных, зафиксированных в его установке, благодаря чему он действительно может непосредственно переживать определенный предмет как большой или маленький по сравнению со своими обычными размерами. Предметы нам действительно даются в своей собственной «протяженности», но эту протяженность мы только тогда оцениваем как определенную «абсолютную» величину, когда ее сопоставляем с выработанной схемой величины, эталоном этого предмета. Таким образом, в отличие от Ш. Н. Чхартишвили, мы считаем, что величина, как и другие свойства

---

[36] Чхартишвили Ш. Н. Иллюзии установки на абсолютную величину. — Труды Кутансского гос. пед. института им. А. Цулукидзе,. т. XV. Кутаиси, 1956, стр. 236 (на груз. яз.).

[37] Там же, с. 232.

предметов, являются не «абсолютными» свойствами, а, наоборот, «относительными». Пока я смотрю на автомобиль только как на «протяженность», он не большой и не маленький. Этот автомобиль будет воспринят как «большой» или «маленький» лишь тогда, когда его величина будет «соотнесена» с величиной ранее мною увиденных автомобилей.

Конечно, для восприятия какого-либо предмета «большим» или «малым» нет необходимости в сопоставлении его с предметами, ранее нами виденными. Возможно, я раньше никогда не видел дикого кабана, но, увидя его, могу определить его величину, опираясь на какой-то обобщенный опыт. Этот опыт могут составлять выработка эталона других, сходных животных, или же рассказы других охотников и т. д. У каждого человека вырабатываются определенные схемы величин, эталоны, которые не всегда осознаются, но тем не менее всегда лежат в основе восприятия т. н. «абсолютной величины» предметов. Относительна не только величина, относительны и другие качества предметов, например, цвета. Белый, черный, зеленый цвета, как определенные цвета, нами выделяются только через соотношение их системой цветов. Поэтому не совсем точным представляется нам следующее суждение: «Этот шар маленький по сравнению с этим шаром, но заметно больше того шара. Оценивается ли второй шар в отношении с первым или третьим шаром, т. е. маленьким или большим—все равно, при его адекватном восприятии его абсолютная величина остается почти неизменной: сейчас, когда я говорю, что он большой, он оценивается имеющим такую же величину, какую имел тогда, когда я говорил, что он маленький»[38].

Дело в том, что величина одного и того же предмета психологически меняется в зависимости от фона, на котором он воспринимается. Это наглядно подтверждают т. н. оптические иллюзии, когда одна и та же величина кажется то малой, то большой в зависимости от того, воспринимается она в отношении с малым или большим предметом. То, что та или иная величина объективно не претерпевает изменения, не означает, что она не изменяется и психологически.

Для марксистского диалектического материализма бесспорным положением считается, что все свойства предметов релятивны. Согласно диалектическому материализму, то или иное свойство предмета может быть познано только по отношению к другому предмету.

Л. Ландау, А. Ахиезер и Е. Лифшиц в учебнике физики пишут: «Основным понятием механики является понятие дви-

---

[38] Чхартишвили Ш. Н. Иллюзии установки на абсолютную величину. — Труды Кутаисского гос. пед. института им. А. Цулукидзе, т. XV, Кутаиси, 1956, с. 232.

жения, т. е. перемещение тела по отношению к другим телам. Без этих тел мы не можем, очевидно, говорить о движении, которое всегда относительно. Абсолютное движение тела безотносительно к другим телам лишено смысла»[39].

Совершенно то же самое можно повторить и в отношении всех свойств предметов или явлений. Не существует «быстрого движения» само по себе, как и «большого предмета». Ястреб более быстр, чем воробей, Казбек более высок, чем Шхара и т. д.

Из всего того, что было изложено в этом параграфе, можне сделать вывод, что постижение отношения между предметами не всегда происходит на уровне объективации, а обычно протекает на уровне **установки**, которая, согласно Д. Н. Узнадзе, является инструментом непосредственного отражения среды.

3. ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ИРРЕЛЕВАНТНОГО РАЗДРАЖИТЕЛЯ

Некоторые исследователи полагают, что органы чувств являются такими приемниками, через которые человек воспринимает все, что переступает порог чувствительности. С другой стороны, в психологии известно, что психическая активность человека в каждый конкретный момент функционирует в каком-нибудь одном направлении, касается ли это восприятия, памяти, внимания или какой-либо другой психической функции. Наглядным примером этого является известное в психологии восприятие субъектом **фигуры** и **фона**. Когда субъект воспринимает вазу, он воспринимает только ее и не видит профилей двух людей, обращенных друг к другу, а когда он воспринимает эти профили, он не видит самой вазы и т. д. Воспринимать одновременно **фигуру** и **фон** субъект не в состоянии (т. н. реверсивные фигуры Рубина).

В связи с этим следует указать на результаты опытов, проведенных О. Кюльпе (совместно с Брайном)[40]. В этих опытах испытуемым показывались на экране четыре слога, составленные из трех разноцветных букв и образующие определенные фигуры в пространстве. Испытуемые получали следующее задание: в одном случае обратить внимание на **цвет** букв, в другом — на **количество**, в третьем — на **фигуры**, составленные слогами, и в четвертом — на **элементы** вообще (опыты состояли из четырех серий). Когда затем в критических опытах экспериментатор спрашивал испытуемых о том, на что в предварительных опытах не обращалось их внимание, то испытуе-

---

[39] Ландау Л., Аховер А., Лифшиц Е. Физика. М., Учебгиз, 1976, с. 59.

[40] Külpe O. Versuche über Abstraction. — In: Bericht über den ersten Kongress fur experimentalpsychologie. Leipzig, 1904.

мые не могли ответить на этот вопрос (например на вопрос: «какого цвета была тахистоскопически поданная каждая буква?»). По мнению Кюльпе, это было вызвано тем обстоятельством, что признак предмета, не участвующий в решении задачи, не воспринимается субъектом. Таким образом, по Кюльпе, установка внимания субъекта в этом случае функционирует как избирающий агент восприятия.

Д. Чапмен повторил опыты Кюльпе в несколько измененных условиях и также пришел к заключению, что раздражитель, иррелевантный по отношению к инструкции, не отражается в памяти, причиной чего, возможно, является **недостаточное восприятие** иррелевантного раздражителя[41].

Следовательно, эти эксперименты призваны доказать избирательность внимания и общее или частичное отсутствие восприятия иррелевантных признаков раздражителя. Другими словами, отсутствие следа иррелевантного раздражителя в виде осознанного феномена памяти приводит психологов к выводу о том, что такой раздражитель вообще не оказывает воздействия на субъект.

Вопрос о том, оказывает ли воздействие на субъект иррелевантный раздражитель, по существу, ставили перед собой и некоторые исследователи психологии установки, но они отрицательно решили его: им тоже не удалось выработать у испытуемых фиксированную установку на иррелевантные раздражители[42].

Надо подчеркнуть одно обстоятельство: **Ни факты естественного наблюдения, ни вышеназванные эксперименты не доказывают, что субъект, который не может вспомнить о существовании какого-нибудь раздражителя, на самом деле не воспринимал этого (иррелевантного) раздражителя.**

Восприятие — одно, а **память** — другое психическое явление, и то обстоятельство, что в определенных феноменах **памяти** субъекта не обнаруживается **факт восприятия**, еще не указывает на несуществование последнего.

Естественно, ставится вопрос: воспринимается или нет субъектом иррелевантный раздражитель (у Кюльпе и Чапме-

---

41 Chapman D. V. Relative Effects of Determinante and Indeterminante "Aufgaben".—Amer. Journal of Psychology, 44, 1932.

42 Узнадзе Д. Н. К психологии установки. — В сб.: Материалы к психологии установки, Тбилиси, 1938 (на груз. яз.); Бочоришвили А. Т. Аналог иллюзии тяжести в сфере давления. Вестник Тбилисского гос. университета, 1927 (на груз. яз); Хачапуридзе Б. И. Дидактические материалы и игры в связи с некоторыми задачами дошкольного воспитания. Тбилиси, 1939 (на груз. яз.); Хачапуридзе Б. И. Основная проблема дошкольной педагогики в свете закономерностей установок, Тбилиси, 1948; Хачапуридзе Б. И. Исследования новых дидактических материалов для детских садов, т. 2, Тбилиси, 1946 и др.

на цвет, количество и др.) непосредственно связанный с основным релевантным раздражителем? Вернее, как воспринимает испытуемый буквы, не воспринимая в то же время те цвета, которыми эти буквы представлены?

Не вызывает сомнения тот факт, что цвет букв производит воздействие на испытуемых (опыты Кюльпе и Чапмена). В противном случае был бы совершенно непонятен факт восприятия испытуемыми букв, представленных именно этими цветами. То же самое следует сказать и в отношении пространственного расположения букв: каждый стимул размещен всегда в какой-то части пространства и воспринимается в этом пространстве.

Следовательно, в одном случае — цвет, в другом — пространственное расположение раздражителей являются, с одной стороны, иррелевантными признаками означенного стимула, поскольку все равно, **каким цветом** будет представлена буква или **в какой части пространства будет она** расположена. С другой же точки зрения, ни цвет, ни пространственное расположение букв нельзя считать иррелевантными признаками: ведь известно, что необходимым условием восприятия всякого оптического стимула являются наличие его цвета и пространственное расположение.

Фактом является и то, что в опытах Кюльпе и Чапмена испытуемые не помнят ни цвета, ни пространственного расположения букв даже непосредственно после экспозиции, не говоря уже о долговременной памяти. Причина этого нам кажется в том, что как Кюльпе, так и Чапмен стараются обнаружить **след** иррелевантного раздражителя (цвет) в виде осознанного феномена памяти и, поскольку результат воздействия иррелевантного раздражителя не обнаруживается в памяти субъекта в осознанном виде, они приходят к выводу, что он вообще не оказывает воздействия на субъект (т. е. он не воспринимается). Но такой вывод не следует считать аргументированным хотя бы по двум причинам:

1. Известно, что сохранение в кратковременной памяти следа того или иного раздражителя (в осознанном виде) возможно до тех пор, пока между восприятием раздражителя и его репродукцией не вклинится интерферирующий раздражитель (Бродбент)[43]. Особенно ярко проявляется этот факт у больных т. н. корсаковским синдромом (Талланд)[44], хотя он не чужд и нормальным людям. В опытах Кюльпе и Чапмена такой (интерферирующий) раздражитель был включен между восприятием стимула (инструкция: запомнить буквы) и его репродук-

---

[43] Broadbent D. E. Introduction. XVIII International Congress of Psychology. Symposium № 21, Moscow, 1966, p. 3—4.

[44] Talland G. A. Deranged Memory. N. Y., 1965.

цией, когда его обязуют назвать не буквы, а их цвет или пространственное расположение (т. е. меняется инструкция).

Следовательно, вполне возможно, что испытуемые Кюльпе и Чапмена ясно воспринимают иррелевантный раздражитель, но под воздействием интерферирующего раздражителя он выпадает из их памяти.

2. Раздражитель, не проявивший себя как феномен памяти в осознанном виде, может сохраниться в той же памяти неосознанным, т. е. в необъективированном образе, а для его выявления необходимы специфические условия. Таких специфических условий не видно в опытах Кюльпе и Чапмена. Испытуемых они просто спрашивают, какого цвета та или иная буква, и так как испытуемые не называют цвет, приходят к выводу, что испытуемые не восприняли цвета букв.

Ставится вопрос: можно ли создать такие экспериментальные условия, при которых взаимоотношение между предметами по величине (иррелевантный раздражитель) окажет воздействие на субъект по воле экспериментатора, в то время как внимание испытуемого, его сознание в целом, не будет направлено на это взаимоотношение? Для создания таких экспериментальных условий был использован вышеназванный «метод опознавания материала», что дало нам возможность дать ответ на поставленные выше вопросы, а именно: обнаружить факт восприятия нашим испытуемым иррелевантного раздражителя, если оно было воспринято им. Как мы видели выше (опыты по «опознаванию материала»), факт восприятия иррелевантных раздражителей налицо на **соотношение величин**, хотя инструкция не обязывала испытуемых запомнить соотношение объемов шаров и, как выяснилось, они вообще не замечали эти соотношения по величине между шарами.

Далее мы сочли нужным повторить тот же опыт «методом опознавания материала», но уже с той разницей, что в качестве иррелевантного признака предмета использовали не его объем, а **вес**, т. е. в фиксационном опыте мы подавали шары различного объема и веса в следующем порядке: в одну руку всегда тяжелые шары (от 50 до 200 г каждый), а в другую — легкие (от 15 до 63 г каждый). Испытуемым давали задание опознать материал, из которого изготовлен каждый шар. В критическом опыте испытуемым для сравнения по весу давали шары, равные по величине и по весу. Выяснилось, что у всех испытуемых (50) выработалась четко выраженная фиксированная установка на вес шаров, и эта установка на вес была сильнее, чем на объем (см. табл. 21).

Кроме веса и объема, предметы могут иметь и другие свойства, которые в условиях опыта можно было бы превратить в иррелевантный признак раздражителя. Из таких свойств мы выбрали **плотность шаров**, их мягкость-твердость и прове-

Таблица 21

Количество контрастных иллюзий в I-ой фазе	Количество испытуемых	%
0 — 1	0	—
2 — 10	8	16,0
11 — 20	15	30,0
21 — 30	20	40,0
Свыше 30	7	14,0

ли тот же опыт по «опознаванию материала» следующим образом: испытуемому в одну руку давали сравнительно твердые шары (пластмассовые, гипсовые, из гладкого или полосатого дерева, графитовые), а в другую — мягкие шары (из резины различной плотности, искусственной губки, войлочные и теннисные) с заданием: опознать материал, из которого изготовлен каждый шар. В критическом опыте испытуемым давались шары из искусственной губки одинакового размера и плотности. В критическом опыте им поручалось сравнить шары по **плотности.** У всех испытуемых (50) на этом свойстве материала обнаружилась ясно выраженная контрастная иллюзия, но с тем различием, что у большинства из них уже в пятой-шестой экспозициях иллюзия исчезла (см. табл. 22).

Таблица 22

Количество контрастных иллюзий в I-ой фазе	Количество испытуемых	%
0 — 1	—	—
2 — 10	38	76,0
11 — 20	10	20,0
21 — 30	2	4,0
Свыше 30	—	—

Таким образом, можно с достоверностью утверждать, что в опытах, проведенных «методом опознавания материала», **объем, тяжесть** и **плотность** шаров представляет собой ясно выраженный иррелевантный раздражитель.

Можно сказать, что с точки зрения возможности восприятия иррелевантных признаков раздражителя, наши опыты не отличаются от опытов Кюльпе, но по результатам разница между ними весьма существенна.

Сперлинг[45], ссылаясь на исследования Бриджини (1933), Кателя (1883), Чапмена (1930), Ланенбаха (1920), Эрдмана и

[45] Сперлинг Дж. Информация, полученная при некоторых зрительных предъявлениях. — В сб.: Инженерная психология за рубежом. М., Наука, 1967.

Лоджа (1898), Гринвилиса и Лаленбаха (1929), Уилкокса (1825) и Вудвортса (1938), указывает на один интересный факт: когда испытуемым дается на непродолжительное время какой-либо сложный раздражитель (посредством тахистоскопа), состоящий из нескольких букв, испытуемые утверждают, что они увидели больше букв, чем называли. Дело в том, что ни один из этих раздражителей (букв) не является для испытуемого иррелевантным. Они просто не успевают воспринять все релевантные раздражители. Это особый случай неосознанного восприятия.

В нашем примере мы сталкиваемся с другими обстоятельствами: испытуемые воспринимают тот или иной раздражитель (например, существующее между шарами взаимоотношение, различие их в весе и т. д.), но они не могут дать сознательный отчет насчет интерпретации этих раздражителей (когда опыты производятся по методу «опознавания материала»). Тот факт, что в этом случае мы имели дело с восприятием (возможно, с неосознанным восприятием), подтверждают иллюзии наших испытуемых в критическом опыте. Несомненно, что неоднократное восприятие соотношения между шарами (по объему, весу, плотности) легло в основу фиксации установки в фиксационном опыте, что обусловило возникновение иллюзий в критическом опыте.

Учение о двух планах психической деятельности, разработанное Д. Н. Узнадзе, делает понятным факт восприятия иррелевантных раздражителей. Согласно этому учению, всякий иррелевантный раздражитель воспринимается в плане установки и в этом случае он не осознается субъектом, а релевантный раздражитель воспринимается в плане объективации и, как таковой, всегда сопровождается сознанием.

Простой пример: когда я смотрю на свои ручные часы, я воспринимаю не только время (который час), но и форму часов, цвет, фон, на котором они воспринимаются. Насколько справедливо такое суждение? Поскольку в моем **сознании** в этот момент нет ни формы, ни цвета, ни фона, каким же образом мы можем подтвердить их наличие в восприятии?

Прямого психологического пути, основанного на самонаблюдении для подтверждения этого обстоятельства, не существует: если мы спросим о форме или о цвете у субъекта, посмотревшего на часы с целью узнать время, он не сможет дать о них никакого отчета (всем хорошо известно, что почти никто

не знает, какую форму имеют цифры на циферблате его часов).

Но существует логический путь для подтверждения этого факта. Допустим, субъект посмотрел на свои ручные часы и оказалось, что у него чужие часы. Что произойдет? Субъект непременно произведет объективацию, и его мышление развернется соответствующим образом.

Следовательно, в каждый конкретный момент субъект полностью воспринимает ситуацию, и для этого вполне достаточен уровень установки, но предметом объективации он избирает только то, что в данный момент содержит условие удовлетворения его сознательной моментальной потребности: если он желает узнать время, он производит объективацию стрелок и цифр, а если его интересует форма часов, он не обращает внимания на стрелки и т. д.

Таким образом, иррелевантным раздражителем следует считать раздражитель, непосредственно не являющийся объектом познания субъекта в данный момент, но принимающий существенное участие в решении главной задачи, стоящей перед субъектом.

Если бы субъект не воспринимал иррелевантных признаков предмета в каждый конкретный момент своей активности, он не смог бы воспринимать релевантные признаки, так как восприятие каждого релевантного признака без восприятия иррелевантных признаков того же предмета невозможно.

В психике субъекта отражаются все свойства того или иного воспринимаемого предмета (соответственно с имеющимся у человека анализатором), но в его **сознании** в каждый конкретный момент лишь один какой-либо признак представлен в виде осознанного раздражителя.

В памяти субъекта можно обнаружить «след» не только релевантных признаков предмета, но и, в соответствующих условиях, иррелевантных признаков того же предмета.

Релевантные признаки предмета непосредственно отражаются в сознании и ложатся в основу осознанных психических феноменов, а иррелевантные признаки предмета проникают в психику человека неосознанным (на уровне установки) путем и для обнаружения последнего необходимо создание особых условий.

Иррелевантный раздражитель отражается (воспринимается) в психике так же четко (на уровне установки), как и релевантный, только он не сопровождается обычным ясным сознанием.

Опыты, проведенные «методом опознавания материала», дают возможность утверждать, что человек воспринимает и такие признаки предмета, которых в его сознании обнаружить нельзя.

Ошибка всех исследователей в этом вопросе состоит в том, что след восприятия преддействующего раздражителя они ищут в сознании (в памяти), а не в **состоянии** субъекта. Таким состоянием, по Д. Н. Узнадзе, является установка[46].

4. К ВОПРОСУ О ВЫРАБОТКЕ ФИКСИРОВАННОЙ УСТАНОВКИ НА ИРРЕЛЕВАНТНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ В КАЧЕСТВЕННОЙ СФЕРЕ

После того как для нас стало ясно, что у человека в соответствующих условиях можно выработать фиксированную установку на иррелевантный раздражитель в количественной сфере[47], перед нами встал вопрос: возможно ли выработать фиксированную установку на иррелевантный раздражитель в **качественной** сфере?

Для выяснения этого вопроса мы обратились к «методу нейтрального шрифта» З. И. Ходжава и прибегли к некоторой модификации его.

Как известно, З. И. Ходжава по определенному порядку давал испытуемым **для чтения** немецкие слова (установочные опыты), а затем русские слова, составленные т. н. нейтральным шрифтом (критические опыты). Как правило, и эти совершенно знакомые русские слова испытуемыми читались в латинской транскрипции[48].

В качестве материала опыта мы применили цветной диапозитив с изображенными 12-тью буквами латинского алфавита (которые расположены в три ряда и максимально заполняют всю площадь диапозитива), написанными разноцветными красками и читаемыми только в латинской транскрипции.

Кроме этих букв, на диапозитиве изображено 80 разноцветных точек, разбросанных по всему диапозитиву вокруг и внутри букв. Из этих точек красных 23, зеленых 17, синих 25 и коричневых 15. Диапозитив проецируется на экран 60x80 см.

Первая серия опытов. В первой серии испытуемым давалась следующая инструкция: «На экране промелькнет рисунок и вы должны запомнить все, что увидите». Длительность экспозиции — 5 секунд. Непосредственно за экспозицией мы спрашивали испытуемого, что он видел. В этой серии опытов участвовало 100 испытуемых (55 женщин, 45 мужчин).

---

[46] Grigolava V. V. Die Wahrnehmung relevanter und irrelevanter Reizerrger. J. "Ideen des exacten Wissens", № 6, Stuttgart, 1970.

[47] Grigolava V. V. Uber die Wahrnehmung von Markmalen die im Bewusstsein nicht representient sind. Einstellungspsychologie. Berlin, 1976.

[48] Подробно см. Ходжава З. И. Проблема навыка в психологии. Тбилиси, изд-во АН ГССР, 1960.

Непосредственно за экспозицией буквы правильно назвали (см. табл. 23):

Таблица 23

Буквы	% испытуемых, правильно назвавших букву
D	85
F	76
U	42
G	25
L	56
N	29
Q	48
R	32
S	20
V	9
W	30
Z	15

Вместе с тем неправильно были названы буквы (см. табл. 24):

Таблица 24

Буквы	С	О	М	Н	Р	Е	В	Х	К
% испытуемых	24	12	12	7	5	3	2	1	1

Из 86 испытуемых, назвавших цвет, конкретные цвета указывали 54:

красный — 35 испытуемых
синий — 27 »
зеленый — 12 »
коричневый — 10 »

Цвета ошибочно назвали:

желтый — 8 испытуемых*
черный — 4
белый — 3 »
розовый — 1 »

В этой серии опытов привлекает внимание то, что испытуемые лучше всего запоминают буквы, помещенные в левом углу экрана (D, F, L).

* Некоторые испытуемые указывали два или три цвета.

Из 100 испытуемых только 86 отмечают, что буквы были цветными, однако из них 54 называют какой-нибудь конкретный цвет. Что касается цветных точек, то из тех же 100 испытуемых их называют 76, а конкретные цвета этих точек называют только 36 испытуемых.

После этой серии опытов, где мы установили, какова вообще реакция испытуемых на **релевантные** раздражители (буквы и точки), мы попытались одни из этих раздражителей, а именно буквы, при помощи инструкции сделать **иррелевантным** раздражителем и выяснить, какое влияние оказывает она (инструкция) на восприятие этих букв. Этой цели служила вторая серия опытов.

Вторая серия опытов. Испытуемым (разумеется, новым) мы давали тот же материал в тех же условиях, как это было в первой серии опытов, только инструкцию изменили следующим образом: «На экране промелькнут разноцветные точки. Вы должны как можно быстрее пересчитать **красные** точки и, как только закончите, сообщите нам, сколько их на экране. Время нами засекается». Мы измеряли время таким образом, чтобы испытуемый обязательно обратил на это внимание (мотивационный момент опыта).

Когда испытуемый заканчивал считать красные точки, мы выключали эпидиаскоп, записывали время и сразу же давали испытуемому новое задание: «Теперь посчитайте синие точки как можно быстрее».

В аналогичных условиях мы просили у испытуемых посчитать количество **зеленых** и, наконец, **коричневых** точек.

В итоге, как показали исчисления, каждый испытуемый перед освещенным экраном находился в среднем в течение 95,4 секунды.

Непосредственно после этого начинался критический опыт, — испытуемым давались на экране написанные «нейтральным шрифтом» два слова: «почва» и «топор» (по последовательности).

Наше предположение было таково: если **иррелевантные** раздражители (латинские буквы) окажут влияние на испытуемого, т. е. создадут фиксированную установку чтения по латыни, как это было в опытах З. И. Ходжава, то он русское слово «топор» должен прочесть как «тоноп», а «почва» как «норба».

Так как все 100 испытуемых адекватно прочли слова, написанные «нейтральным шрифтом», то здесь не будем детально анализировать результаты, отметим только, что 8 испытуемых были специалистами иностранных языков, а многие хорошо или довольно хорошо владели иностранными языками.

Отсюда ясно, что у испытуемых в качественной сфере на иррелевантный раздражитель не вырабатывается соответствующая этому раздражителю установка — установка чтения по

латыни, несмотря на то, что эти иррелевантные раздражители объективно занимают почти всю площадь экрана, а цветные точки только разбросаны между ними.

Поскольку мы заранее предполагали, что в таких условиях, возможно, у наших испытуемых не возникает фиксированная установка на иррелевантные раздражители (латинские буквы), мы старались установить: вообще замечали ли они подаваемые на экране буквы, когда все их внимание было переключено на подсчет точек?

С этой целью, как только испытуемые кончали читать подаваемые «нейтральным шрифтом» слова, мы тотчас же спрашивали у них, заметили ли они на экране, кроме точек, подсчетом которых они были заняты, еще что-нибудь, а если заметили, то, что именно?

Полученные результаты превзошли все ожидания. Несмотря на то, что мы обстоятельно опрашивали каждого испытуемого, выяснилось, что из 100 испытуемых 68 (68%) отмечали, что на экране, кроме точек, были и буквы, а остальные 32 (32%) вообще на заметили этих букв.

Заслуживает внимания и то, что из 100 испытуемых лишь 4 (4%) отметили, что буквы были **цветными.**

Достойны внимания и следующие данные: 14 испытуемых указывали, что наряду с точками на экране были даны и **числа,** а 4 испытуемых говорили о наличии **фигур,** тогда как на экране на самом деле не были представлены ни числа, ни фигуры.

По нашему мнению, особенно интересно, что двое испытуемых **показали,** что буквы были **грузинские,** а 18 — что буквы **были русские.**

Что касается указания на конкретные буквы, представленные на экране, были получены такие результаты: когда внимание испытуемых обращено на точки, резко снижается указание на буквы, представленные на экране наряду с точками. В частности, только одному испытуемому удалось назвать четыре буквы, из которых одна («С») была названа ошибочно, остальные же испытуемые не смогли **конкретно** назвать представленные на экране латинские буквы.

На поставленный нами вопрос (заметили ли они на экране, кроме точек, еще что-нибудь?) большинство испытуемых дает следующие характерные ответы: «разноцветные точки и какие-то буквы»; «цифры и множество точек»; «ничего»; «красные точки»; «квадраты, желтые точки»; «кольца и разноцветные точки»; «несколько грузинских букв»; «кажется, были и буквы»; «еще были черные и коричневые точки»; «было написано какое-то слово»; «цветные цифры»; «буквы»; «какие-то фигуры и русские буквы»; «буквы латинского алфавита» (без названия); «латинские буквы N, D, F, G и точки разных цветов»; «не обратили внимания».

Д. Н. Узнадзе пишет: «...Основной фактор внимания в первую очередь следует искать в субъекте: когда и в каком направлении начнется работа внимания и когда она закончится, — это, несомненно, зависит от того, какие **потребности** имеются теперь у субъекта и об удовлетворении которой из них он заботится»[49].

Как мы видели выше, результаты наших экспериментов, полученные на качественном материале, весьма ясно подтверждают это положение, высказанное Д. Н. Узнадзе (и многими другими психологами), хотя необходимо отметить и то, что в сознание все же каким-то образом поступают и такие раздражители, на которых не обращено внимание человека. В наших опытах таковыми являются буквы: правда, подавляющее большинство испытуемых не могут назвать конкретные буквы, однако ясно, что буквы замечаются на экране. Нужно сказать, что в сознании большинства испытуемых отражена, так сказать, «буквенность», хотя она почти никогда не сопровождается конкретным содержанием.

Подавляющее большинство под влиянием инструкции (считать точки) внешне будто бы превращается в пациентов Шакоу: не замечают главного (букв) и очень хорошо видят то, что обрамляет его[50].

Как выясняется, факторы пассивного внимания (интенсивность раздражителя, частота, гештальт и др.), обильно сопровождающие на экране буквы, бессильны, когда активное внимание субъекта, его акт объективации (по Д. Н. Узнадзе) направлен на какой-нибудь другой, **даже незначительный**, раздражитель.

Что касается выработки в качественной сфере фиксированной установки чтения по латыни русских слов, составленных «нейтральным шрифтом», то она не была достигнута, хотя в этих опытах имелись гораздо лучшие объективные условия для этого, чем в опытах фиксации установки в количественной сфере (по методу «опознавания материала»), где у всех испытуемых выработалась фиксированная установка.

О чем говорят эти данные?

В первую очередь о том, что для человека **специфична** не установка, вызванная непосредственно воздействующим раздражителем, а установка, **опосредованная** объективацией, когда речь идет об осуществлении социального поведения того или иного характера.

---

[49] Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Труды, т. III—IV, Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1964, с. 538 (на груз. яз.).

[50] Shakow D. Some Observations on the Psychology of Shizophrenia.— В сб.: «Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе». Тбилиси, Мецниереба, 1973.

Д. Н. Узнадзе пишет: «С полной уверенностью можно сказать, что нет ничего такого, кроме действительности, существующей вне нас, что могло бы оказывать такое сильное влияние на наше поведение, так определить его, как это может речь, возникшая на почве нашей социальности»[51]. Или, говоря иначе: внешняя действительность на человека «оказывает влияние двояко—прямо, посредством непосредственно воздействующего раздражителя, и косвенно, посредством **словесного символа**, который не имеет собственного, самостоятельного содержания и является лишь представителем какого-нибудь другого чуждого раздражителя: человек воспринимает или **непосредственное влияние протекающих в действительности процессов**, или воздействие тех **словесных символов**, которые представляют их в специфической форме»[52].

Рассматривая вопрос об установке животных Д. Н. Узнадзе указывает на следующее обстоятельство: «У нас нет основания думать, что на базе потребности и ситуации установка соответствующей активности может возникнуть только у человека. Наоборот, поскольку сознание, которого лишено животное, в жизни человека выполняет такую важную роль, следует думать, что установка, как таковая, возможно, большое, **непосредственное значение** будет иметь именно у животного»[53].

Следовательно, для осуществления целесообразного действия в окружающей среде установке придается более важное значение в случае животного, чем в случае человека, ибо человек обладает сознанием и поэтому всякая его активность должна носить его отпечаток даже во время осуществления импульсивного действия.

Д. Н. Узнадзе пишет: «Тогда как поведение животного определяется **только** воздействием актуальной действительности, человек непосредственно не подчиняется этой действительности. Несомненно, он может на воздействие явлений окружающей действительности ответить только после того, как он переломит эти явления в своем сознании — осознает и осмыслит их»[54].

Так, мотылек, который непосредственно подчиняется влиянию актуальной действительности, сгорает в пламени, а человек обычно не поступает так, и это **только** потому, что он, кроме установки, обладает и сознанием, которое, когда это нужно, как бдительный сторож воспрепятствует осуществлению опасного импульсивного действия. Но если в этом нет необхо-

---

[51] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 129 (на груз. яз.).

[52] Там же, с. 129—130.

[53] Там же, с. 110.

[54] Там же, с. 130.

димости, то реализация установки и у человека протекает почти так же, как и у животного.

Д. Н. Узнадзе говорит: «Помимо сознательных процессов, в человеке имеется нечто, что само не является содержанием сознания, однако оказывает на него определенное влияние — определяет его, ведет его в известном направлении. Мы видели, что это можно назвать установкой, **установкой,** которая проявляется **в каждом живом существе,** в процессе его отношения с окружающей действительностью»[55].

Следовательно, установка представляет собой основу поведения **всех** живых существ, однако в случае человека она может стать основой и сознательных процессов, когда возникает объективная необходимость в этом. Можно сказать, что реализация **чисто человеческой** установки происходит **лишь** тогда, когда человек, компоненты, определяющие установку, «переломит ... в своем сознании осознает и осмыслит их»[56].

Выше мы видели, что когда дело касается обычного, повседневного поведения, для выработки установки у человека нет необходимости в том, чтобы он осознавал воздействующую на него действительность: когда человеку хочется пить, он **не всегда** осознает свою потребность и ситуацию ее удовлетворения (воды), а просто берет графин, наливает воды в стакан и пьет, и в этом случае, по существу, его поведение не отличается от поведения животного. Но когда человеку приходится установить отношение с социальной ситуацией, в этом случае, обычно, его непосредственная установка бессильна стать основой целесообразного поведения, и вот здесь происходит «преломление явлений в сознании» (Д. Н. Узнадзе), возможность чего человеку предоставляет способность объективации.

Таким образом, существует сфера воздействия на человека, на основе которой выработка установки возможна хотя бы первоначально, **только посредством акта объективации.** Такими оказались в наших опытах буквы: выяснилось, что если испытуемый не осознает буквы, если он не читает их (как в опытах З. И. Ходжава), то не возникает и установка на них.

5. ТЕОРИЯ Д. Н. УЗНАДЗЕ И Т. Н. «СОЦИАЛЬНАЯ УСТАНОВКА» –

По теории Д. Н. Узнадзе, объективация — первичная основа социального поведения — начинается тогда, когда происходит **задержка** обыкновенного, характерного для плана установки, протекания действия по причине какого-нибудь препят-

---

[55] У з н а д з е Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. – Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 45.

[56] Там же, с. 130.

ствующего объективного фактора. Однако, как только с помощью мышления будет выяснена причина задержки, сразу прекращаются познавательные процессы, возникающие на основе объективации, и субъект продолжает действовать на основе **установки**, во время которого в установке «отражается лишь тот отрезок действительности, который необходим для целесообразного протекания действий, направленных на удовлетворение актуальных потребностей живого организма»[57].

Что установка Д. Н. Узнадзе в корне отличается от **любых социальных феноменов,** это следует из следующего положения, развиваемого Д. Н. Узнадзе: «Следует специально отметить существование этих двух уровней психической жизни — уровня **установки** и уровня **объективации.** В то время, как первый из них, **уровень установки характерен для всех живых существ,** в частности, в определенных условиях и для человека, второй уровень — уровень объективации специфичен **только для человека,** существа, строящего основы для **социальной жизни** и создающего условия для культурного существования»[58].

О чем говорят приведенные здесь цитаты из труда Д. Н. Узнадзе? Прежде всего о том, что уровень установки и любое явление социального порядка — понятия, взаимно исключающие друг друга: там, где перед нами установка (основа поведения всех живых существ), нет места для социального и наоборот.

Д. Н. Узнадзе определенно указывает на то, что для человека как социального существа специфическим является не установка (она характерна для него лишь в определенных условиях), а «уровень объективации», который «специфичен только для человека, существа, строящего основы для социальной жизни...»[59].

Приводимое здесь нами положение Д. Н. Узнадзе, по нашему мнению, полностью вытекает из учения К. Маркса о человеке. «Животное, — пишет К. Маркс, — непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта **жизнедеятельность.** Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная. Это не есть такая определенность, о которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности. Именно лишь в силу этого он есть родовое существо»[60].

---

[57] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 141 (на груз. яз.).

[58] Там же, с. 141.

[59] Там же, с. 141.

[60] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 42. М., Госполитиздат, с. 93.

Правда, поведение человека протекает то в сознательном, то в неосознанном плане (на уровне установки), однако для него, как родового существа, специфическим является первый, а не второй из этих планов.

Почти все авторы, говорящие о «социальной установке», при этом имеют в виду в основном **отношение** (или ориентацию) человека к человеку, человека к обществу, общества к обществу, человека к какому-нибудь явлению и т. д. Причем эти отношения **всегда сознательны и осознаваемы.**

Что означает каждый из этих двух понятий («сознательный» и «осознаваемый»)?

Мое отношение как отношение субъекта к тому или иному явлению, предмету или проблеме всегда сознательно: я **знаю,** что люблю (или не люблю) те или иные фрукты, что мое отношение к многодетности положительно (или отрицательно) и т. д.

«Для социального уровня поведения личности, — пишет М. Балнашвили, — характерно учитывание требований другого человека. Если эти требования не совпадают с социальными ориентациями, установками личности, противоречат им, то перед личностью возникают трудности. Для преодоления этих трудностей и вследствие этого в системе личности происходит определенные трансформации, закономерности которых широко изучается одной из теорией социальной психологии, теорией когнитивной консистентности (совместности)»[61].

Как видим, здесь слова «ориентация» и «установка» использованы как синонимы и вместе с тем ясно — оба они субъекту даны сознательно. Что эта установка характеризуется признаком сознательности, не вызывает никакого сомнения. «Мы, — пишет М. Балнашвили, — попросили группу испытуемых выразить письменно суждения, не совпадающие с их установками или противоречащие им. Требовалось обсуждение — доказательство двух положений, выражающих две крайне установленные позиции»[62].

«Возникновение правильного суждения, — пишет Ш. А. Надирашвили, — при обсуждении определенного вопроса в основном зависит от душевной установки (attitude of mind), которой мы придерживаемся, когда слышим мнение нашего противника. От сохранения этой правильной установки зависит то, что мы разбираем, что истинно и что ложно»[63].

---

[61] Балиашвили М. С. Гетерогенное поведение и смена социальной установки. — «Мацне», серия философии, психологии, экономики и права. № 2, 1976, с. 83 (на груз. яз.).

[62] Там же, с. 83.

[63] Надирашвили Ш. А. Социальная психология личности. Тбилиси, Изд-во Тбилисского гос. университета, 1957, с. 317 (на груз. яз.).

Как мы видим, и здесь эта «социальная установка» характеризуется общепризнанным признаком сознательности. Вместе с тем каждому исследователю проблем психологии установки Д. Н. Узнадзе известно, что «установка не является феноменом сознания» (Д. Н. Узнадзе).

По нашему мнению, подобное понимание «социальной установки» объясняется тем, что английское слово «attitude» переведено как «установка», несмотря на то, что «attitude» по своему содержанию ничего общего не имеет с узнадзевской «установкой».

Когда в зарубежной психологии говорят о т. н. социальной установке, то она ничего общего не имеет с концепцией Д. Н. Узнадзе об установке. Как было отмечено выше, установка по Узнадзе является понятием, в **одинаковой мере** объясняющим поведение **как человека,** так и животного. Поэтому ее нельзя считать понятием, объясняющим специфику сознательного поведения социального существа.

В связи с этим весьма интересно мнение А. С. Прангишвили. Он пишет: «Некоторые авторы считают, что установке присуще свойство двуполярности. Например, Турстон определяет установку как «отрицательное или положительное отношение к психологическому объекту». Но положительные или отрицательные отношения выражаются в определенном («установленном», «настроенном») упорядоченном, т. е. приблизительном поведении. Оно само по себе не является ни положительным, ни отрицательным отношением и характеризуется, если можно так выразиться, своим качественным содержанием. Установка есть предпосылка самой возможности упорядоченного, приспособленного поведения.

Но установке, как «селективной системе» в некотором смысле может быть приписано свойство нести в себе положительный или отрицательный «заряд». Всякая готовность к определенной форме реагирования, возникшая на основе конкретной потребности, проявляется в одно и то же время и как готовность направиться к объектам некоторых видов (положительный «заряд»), и как сопутствующая ей готовность отойти от объектов некоторых других видов (отрицательный «заряд»)»[64].

Как известно, Д. Н. Узнадзе характерной для установки считает не положительное или отрицательное отношение к объекту, а целесообразное поведение живого организма в среде, а **в случае человека как ступень, предшествующая сознанию.** Это подтверждают следующие слова Д. Н. Узнадзе:

---

[64] Прангишвили А. С. Исследования по психологии установки. Тбилиси, Мецниереба, 1967, с. 65.

«... ранняя ступень психики, ... которая должна была быть названа установкой»[65].

По мнению Д. Н. Узнадзе, сознательные процессы могут быть обусловлены неосознанными состояниями: «...состояния нашего сознания протекают не обязательно под влиянием других сознательных процессов — **они могут быть обусловлены и такими процессами**, которые не занимают определенного места в сознании»[66] и, что существуют психические процессы «вне сознания»[67].

Некоторые недоразумения, как мы уже отмечали, создает то обстоятельство, что английское слово «attitude» некоторыми авторами переведено на грузинский язык как «ганцкоба» (установка). Например, Ш. Надирашвили пишет, что «при рассмотрении понятия установки Г. Олпорт отмечает, что оно является самым хорошо и операционально определенным понятием в психологии»[68] и не указывает, что Олпорт дает определение «attitude».

К тому же, почти все авторы, употребляющие слово «установка» в значении «attitude», под этим понятием подразумевают **отношение**, которое бесспорно сознательно.

Вначале могли назвать Бога чертом, а черта Богом, и ничего в этом непонятного не было бы: черт оставался бы чертом, а Бог—Богом. Однако, после того как уже были присвоены имена тем или иным предметам, существам или явлениям, переименование ни к чему, кроме недоразумения, привести не может.

По этой же причине нельзя слово «attitude» переводить как «установку», так как понятие «установка» подразумевает вполне определенное значение в советской и, особенно, в грузинской психологической науке.

Что «установка» и «attitude» по своим содержаниям совершенно разные понятия, это ясно видно из того определения, которое дается в английском психологическом словаре.

«attitude» здесь определено, как «продолжительное выученное предрасположение вести себя последовательно к данному классу предметов». Хорошо связаны такие фразы, как, например, критический аттитуд, религиозный аттитуд, научный аттитуд, одобрительный аттитуд, жесткий аттитуд, аттитуд безопасности, аттитуд гордости.

Социальный аттитуд в словаре определено следующим образом: 1. Аттитуд к социальному событию; 2. Аттитуд, который

---

65 Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 12 (на груз. яз.).

66 Там же, стр. 43.

67 Там же, стр. 43.

68 Надирашвили Ш. А. Социальная психология личности. Тбилиси, Изд-во Тбилисского гос. университета, 1975, с. 316 (на груз. яз.).

разделяют многие люди; 3. Аттитуд, который коммуникабельный; 4. Аттитуд, который находится под влиянием социальных факторов — это значение делает едва существующее различие; с этой точки зрения все **аттитуды социальные.**

Как видно, тому определению понятия «attitude», которое дают ему на его родине, совершенно не соответствует узнадзевское определение понятия установки.

Особо следует подчеркнуть, что в вышеприведенном определении понятия «attitude» — «все аттитуды социальные», чего никак нельзя сказать относительно установки Д. Н. Узнадзе.

Между прочим, это несоответствие понятия «attitude» и понятия «установка», которое должно быть замечено в грузинской психологии, было подмечено Г. М. Андреевой, которая пишет: «На... житейском уровне понятие социальной установки употребляется в значении, близком к понятию «отношение». Однако в психологии (особенно в Советской психологии — В. Г.) термин «установка» имеет свое собственное значение. И необходимо соотнести понятие «социальная установка» с этой традицией»[69].

Далее Г. М. Андреева пишет: «Как известно, проблема установки была специальным предметом исследования в школе Д. Н. Узнадзе. Внешнее созвучие терминов «установка» и «социальная установка» приводит к тому, что иногда содержание этих понятий рассматривается как идентичное»[70].

Это же несоответствие понятии «установка» и «социальная установка» была подмечена и Е. И. Смаглий, который пишет: «Понятие «установка» трактуется как поза, ожидание... и т. п., что затрудняет научный поиск истины. Более того, синонимы установки: намерение, диспозиция, гипотеза **«социальная установка»...** и т. п. в большой мере отражают феномен сознания и вступают в некоторое противоречие с ее исходными понятиями...»[71].

Как уже было отмечено выше, если, по мнению Д. Н. Узнадзе, установка «характерна для любого живого существа, в частности в определенных условиях и для человека», то надо полагать, что всякая попытка «социализировать» установку лишена основания, так как «социальная жизнь» начинается именно там, где кончается действие установки.

---

69 Андреева Г. М. Социальная психология. М., Изд-во Московского университета, 1980, с. 353.

70 Там же, с. 354.

71 Смаглий Е. И. О состоянии уверенности в установочных и спортивных действиях. В сб.: «Психологические проблемы повышения эффективности и качества труда». Тезисы научных сообщений к VI всесоюзному съезду об-ва психологов СССР. М., 1983, с. 611.

«Attitude» в английском языке имеет много значений, а «установка» в грузинском языке единственное, в частности значение, которое закрепил этим термином Д. Н. Узнадзе. Кроме того, следует отметить и то обстоятельство, что «установка» ни в коем случае не выражает ориентацию, отношение к другому человеку, формации, партии, какому-нибудь произведению искусства и т. д.

Когда человек выражает хорошее, плохое или индифферентное отношение (а не установку) к другому человеку, это может быть обусловлено многими причинами.

Возьмем такой пример. Допустим, кто-нибудь обидел меня, и у меня сложились плохие отношения с ним. С течением времени сам факт обиды я могу позабыть (хотя вспомнить его я всегда способен), но мое плохое отношение к этому человеку может сохраниться надолго.

Или еще другой пример. Из грузинских поэтов, предположим, самый любимый для меня Галактион Табидзе, и это мое отношение к поэзии Табидзе, резумеется, сознательно. Однако я могу и не знать ни одного его стихотворения наизусть и, выражая свое отношение к поэзии Табидзе, я выражаю только мое отношение, получившее когда-то при чтении его стихов.

Для выражения таких субъективных обстоятельств подходит «attitude» или просто «отношение», но ни в коем случае — «установка».

Повторяю: отношение всегда сознательно или осознаваемо для субъекта, чего нельзя сказать об установке. Самой первой характеристикой установки считается, что она «не является феноменом сознания» (Д. Н. Узнадзе).

Поэтому, по нашему мнению, «attitude» должно быть переведено не как «установка», а как отношение или же следовало это английское слово применить и в грузинском, как мы употребляем другие иностранные термины, например, «апперцепция», «амбивалентность» и др., и сохранить за ним те нюансы значения, которыми оно обладает в английском языке.

«Социальное attitude*, — пишет М. Балиашвили — эта прочная система тенденций позитивной или негативной оценки социального объекта, переживания удовольствия-неудовольствия по отношению к нему или содействия или сопротивления ему»[72].

Как видим, «социальная установка» не обладает ни одним признаком, характерным для установки Д. Н. Узнадзе. А это приводит к недоразумениям, по крайней мере с терминологической точки зрения.

---

* Балиашвили М. С., в этом случае, поступает совершенно правильно, когда не переводит английское слово «attitude» как «установка» (В. Г.).

72 Балиашвили М. С. Формирование социальной установки и активности. Тбилиси, Мецниереба, 1980, с. 7 (на груз. яз.).

Мы не можем согласиться с Г. М. Андреевой в том, будто «установка в контексте концепции Д. Н. Узнадзе более всего касается вопроса о реализации простейших физиологических потребностей человека»[73].

Тот факт, что под влиянием установки обыкновенное русское слово субъектом читается как латинское слово (опыты З. И Ходжава), указывает как раз на то, что действие установки вовсе не ограничивается реализацией физиологических потребностей. Если бы установка являлась механизмом только биологического уравновешения организма, то она не была бы психической. Она потому является психической, что лежит в основе как осознанных, так и неосознанных психических явлений (хотя, повторяем, сама установка никогда не бывает сознательной).

Может быть вопрос о том, обусловлен ли эффект З. И. Ходжава установкой или навыком, является для некоторых психологов спорным, однако то, что я при встрече с русским сразу «настраиваюсь» на русскую речь, а при встрече с грузином на грузинскую, разумеется нельзя объяснить только физиологическими механизмами навыка.

Д. Н. Узнадзе ставит вопрос: «Играет ли наша установка какую-нибудь роль и у социально обусловленного человека или в этом случае протекание нашего поведения имеет другое основание?»[74]

Подробно рассмотрев акт объективации, Д. Н. Узнадзе дает прямой ответ на этот вопрос: «... Акт объективации является именно своеобразным, специфическим состоянием человека, состоянием, которое отсутствует у животных и на котором строится все преимущество человека. Нет необходимости остановиться на том, в каких условиях возможен этот акт. Само собой разумеется, что подобным свойством может обладать **только человек как социальное существо.** Предмет как объект подразумевает и другого субъекта и поэтому акт объективации может возникнуть лишь в условиях общественной жизни»[75].

«Курица, например, — говорит Д. Н. Узнадзе, — должна заметить зерно, чтобы начать клевать. Разумеется, для стимуляции этого акта поведения нет необходимости во всестороннем и детальном исследовании зерна: курице достаточно уви-

---

[73] А н д р е е в а Г. М. Социальная психология. М., Изд-во Московского университета, 1980, с. 354.

[74] У з н а д з е Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Труды, Т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 107 (на груз. яз.).

[75] Там же, с. 140.

деть зерно, чтобы начать клевать, а этого вполне достаточно для сохранения ее жизни»[76].

В этом отношении, по мнению Д. Н. Узнадзе, поведение курицы существенно не отличается от поведения человека, которое протекает на уровне установки без всякой задержки.

В этом и другом случае основой поведения является установка и это вполне достаточно для того, чтобы живое существо установило целесообразное отношение со средой независимо от того, является эта среда биологической или социальной.

«... Речь и мышление протекают на втором, более высоком уровне — уровне объективации», поэтому, заключает Д. Н. Узнадзе, «уровень объективации специфичен только для человека — того существа, которое строит основы для социальной жизни и создает условия для культурного существования»[77].

Д. Н. Узнадзе там же указывает, что «правильно полагают, что специфической особенностью человека является социальность и возникший на этой основе дар речи». Однако это не означает, будто, по мнению Д. Н. Узнадзе, человек полностью освобождается от воздействия установки, являющейся характерным свойством всего живого мира. Правда, для человека характерно опосредствованное объективацией (следовательно, сознанием, мышление) поведение, а не импульсивное поведение, но и импульсивное поведение занимает определенное место в его жизни. Вышеуказанные примеры, приводимые Д. Н. Узнадзе, А. Н. Леонтьевым и другими, указывают именно на то, что поведение человека в обычных условиях протекает на уровне установки, т. е. без участия мышления и сознания.

Самым существенным, характерным признаком всякого социального поведения является то, что оно сознательно, а для установки главное, что она **не является феноменом сознания.**

Установка у человека в одних случаях может осуществляться на импульсивном уровне, а в других может быть опосредствована объективацией и мышлением, однако после того как установка образовалась, она всегда протекает импульсивно. Пойти ли в театр, этот вопрос решает сама личность, однако после того как решение осуществлено, все его поведение протекает импульсивно, на уровне установки.

С этой точки зрения, учение Д. Н. Узнадзе об объективации имеет более существенное значение для **психологии человека,** чем установка так, как «... уровень установки характерен для всех живых существ, в частности, в определенных условиях

---

[76] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба. 1977, с. 134 (на груз. яз.).

[77] Там же, с. 141.

и для человека...»[78], а «...объективация специфична только для человека, существа, строящего основы для социальной жизни»[79].

Исходя из этого, можно сказать, что установка не определяет модус социального человека, личности. Модус личности образуют среда и возникшие на основе объективации потребность, сознание и мышление. Установка же образует модус **поведения** живых существ и человека среди них. Установка личности может быть опосредствована мышлением и сознанием, однако после того, как с помощью мышления задача будет решена, поведение опять-таки протекает на основе установки.

Когда я снимаю шапку перед знакомым или наливаю воду из графина в стакан и так пью, это не означает, что я совершаю социальную установку. Нет, здесь просто **поведение** является социальным, а в его основе, как и в основе **всякого другого поведения,** лежит установка. Животное тоже может выпить воду со стакана, однако от этого его поведение не станет социальным и нельзя серьезно говорить о его «социальной установке».

Простой пример: из золота можно сделать зуб, можно сделать и серьги, однако от этого золото не станет в одном случае биологическим, а в другом эстетическим, — в обоих случаях оно останется золотом. Что касается установки (согласно Д. Н. Узнадзе), она всегда является психической, а не биологической или социальной.

Существуют социальная психология, педагогическая психология, инженерная психология, медицинская психология, математическая психология и т. д. Если предположить, что понятие «социальная установка» является законной, то следует предположить также, что законными являются и «педагогическая установка», и «медицинская установка», и «математическая установка» и т. д., что, разумеется, вызвало бы недоразумение.

Тот факт, что модус социальной личности успешно исследуют (в основном В. Г. Норакидзе) методом фиксированной установки, ни в коем случае не говорит в пользу того, будто бы установка определяет модус социальной личности. Модус социальной личности определяет не установка, а объективация, на основе которой у субъекта создается та или иная установка, соответствующая объективной среде.

---

[78] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Труды, т. VI, Тбилиси, Мецниереба, 1977, с. 141 (на груз. яз).

[79] Там же, с. 141.

ОТ РЕДАКТОРА

Монография известного грузинского психолога Владимира Владимировича Григолава «Контрастная иллюзия, бессознательное, установка» завершает многолетние теоретические и экспериментальные исследования ученого. Книга посвящена актуальной проблеме психологии — природе и закономерностям функционирования установки. В. В. Григолава приступил к этим исследованиям по заданию Дмитрия Николаевича Узнадзе, в архиве которого по сей день хранится заполненный самим Узнадзе аспирантский листок своего последнего ученика В. В. Григолавы, в котором он так определил тему его работы — «Бессознательное и установка».

Отмеченная проблема сложна и многогранна. Она является одной из принципиальных проблем теории установки. Изучению «бессознательного психического» В. В. Григолава придавал очень важное значение. В своих монографиях и статьях он пытался проанализировать бессознательное с одной стороны и установку с другой, чтобы раскрыть и обосновать продуктивность теории установки, ее подхода к пониманию закономерностей психической активности. Развивая тезис Д. Н. Узнадзе о принципиальном отличии установки от бессознательного психического З. Фрейда, В. В. Григолава постарался доказать данное суждение как теоретически, так и оригинальными экспериментальными исследованиями.

Блестящие экспериментальные исследования В. В. Григолавы внесли определенный вклад в разработку таких фундаментальных проблем психологии как вопрос о природе установки и ее роли в регуляции поведения человека.

В данной книге обобщены результаты многолетних поисков В. В. Григолавы. Исследование природы контрастной иллюзии позволили автору выявить новые убедительные данные подтверждающие обусловленность указанного психического феномена установкой. В. В. Григолава удалось показать специфические закономерности фиксации установки на такие признаки ситуации, которые не были осознанны у человека. В отличие от большинства традиционных исследований по психологий установки В. В. Григолава разработал методический прием анализа установки, которая не проходит через уровень объективации. Подобного рода исследования по праву могут быть охарактеризованы как новая страница в летописи замечательных работ научной школы классика Советской психологии Д. Н. Узнадзе. Осуществленный в труде сопоставительный анализ теории уста-

новки и теории бессознательного психического З. Фрейда вскрыл оригинальные пути решения ряда важных дискуссионных проблем теории установки.

Значимость разрабатываемых автором проблем и научная обстоятельность их исследований обусловили известность трудов ученого — они опубликованы в различных научных изданиях Англии, Японии, Франции, ГДР, Мексики, ФРГ, Польши, Югославии, ЧССР, Болгарии.

В. В. Григолава отстаивал теорию установки не только как талантливый и глубоко эрудированный ученый-исследователь, но и как активный пропагандист науки. Своей широкой общественно-организаторской деятельностью он во многом способствовал развитию грузинской психологии. Был способен убеждать, сам умел слушать и понимать. Человек шедрой души, большого человеческого обояния, такта, подлинной деликатности и сердечности, он привлекал сердца, укреплял веру в доброту и справедливость. И это, конечно, самое большое богатство, высший дар психолога.

Монография «Контрастная иллюзия, бессознательное, установка» — последний труд В. В. Григолавы, но она продолжит начатое им дело, откроет новую станицу в развитии теории выдающегося советского ученого Д. Н. Узнадзе и несомненно вызовет широкий интерес научной общественности.

Григолава Владимир Владимирович

КОНТРАСТНАЯ ИЛЛЮЗИЯ, УСТАНОВКА И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

ТБИЛИСИ
«МЕЦНИЕРЕБА»
1987

ვლადიმერ ვლადიმერის ძე გრიგოლავა

კონტრასტული ილუზია, განწყობა და არაცნობიერი

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Грузинской ССР

ИБ 3559

Редактор издательства О. Н. Гиоргадзе
Художник Т. Кохреидзе
Худож. редактор Г. Ломидзе
Техредактор Н. Бокерия
Выпускающий Л. Г. Майсурадзе

Сдано в набор 28. 08. 1987; Подписано к печати 13. 11. 1987; Формат бумаги $60 \times 90^1/_{16}$; Бумага № 1; Печать высокая;
Гарнитура литературная; усл. печ. л. 13.3; Уч.-изд. л. 12, 8
усл. кр.-отт. 13,7
УЭ 01091; Тираж 2200; Заказ 2906
Цена 2 руб. 40 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქართველოს სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Типография АН Грузинской ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19